ДИП-СКЛЕРОЗ

ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Поклонники Сергея Лукьяненко! Эта книга для Вас! Вы хотите снова оказаться в мире «Лабиринта отражений» и «Фальшивых зеркал»? Тогда не пропустите сборник «Дип-склероз»!

Это — НЕ ПОДРАЖАНИЕ.

Это — НЕ ПАРОДИЯ.

Это — нечто, имеющее в сети Интернет название «фанфик». Произведения, написанные ПО МОТИВАМ «Лабиринта отражений» и «Фальшивых зеркал». Возможно ли улучшить или дополнить мир Диптауна? Или — просто весело посмеяться над его обитателями? Или — рассказать о нем свои собственные истории, снова прогуляться по его виртуальным улицам, поглядеть на происходящее в нем глазами ДРУГИХ персонажей? Судя по всему — ВОЗМОЖНО!

- ДИП-СКЛЕРОЗ (сборник)
  - Сергей Лукьяненко
  - Олег Кулагин
  - Артем Прохоров
  - Татьяна Матвеева

ДИП-СКЛЕРОЗ (сборник)

Сергей Лукьяненко
ТРУДНО ПИСАТЬ ПРЕДИСЛОВИЯ

Трудно писать предисловия. Это все равно что стоять в книжном магазине и рассказывать покупателям содержание новой книги. Если не можешь этого сделать кратко — то зачем пытаться? А если можешь — то зачем было писать такую большую книгу?

Еще труднее писать предисловия к чужим книгам. Все равно ты видишь ее не так, как автор, и сказанное будет больше говорить о тебе самом, чем о книге.

А труднее всего писать предисловие к вещам, созданным на основе твоих книг. В сети Интернет такие произведения называют «фанфиками», как правило, они не претендуют на излишнюю серьезность, но… нет правил без исключения.

Перед вами, уважаемый читатель, как раз три «фанфика». Их авторы не слишком широко известны за пределами сетевой литературы, но у них есть все шансы на дальнейший творческий рост. Данные произведения созданы под впечатлением и с использованием реалий моих книг «Лабиринт отражений» и «Фальшивые зеркала», наверное, и адресовать их стоит в первую очередь тем, кому понравилась эта дилогия. Это вовсе не значит, что авторы поленились или не сумели создать отличный от Диптауна мир — скорее им просто захотелось в чем-то его улучшить, дополнить, а может быть — и посмеяться немного. У них есть и другие, уже собственные истории… но я благодарен им за то, что они вместе со мной прошли по улицам виртуального города Диптауна, рассказали те истории, которые у меня не хватило времени рассказать, поглядели на происходящее глазами других персонажей, подружились с Леонидом и Викой, Маньяком и Компьютерным Магом, Чингизом и Падлой…

Добро пожаловать в Диптаун! Сергей Лукьяненко

Олег Кулагин
ДИП-СКЛЕРОЗ

Сергею Лукьяненко, Человеку и Психиатру

Это похоже на кошмар.

Бескрайняя, гладкая, словно стол, равнина цвета запекшейся крови. Серо-свинцовое небо. И огромные льдисто-холодные кубические глыбы. С грохотом они падают с неба, громоздятся правильными рядами — справа, слева, впереди, сзади…

Я начинаю метаться, уворачиваясь от чудовищного, геометрически правильного камнепада. Глыбы ложатся все ближе и ближе, преграждая дорогу. И негде укрыться среди проклятой выжженной равнины…

Я в ловушке, я захлебываюсь отчаянным криком…

И в это мгновение мир вокруг вздрагивает, будто при землетрясении, окутывается темнотой…

— Леня! Опять ты по ошибке вошел в «Тетрис»!

Я помотал головой, поморгал. Проклятый дип-склероз!

Вика отшвырнула снятый с меня виртуальный шлем:

— Тебе надо лечиться, Леня!

Сам знаю. Но можно было намекнуть и как-то поделикатнее.

— Успокойся, милая…

— Ты уже забыл, что случилось вчера?! — Вику прямо-таки переполняло возмущение.

— А что? Ничего особенного.

— Я просила тебя купить два кило картошки!

— А разве я не купил?

— Купил! Не выходя из *глубины* — нарисованную картошку в нарисованном магазине!

— Ну и что? Зато там дешевле.

— И тебе не стыдно?

Я виновато вздохнул. Недавно было еще хуже — только Вика об этом не знает. Как-то после плотного обеда мне потребовалось посетить туалет. Я и посетил… Потом пришлось срочно стирать виртуальный комбинезон. Дип-склероз — беспощадный недуг, скажу я вам.

Вика взяла сумочку с трюмо и подарила мне прощальный испепеляющий взгляд:

— Не вздумай опять напиваться в *глубине*.

И откуда она все знает? Ведь запаха-то нет! Хотя, конечно, да… Последний раз после трех бутылок виртуального скотча я попытался у нее на глазах повторить свой коронный дайверский трюк — с разгону пройти сквозь стену. Вот только стена была не нарисованная, а бетонная… Подумаешь, одна шишка и пара ссадин — было бы из-за чего шуметь!

Хлопнула дверь, и значит, часов до пяти вечера мне никто не будет мешать…

deep.

Ввод…

Поднимаю руку и через мгновение у тротуара притормаживает желтый лимузин. Я сажусь в машину, водитель — улыбчивый парень, оборачивается:

— Как будете оплачивать?

Улыбаюсь в ответ и сильно бью водителя в ухо. Можно было обойтись и без этого, но, что поделаешь, старая дайверская привычка. Дурная привычка, надо сказать…

— Харчевня «Три медведя».

— Заказ принят! — радостно кивает водитель. Похоже, после моей плюхи он повеселел еще больше…

Однажды на Кутузовском проспекте я сел в такси и… Привычка — страшная вещь! Поверьте, с виртуальными таксистами иметь дело гораздо приятнее…

Он гнался за мной не меньше пяти километров. Представляю, что подумали прохожие: бьющий все спринтерские рекорды растрепанный тип и следом — разъяренный водитель с монтировкой. Помню, я орал: *Глубина, глубина, я не твой!* так, что на десять кварталов в округе люди испуганно оборачивались…

К черту неприятные воспоминания!

Вхожу в бревенчатый сруб «Трех медведей». Сейчас здесь немноголюдно. Присаживаюсь за любимый столик. Появляется официант — услужливый бурый медведь в накрахмаленном фартуке и с белоснежной салфеткой на сгибе лапы. Меню мне не нужно.

— Двух жареных кабанов на вертеле и десять бочонков «Будвайзера»!

Вполне достаточно для легкого завтрака.

Медведь-официант изумленно приоткрывает пасть, но ничего не говорит и отправляется на кухню.

Глубина — замечательная штука! А после того как Маньяк поставил мне расширитель виртуального желудка на 500 Гигабайт, передо мной просто открылись новые горизонты!

Ждать приходится недолго. Только вместо жареной свинины

возникают три медведя собственной персоной: здоровенный двухметровый, средний и маленький мишутка.

— Кто-кто ел из моей тарелки? — скрестив лапы на груди, грозным басом вопрошает здоровенный.

— Кто ел из моей тарелки? — угрожающе вторит средний.

— Кто ел из моей тарелки? — тонким обиженным голоском присоединяется мишутка и… бац меня лапой по морде! Ах, сволочь!

Слетаю со стула, а медведи-вышибалы грозно нависают, надо мной.

— Еще раз поймаем с фальшивой кредитной карточкой — сдадим в полицию. Усек, фраер? — злым детским голоском цедит подлец-мишутка.

Не успеваю ничего ответить — здоровенный медведь берет меня за шиворот, так что ноги болтаются над полом, доносит до дверей и дает более чем чувствительного пинка. С проклятиями я перелетаю проезжую часть и приземляюсь на экскурсию американских туристов.

Изумленные возгласы. А находчивый экскурсовод уже объясняет пожилой американской чете:

— Именно таким нетрадиционным способом предпочитают перемещаться в *глубине* русские дайверы!

Бросаю на экскурсовода свирепый взгляд, оборачиваюсь и делаю выразительный жест кулаком в сторону «Трех медведей»:

— Я вам еще покажу пару сцен из народных сказок!

Добавляю несколько выражений из тех, что электронные переводчики отказываются понимать. Тоже, между прочим, фольклор…

Испортили настроение, гады… А ведь Маньяк уверял, что проблем не возникнет. Дескать, деньги будут сниматься прямиком с личного счета Билла Гейтса.

Подставил меня, хакер доморощенный…

Глубина, глубина, а пошла бы ты на хер!

Картинка расплылась, потеряла реальность. Я снял виртуальный шлем. Сейчас позвоню Маньяку и скажу все что думаю…

Из прихожей со стороны входной двери донеслась протяжная трель — кого это еще принесло?

— Кто?

— Я, — раздался тоскливый голос.

Вот те на! На ловца и зверь бежит! Я рывком распахнул дверь — на пороге стоял Маньяк. Я приоткрыл было рот, чтобы разразиться обличительной речью, но сразу осекся.

— Ой-ой-ой… Где это тебя так? — Я торопливо пропустил

приятеля внутрь.

— Где, где, — уныло вздохнул Маньяк. — В *глубине.*

- Чего? — изумленно переспросил я, рассматривая почти неузнаваемую физиономию хакера. Левый глаз его наполовину скрывался под огромным багрово-синим кровоподтеком, губа распухла так, что говорил он слегка невнятно и иногда морщась от боли:

— Все в *глубине,* Леня. В ней, проклятой… Пиво есть?

Я ошарашенно кивнул. Интересно, у кого дип-склероз — у него или у меня? Максимум, что возможно в *глубине,* — заслать на компьютер парочку вирусов. Это ведь Диптаун, а не Москва!

Маньяк снял свой потертый рюкзачок и тяжело опустился на стул, я поставил перед ним бутылку «Балтики». Прихлебывая пиво из горлышка, он начал рассказ:

— Ну это, значит, решил я малость хакнуть одну фирмочку. «Pampers and Snikers» называется. Заказ не особо денежный, ну так и дело плевое, на полминуты зеленому новичку. Надо было взять материалы о «Суперпамперсах».

Я округлил глаза, и Маньяк пояснил:

— Секретная модель, разработаны по заданию Пентагона специально для американских пилотов. Ну, наверное, чтоб сербские зенитчики не могли обнаружить «Стелс» по запаху.

— А-а…

— Сначала все шло чин чином. Уже беру файл и тут срабатывает сигнализация. Распахиваются двери, заваливает толпа здоровых лбов — начинают вирусами палить. А мне по барабану, от меня все отскакивает. Антивирусная защита у меня блеск, сам знаешь. В общем, делаю изящный жест, машу им ручкой на прощание и собираюсь уйти через спецканал. А тут откуда-то, как из-под земли, двухметровый амбал наперерез. Ну, думаю, сейчас ударит вирусом…

— Ну и?…

— Он и ударил… Только не вирусом, а кулаком…

— А что было потом?

— А по моему лицу не видно? Очнулся я уже дома, возле компьютера. Таймер сработал. Хорошо, что я его в аккурат на две минуты выставил.

Маньяк замолчал и в один глоток высосал до дна свою бутылку. Воцарилась гнетущая тишина.

— Шурка, — сказал я, открывая вторую бутылку пива, — ты хоть понимаешь, что произошло?

— Понимаю, — кивнул Маньяк. — Мне дали по морде.

— Нет, ты не понимаешь. Ведь это конец *глубине.* Конец нашей мечте. Если кто-то сегодня сумел начистить тебе

физиономию, значит, завтра кто-то еще сможет это сделать…

— Нет уж, лучше не надо, — замотал головой Маньяк.

— Так будет, Шурка, так обязательно будет, если мы не остановим это… Иначе — конец Диптауну, конец мечте о мире абсолютной свободы… Сам посуди, что раньше грозило хакеру или дайверу? В худшем случае — форматирование винта. А теперь… — с болью вздохнул я. — Теперь, если поймают — заберут в ментовку и так отметелят, что мама родная не узнает.

— Это надо остановить! — Маньяк ударил кулаком по столу. — И я знаю крутого спеца, который нам поможет! Сам Дибенко его боится!

Я изумленно приподнял брови:

— Неужели… Темный Дайвер?

Шурка покачал головой:

— Круче, Леня, намного круче!

— Но кто? — Я почувствовал, как по спине ползут мурашки.

И тогда Маньяк перегнулся ко мне через стол и, бледнея от волнения, почти прошептал:

— В *глубине* его кличут Писателем.

Я едва не выронил бутылку с пивом. На пару минут опять воцарилось молчание. Потом я сумел наконец осилить свое пиво, перевел дух и покачал головой:

— Это ты загнул. Ну Дибенко еще куда ни шло, ну Темный Дайвер там… но этот, этот с нами даже разговаривать не станет.

Маньяк криво усмехнулся:

— Думаешь, ему все равно?

Шурка в легкой задумчивости почесал подбородок:

— Когда там у него намечается ближайшая читательская конференция? Кажется, через неделю?

— Ну и?…

— Вот тебе и ну! Это раньше такие посиделки заканчивались легкой и безобидной руганью с поклонниками Рыбакова и Пелевина. А теперь?… Соображаешь?

Я кивнул, тяжело вздыхая:

— Дело пахнет членовредительством в особо крупных размерах… А если еще и «тюринцы» на огонек пожалуют…

Маньяк поперхнулся пивом и закашлялся:

— Не надо про «тюринцев» — еще накличешь на нашу голову!

Уничтожив запасы выпивки и закуски, вдвоем мы выработали план. Решено было действовать немедленно — ведь *глубина* в опасности.

— Каждая минута дорога! — без ложной патетики объявил Маньяк. После чего завалился на мой диван и попросил в ближайшие два часа его не беспокоить. Когда он так говорит,

лучше действительно его не беспокоить. Все равно бесполезно.

— Послушай, Шурка, — спохватился я, — кредитка «сгорела»…

Маньяк сладко зевнул:

— Какая, та что от Билла Гейтса?…

— Ага.

Хакер сонно поморгал:

— Там такое дело… В общем, извини, Ленька, накладка вышла. Только сегодня узнал — ребята из Урюпинска его до нас обчистили.

У меня отпала челюсть:

— Что? ВСЕ ДЕВЯНОСТО МИЛЛИАРДОВ?!

— Да ну, что ты, зачем им столько. Не переживай, сделаем тебе карточку, с другого счета…

Маньяк отвернулся, и очень скоро квартиру огласил могучий храп — даже трудно было поверить, что щуплое хакерское тело могло порождать столь грандиозные звуковые эффекты.

Да. Видно, и впрямь нелегко ему пришлось этой ночью!

Я торопливо напялил на голову виртуальный шлем — пожалуй, только так и можно спасаться от Шуркиного храпа!

deep.

Ввод…

В *глубине* у меня кой-какие дела. И после того как накрылась кредитка, откладывать их нельзя.

Сажусь в такси:

— Ателье «Боди-Арт»!

Последнее время самая банальная проблема — деньги — встала для меня с особенной остротой. Еще немного и Вика выгонит меня из дома. Или, что еще страшнее, перестанет оплачивать счета за *глубину*.

Когда-то я работал грузчиком в русском квартале Диптауна. Таскал всякие холодильники и рояли. Тоже работа и тоже платят деньги.

Однако спустя некоторое время соотечественникам удалось добиться колоссальных успехов в виртуальных технологиях. Грань между *глубиной* и реальностью была стерта начисто: щедро исписанные народным фольклором лифты не только приобрели привычный русскому глазу вид, но и перестали ходить.

И однажды мне вдвоем с напарником пришлось тащить тяжеленный нарисованный шифоньер по лестнице на семнадцатый этаж нарисованного небоскреба. В тот день я понял, что с ремеслом виртуального грузчика пора завязывать — еще немного и я заработаю себе самую настоящую виртуальную грыжу.

После этого мне посчастливилось устроиться боди-дизайнером — я ведь все-таки художник! Правда, мелких деталей мне не доверяли — занимался сборкой тел из готовых элементов. Но, ничего, тоже нормально. Платили даже больше, чем грузчику. Но я сам все испортил.

И выпил-то пустяк — канистру «Гиннесса». Но бдительность утратил. Собирал шикарное женское тело — одна богатая американка заказала его специально для первой брачной ночи — они ведь там в Штатах все помешаны на виртуальном сексе. Заказ был срочный, платила эта миллионерша втройне — короче, все делалось в жуткой запарке и спешке… Собрал, нарядил в роскошный пеньюар. А служба доставки торопит: давай, давай! Дескать, опаздываем! В общем, я и не успел толком ничего проверить…

Доставили прямо к брачному ложу. Американка, конечно, вне себя от удовольствия, напяливает шикарное тело и предстает перед женихом. Томно вздыхает и изящным, отрепетированным движением сбрасывает пеньюар… А у суженого — глаза на лоб лезут.

Дело в том, что обнаруживается небольшой изъян… Или даже не изъян. Тело действительно — высший класс, все голливудские секс-бомбы отдыхают. Ребята-дизайнеры поработали на совесть, настоящие профессионалы. В общем, не изъян, а скорее — деталь. Лишняя…

Бог ты мой, какой был скандал! И из за чего! Попробовали бы они сами одновременно собирать несколько заказов, да еще в такой спешке…

В общем, эту работу я тоже потерял.

Куда я только не пытался устроиться после этого!

Одно время даже нанялся дизайнером виртуальной сантехники. Признаюсь — платили мало и работал я спустя рукава. Даже под воздействием дип-гипноза клиенты не могли поверить, что сантехника настоящая. Приходилось по нескольку раз переделывать уже готовое изделие, но все равно бачки текли, прокладки в кранах не держали, и я вынужден был по совместительству выполнять обязанности виртуального сантехника.

Короче, через пару дней я сам сбежал из той фирмы.

Дошло уже до того, что я начал подумывать о ремесле нищего на улицах Диптауна. Но потом узнал, сколько стоит хороший прикид виртуального нищего, и понял, что на эти деньги я вполне безбедно смог бы прожить целый год.

В общем, у меня остается последняя возможность получить непыльную и прилично оплачиваемую работу. Очень долго я

откладывал этот, скажем прямо, отчаянный и трудный для меня шаг… Надеялся на Шуркину помощь. Однако его кредитки хватило всего на пару дней.

Что ж, видно, так тому и быть. Жребий брошен!

Такси останавливается во французском квартале прямо перед парадным подъездом роскошного двухэтажного здания а-ля XIX век. Выхожу. Два швейцара: симпатичные мужчина и женщина в нарядных ливреях гостеприимно распахивают передо мной двери. Я улыбаюсь им в ответ, хотя и прекрасно понимаю, что это всего лишь программы. Слышится приятная классическая музыка — что-то из Шопена. Обстановка мгновенно настраивает на лирический лад, и проходя, я дружески шлепаю по заду блондинку-швейцара.

— Убери лапы, придурок! Ого.

Неужто я ошибся?

— Мадам, зачем же так грубо… Ведь это просто бескорыстный жест моего восхищения.

— Ну ты че, балбес, русского языка не понимаешь, — вмешивается швейцар-мужчина.

Надо же, повезло. Нарвался на соотечественников!

Прохожу просторный вестибюль и оказываюсь в холле-приемной. Здесь небольшая очередь. Жду. И наконец попадаю к самому Маэстро, человеку средних лет и располагающей внешности. Одет он тоже в стиле а-ля XIX век: белоснежная сорочка, красный галстук в зеленый горошек, расшитый золотом жилет малинового шелка и голубые панталоны, в смысле брюки.

Обмениваемся любезностями и я объясняю ему свой заказ.

Маэстро расплывается в улыбке:

— О, месье, это наше ремесло! Вы будете довольны, месье!

Он торопливо листает пухлый каталог:

— Это обойдется вам… в тысячу долларов США.

Глаза у меня округляются:

— Маэстро… Тысяча долларов… за такую мелочь.

Француз ухмыляется:

— Я бы не сказал, что это такая уж мелочь.

Да, расценки у них здорово выросли! Всего полгода назад за эти деньги можно было заказать вполне приличное тело.

Впрочем, тело мне и не нужно. Тело у меня и так есть — из стандартного набора «Майкрософта». Мне и нужна-то всего одна маленькая деталь, которой нет в стандартном наборе. Та самая, что оказалась совсем лишней для той американской миллионерши.

— Маэстро, а у вас нет чего-нибудь подешевле?

Француз вздыхает:

— Ну, у нас есть кое-что уцененное…

Он вновь погружается в изучение каталога.

Да, этот элемент мне необходим позарез. Причем не ширпотреб, а штучная работа. В «Невинных Забавах» осталась всего одна мужская вакансия.

Честное слово, мне нелегко далось это решение. Мне пришлось собрать в кулак всю свою волю и мужество. И если это единственный способ обеспечить семью — что ж, я готов.

Конечно же, я не собираюсь изменять Вике. Я даже отключил секс-стимулятор в своем костюме — все равно он китайского производства и в самые ответственные интимные моменты бьет током.

Я ведь дайвер. Когда будет нужно — выйду из *глубины* и поработаю «мышкой». Главное, что клиентки будут довольны. А в месяц это выйдет около двух штук баксов. Давно я уже не приносил Вике таких денег!

Дизайнер вновь подымает на меня глаза:

— Мы могли бы предложить вам прекрасный вариант всего за четыреста девяносто девять долларов.

Ну, знаете ли! Терпение мое лопается:

— Да вы че, охренели, маэстро — пятьсот зеленых за нарисованный!.. Да на любом заборе его рисуют совершенно бесплатно!

С видом оскорбленного достоинства француз захлопывает каталог и нажимает какую-то кнопку. Из ничего материализуются два плечистых охранника и вежливо, но твердо выволакивают меня из кабинета. Слабо упираюсь и выкрикиваю уже почти без надежды:

— А долларов за сто у вас ничего не найдется?

— За сто долларов можете нарисовать себе сами! — небрежно бросает Маэстро.

Конечно, смог бы. Вот только боюсь, что в таком виде я всех клиенток распугаю. Кроме разве что самых извращенных.

Эх, сорвалось!..

Снова оказываюсь на улице и тоскливо вздыхаю: во времена моего боди-дизайнерства этого добра у меня было хоть завались! И чего я, идиот, не прихватил с собой хотя бы пару штук в качестве выходного пособия!

Попросить, что ли, у Маньяка денег взаймы? Нет, ни за что на свете! Если догадается зачем… Даже думать об этом не хочется!

— Ну и чем мы тут занимаемся?

Шурка! Легок на помине!

Оборачиваюсь и невинным тоном объясняю:

— Да вот, провожу разведку на местности. Ищу подходы…

— Какие еще подходы? — недоумевает Маньяк и с подозрением оглядывается на яркую вывеску «Боди-Арта».

— Подходы к проблеме… — Я спохватываюсь, торопливо меняя тему. — Кстати, а откуда ты взялся?

— Как это откуда — ноутбук с радиомодемом и облегченный шлем всегда при мне! Ты был у Писателя?

— Нет еще…

Маньяк укоризненно качает головой:

— Ну ты даешь! Каждая минута дорога!

Ага, кто бы говорил!

Шурка прямо-таки кипит энергией и готов горы свернуть. Я с интересом рассматриваю его новое тело. От прежнего облика осталась только голова — все остальное позаимствовано то ли у Терминатора, то ли у Рэмбо. В общем, стандартный голый торс, обвешанный всем, что только могут вообразить воспаленные хакерские мезги — от гранатомета до… маникюрных ножниц?

— А это зачем?

— Последняя разработка, — с гордостью объясняет Маньяк.

— И как ты собираешься их использовать?

— Все просто. Сначала надо поймать противника, а потом…

— Сделать ему маникюр?

— Да нет. Отредактировать setup-овские файлы. Главное, чтобы он никуда не убежал, пока ты их редактируешь.

— Круто, — соглашаюсь я и машу рукой ближайшему такси.

— Обойдемся, — останавливает меня Шурка, и я только теперь замечаю, что виртуальный Рэмбо обут в домашние тапочки на босу ногу и на реактивной тяге — последний подарок Зуко.

— Держись за меня!

Взмываем в воздух.

Зукины тапочки домчали нас за пять минут. Хорошо, что так быстро, иначе я бы точно свалился: не слишком-то приятно болтаться, вцепившись мертвой хваткой в скользкую терминаторскую шею. Какой дрянью она намазана — вазелином, что ли? Шурка явно перегнул с реализмом. Мог бы вырастить себе на заднице удобную скамеечку для пассажиров — для него, как для программиста, это пустяк, а нам, юзерам, было бы приятно.

Оцениваю обстановку. Да, все внушительно. Сразу чувствуется, что это резиденция самого Писателя. Глухая серая стена, без малейшего намека на вход. Стена уходит вверх, упираясь прямо в низкие свинцовые облака. Время от времени мутная облачная пелена озаряется вспышками молний и в ответ на раскаты грома доносится чей-то далекий и тоскливый утробный рев. В общем, красиво сделано, со вкусом.

— Вот тебе тест на интеллект, Шурка. Вправо и влево на

несколько километров тянется стена. Твои действия?

Маньяк чешет затылок:

— Ну если подходить интеллигентно… Я бы попробовал динамит.

— А я бы попробовал постучать. Может, откроют?

Стучу. Никакого эффекта. Подключается Маньяк и изо всех сил молотит в стену пудовыми тер-минаторскими кулачищами. Через минуту на стене возникает большая красная надпись: «Не влезай — убьет!»

— Есть кто дома?! — орет Маньяк и снова принимается орудовать кулаками.

Надпись меркнет и на стене вдруг явственно начинают проступать контуры двери. Ну наконец-то!

Бронированная металлическая дверь приоткрывается и… наружу показывается покрытая шерстью недовольная физиономия. Крыса! Полтора метра ростом и с бластером наперевес.

— Вам что, назначено? — Грызун-переросток сверлит нас пронзительными злыми глазками.

— Нет. Но нам очень надо встретиться с хозяином.

— Лорда нет дома. — Крыса сплевывает себе под ноги. — Лорд ушел в Ночной Дозор.

— Это срочно! Вопрос жизни и смерти!

— Ничего не знаю. Вам не назначено!

Маньяк теряет терпение:

— Ну-ка отойди, Ленька! Щас я его…

Не дожидаясь продолжения, крыса с нецензурными проклятиями захлопывает дверь прямо у меня перед носом.

— Погоди, Шурка. Неудобно как-то…

— Неудобно «Винду» с дискет ставить! — ухмыляется Маньяк и поднимает некий устрашающего вида ствол. Торопливо убираюсь в сторону. Вспышка огня, грохот… Когда клубы дыма рассеиваются, мы стоим перед вывернутой с мясом бронированной дверью.

— Вот тебе и тест на интеллект! — подмигивает Шурка. — С динамитом оно всегда как-то вернее!

Входим внутрь. Странное ощущение. Здесь висит густой и словно осязаемо плотный туман.

— Знаешь что… по-моему, не стоило нам входить, — говорю я вполголоса.

— Не боись, — бормочет Маньяк. — С моим снаряжением…

Белая пелена вдруг становится настолько плотной, что мы на мгновение теряем друг друга из виду. А в следующий миг туман начисто рассеивается, словно по мановению волшебной палочки.

— Ого, — почти синхронно выдыхаем мы с Шуркой. Перед нами — огромный, тускло освещенный зал ромбовидной формы. И зал этот битком заполнен здоровенными — почти в человеческий рост — крысами, как две капли воды похожими на нашего недавнего собеседника.

Маньяк нервно хихикает:

— Кошмар кота Леопольда.

Он вдруг спохватывается, ощупывает себя дрожащими руками и на глазах белеет, словно полотно:

— Ленька! Ничего же нет! Нич-чегошеньки!

И впрямь. Обширный Шуркин арсенал растворился вместе с туманом. Даже маникюрных ножниц не осталось!

— И тапочки не работают! Гады!

От всего тщательно подобранного устрашающего антуража — только торс Шварценеггера. Интересно, оценят ли крысы замечательную Шуркину мускулатуру?

— Ну что? — криво усмехаюсь я. — Динамит, говоришь?… Чувствую, сейчас отдинамитят нас по высшему разряду!

Однако пока крысы словно и не замечают нас. Грызуны сидят за столами, а столы ломятся от выпивки и закуски. Дым, что называется, стоит коромыслом и вечеринка — в самом разгаре.

Я вижу приоткрытые двери в противоположном конце зала и вдруг понимаю, что именно туда нам надо попасть. Задеваю что-то ботинком, опускаю глаза: почти у наших ног два эмалированных ночных горшка. И тут меня окончательно осеняет:

— Шурка, это же испытание!

Маньяк смотрит на меня так, словно у меня у самого отрос хвост.

— Испытание, которое может выдержать только настоящий дайвер!

Хватаю с пола один ночной горшок, второй вручаю приятелю:

— Мы пройдем, Шурка, мы пройдем!

Маньяк тоскливо смотрит на меня:

— Я ведь не дайвер, Леня. Я не смогу… Не умею!

— Умеешь! Можешь! Должен! — кричу я. И отвешиваю ему пощечину. Со всей дури. А в ответ получаю плюху. От всей души.

— Нечего руки распускать, — бормочет Шурка, помогая мне сохранить вертикальное положение. Когда в глазах слегка светлеет, я обнаруживаю, что штук двести любопытных крысиных глаз увлеченно наблюдает за нами. Многие повставали из-за столов, чтобы лучше видеть. Вся вечеринка затихает, по залу идет ропот. Напрягаю слух и разбираю, что делаются ставки. В основном на Маньяка. Но некоторые, особо рисковые грызуны ставят и на меня. Доносятся подбадривающие возгласы:

— Врежь ему! Врежь! Размажь по стенке!

Откуда-то появляется пожилая упитанная крыса с бабочкой рефери:

— Брэк! Бокс!

Я вам покажу, бокс! Размахиваюсь ночным горшком — бум! Хвостатый рефери в нокауте.

— Ты сможешь, Шурка, сможешь! Это легко!

Маньяк мучительно кривится.

— Надо просто поверить в себя! Поверить, что крысы — не настоящие! И только ночной горшок в твоей руке — реальное, весомое оружие.

Я смотрю в Шуркины глаза. Я вижу его страх, вижу его отчаяние…

Глубина…

И что-то происходит.

Будто осколки синего льда, будто лепестки алого пламени пляшут теперь в глазах Маньяка…

Он размахивается, бум! И ближайший грызун валится, сраженный Шуркиным горшком.

— Мы пройдем! Пройдем! — кричу я и, крепко сжимая за ручку свое оружие, врезаюсь в ошеломленную крысиную толпу. Маньяк не отстает — под крики и вопли мы шагаем плечом к плечу. Ночные горшки мелькают направо и налево, так что гулкое эхо ударов сливается в ровный гул.

Двери в противоположном конце зала все ближе, ближе… Крысы уже не пытаются нас остановить. Закрыв головы лапами, пригнувшись, они разбегаются в стороны.

Мы прошли! Прошли! Сердце бешено колотится от почти эйфорического ощущения победы. Распахиваем заветные створки дверей и вслед нам несутся возмущенные крысиные вопли:

— Такую вечеринку испортили! Психи!

Миновав небольшой коридор, мы почти вламываемся в огромный отделанный темным деревом кабинет. И навстречу из-за стола встает… нет, увы, не Писатель. Крыса в роскошном адмиральском мундире.

— Поздравляю. Это было нечто… оригинальное. Лучший результат за последний месяц.

Я криво усмехаюсь и переглядываюсь с Маньяком:

— Нам бы встретиться с Писателем…

Хвостатый адмирал будто не слышит. Наклоняется куда-то под стол и извлекает… ночной горшок. Почти такой, как те, что у нас в руках. Только из хрусталя.

— Это ваш. Переходящий Кубок Регрессоров…

— Нам бы с Писателем поговорить. По очень важному делу.

Крыса недоумевающе разводит руками:

— Вам же говорили: он — в Ночном Дозоре.

— В каком еще ночном дозоре! — взрывается Маньяк. — В одиннадцать часов утра!

Грызун пожимает плечами:

— Ну, тогда в Дневном…

Шуркин горшок со свистом рассекает воздух, но крыса-адмирал успевает увернуться и нажать на столе какую-то кнопку. Пол проваливается из-под наших ног. Падаем в густой туман, теряю Шурку из виду. Только по отчаянным ругательствам понимаю, что он где-то рядом. Зукины тапочки по-прежнему не работают.

Удар. Вопль Маньяка.

Ой-ой-ой… Мы приземлились на что-то чертовски твердое. Мотаю головой. Туман рассеялся. Где это мы?

Оглушительный леденящий хохот над головой. Голос, словно гудок тепловоза:

— Ага! Незаконное использование лицензионного продукта!

Запрокидываю голову и чувствую, как шевелятся на ней волосы. Мама родная!

Гигантская бронзовая физиономия ухмыляется:

— Нарушение права собственности компании «Майкрософт»…

Да ведь это же статуя Билла Гейтса работы скульптора Церетели! (На месте Гейтса я бы давно подал в суд на Церетели.) Но, что хуже всего, мы с Шуркой словно два таракана барахтаемся на ладони сорокаметрового монстра!

— …карается в соответствии с законодательством США и международными соглашениями!

Вторая ладонь статуи многотонной тяжестью обрушивается сверху. *Глубина, глубина, я не!..* О-ой… Теперь понимаю, что чувствуют тараканы…

Мы стащили шлемы, переглянулись и, не говоря ни слова, оба направились к холодильнику. Осушив две последние бутылки пива и вновь обретя способность к логическому мышлению, рухнули на диван.

— Похоже, пока вариант с Писателем отпадает.

— Угу, — кивнул Шурка. — После Дневного Дозора он наверняка отправится куда-нибудь на Холодные Берега или вздумает нанести Осенний Визит в пивной ресторан. Сегодня ему явно не до нас.

— Что ты предлагаешь?

Маньяк почесал затылок:

— Ну, для начала… Сгонять за пивом!

Я в сердцах выругался:

— Ты можешь хоть пять минут думать о серьезных вещах!

Шурка пожал плечами:

— Я серьезен, как винвордовский хелп! Все равно без Писателя это дело не поднять!

— Давай рассуждать логически. От кого все неприятности в *глубине?*

Маньяк хмыкнул:

— Ну это каждый знает. От Димы Дибенко.

— Значит, почти с полной уверенностью можно сделать вывод, что и в нашем случае без него не обошлось.

— Ну конечно. Ни одна гадость без него не обходится. Только что это меняет для нас?

— Ты, помнится, говорил, что у тебя обширные связи в хакерском мире?

— Еще бы! — с гордостью выпятил грудь Маньяк.

— По-моему, нам пора кое с кем встретиться!

deep.

Ввод…

Такси доставляет нас на глухую окраину Диптауна.

Иду вслед за Маньяком и оглядываюсь по сторонам. Никогда раньше не бывал в этом районе.

Да. Похоже, здесь поработали настоящие профессионалы пространственного дизайна. Тут и там заботливо прорисованные выбоины в асфальте, обширные лужи, кучи мусора… А вон тот дом — просто шедевр! Полное впечатление, что он вот-вот развалится. Узнаю неподражаемый почерк отечественных мастеров. Разве какой-нибудь занюханный американец сумел бы так точно передать блеск грязи поперек разбитого тротуара!

Вдоль покосившихся заборов и обшарпанных стен — размашистые надписи. Большей частью — нецензурные. Самая популярная, повторяющаяся в разном исполнении: «Майкрософт» — на…!» Количество восклицательных знаков в конце — от одного до десяти — видимо, в зависимости от степени переполнявших автора чувств.

Попадаются и более спокойные пожелания, типа «Гейтса — на мыло!» и «Долой провайдеров!» Есть и простая констатация фактов, например: «Билл — дебил!» или «Винда — дерьмо!»

Маньяк шагает вперед, не обращая внимания на всю эту художественную роспись. Похоже, он бывал здесь не один раз. Ловко перескакивает через лужи, ни разу не замочив Зукины тапочки, привычно обходит самые грязные места.

— Здесь! — машет он рукой.

Осторожно ступая по кирпичикам, переходим через

громадную лужу и оказываемся перед одноэтажной хибарой с какими-то закопченными окнами. Вход украшает покосившаяся вывеска: «НАД УБИТЫМ ВИНТОМ».

Внутри это заведение выглядит ничуть не привлекательнее. Чувствуется тонкий художественный вкус и строго выдержанное стилистическое единство: грязные столики, колченогие табуреты, за стойкой — мрачный бармен с опухшей физиономией, покрытой недельной щетиной. Под глазом — замечательно прорисованный синяк.

Маньяк, нисколько не смущаясь, с порога кивает бармену:

— Привет. Дос у себя?

Тот хмуро косится в мою сторону. Улыбаюсь как можно более приветливо:

— Здрасьте!

— Что будете заказывать? — равнодушно интересуется бармен.

Шурка нетерпеливо барабанит ладонью по стойке:

— Ты что, не узнаешь? Дос мне нужен!

— Не знаю. Заказывайте, ждите. Может, и появится, кто вам нужен.

— Пожалуйста, две бутылки «Будвайзера»! — торопливо вмешиваюсь, чтобы разрядить обстановку.

— Нет «Будвайзера».

— Ну… тогда «Гиннесса».

— Тоже не держим.

Это даже интересно.

— А что же есть?

— Разливное «Жигулевское». Правда, не очень свежее. Но пить еще можно.

Вот это здорово! Честно говоря, еще ни разу не пробовал прокисшего виртуального пива.

Присаживаюсь за стойку. Антисанитарию они тут развели! Смахиваю на пол рукавом несколько крохотных орков.

Хотя, конечно, есть в этом и моя вина. Когда два года назад я насквозь дырявил *глубину* Шуркиным «Варлоком» — совсем не думал о последствиях. Ладно там «Лабиринт Смерти». Я ведь тогда и «Варкрафт» зацепил. Дырку-то быстро залатали, но эта пакостная мелочь успела разбежаться по всей *глубине*. Заняла экологическую нишу тараканов. И главное, ни один вирус их не берет. Единственное, что помогает, так это естественные враги. То есть эльфы. Но, похоже, в этом заведении на эльфах экономят.

— Пожалуйста, — мрачно изрекает бармен, ставя передо мной кружку темно-мутной жидкости.

— Спасибо, — натужно улыбаюсь я. Но пить отчего-то

расхотелось. Оглядываюсь по сторонам: интересно, получают ли остальные клиенты удовольствие от подобной экзотики?

М-да. Большинство здешних посетителей выглядит не менее экзотично, чем прокисшее «Жигулевское». Господи, неужели им приятно щеголять в грязных лохмотьях? Либо они все сплошь — миллионеры, либо — полные киберпанки…

Маньяк морщит лоб, раскачивается на стуле и что-то бормочет себе под нос.

— Шурка, пиво будешь? — ухмыляюсь, пододвигая ему свою кружку.

— Не мешай… — отмахивается Маньяк. Не глядя, он машинально хватает кружку и осушает ее в один глоток. Я с некоторым опасением жду, что же будет дальше. Шурка нервно царапает ногтями стойку бара, закатывает глаза в потолок и вдруг радостно вопит:

— Вспомнил!

Чего это с ним?

Маньяк поворачивается в сторону бармена и выпаливает:

Товарищ, верь! Пройдет пора
«Винды» и ламерского софта!
И на обломках «Майкрософта»
напишут наши имена!

Ой-ой-ой! Это что, «Жигулевское» на него так подействовало? Бармен хмурится, и я начинаю бояться за Шурку. Но все оканчивается благополучно.

— Давно бы так! — вполне дружелюбно говорит бармен.

— У меня на стихи плохая память, — оправдывается Маньяк. — И до этого мы прекрасно обходились без всяких сонетов!

— До этого ты не приводил чужих. К тому же первый раз вижу тебя в этом теле, — указывает тот на Шуркины бицепсы.

— Нормальное тело, — ревниво замечает Маньяк. — Сам делал. И кстати, — произносит он с оттенком мстительности в голосе, — я что-то до сих пор не слышу «отзыва»!

Бармен мрачнеет, сопит и, наконец, потупившись, изрекает:

— Пока свободою горим… Пока, это… для *глубины* мы живы — «Линуксу», братья, посвятим, это самое… Души прекрасные порывы.

— Да, — хмыкает Маньяк. — До Пушкина малость не дотягиваешь. Но Кюхельбекер — это точно!

— Только выражаться не надо, — обижается бармен. — Я, что ли, это придумал?

— Хватит поэзии, — отмахивается Шурка. — Дос у себя?

— У себя, у себя, — кивает бармен и, приоткрывая дверцу в стойке, приглашает: — Проходите.

Отодвинув тяжелую пыльную занавесь, оказываемся в небольшом коридорчике, тускло освещенном единственной, должно быть, сорокаваттной лампочкой. В дальнем конце коридора — дверь с многообещающей табличкой «00». Именно туда уверенной походкой и направляется Маньяк. Не задавая лишних вопросов, следую за ним.

Помещение за дверью, вопреки моим ожиданиям, полностью соответствует надписи. М-да. Скажем прямо, странноватое место для хакерских посиделок. То есть сидеть-то здесь, конечно, можно… Шурка подходит к одной из кабинок и распахивает дверцу, поперек которой масляной краской неряшливо выведено: «Не работает!» Внутри — обычные сантехнические аксессуары.

Я в нерешительности топчусь у порога. И где же прячется этот Дос?

А Маньяк как ни в чем не бывало входит в кабинку, оборачивается и недовольно машет мне рукой:

— Ну где ты застрял! Иди сюда!

С довольно глупым видом подхожу ближе, и нетерпеливый Маньяк почти втаскивает меня внутрь.

— Э-эй, Шурка! Ты чего! Это ведь одноместная кабинка!

Мой приятель, не говоря ни слова, захлопывает за нами дверцу и… дергает за цепочку сливного бачка. С шипением и урчанием проносится в канализацию поток воды, а я с окончательно офонаревшим видом смотрю на Шурку и никак не могу решить, у кого же из нас дип-склероз в более запущенной стадии?

Маньяк видит мое лицо и давится смехом:

— Леня, помнишь «Варлок»-9000?

— Угу…

— А это его продвинутая версия. «Клозет»-2000 называется. Прямое внепрограммное перемещение через *глубину*.

- Я так и понял, — торопливо киваю.

— А ты что подумал?

Шурка распахивает дверцу кабинки.

Никакого кафеля, никакой сантехники.

Поляна посреди тропических джунглей. Закат. И на фоне заката, вполоборота спиной к нам, маячит гигантская фигура. Слава богу, на этот раз не Гейтс работы Церетели. Всего лишь тираннозавр. Без всяких модерновых изысков. Скромный и даже в чем-то обаятельный доисторический живоглот.

Похоже, мы заглянули не вовремя: у динозавра перерыв на

ужин. Приоткрыв пасть в широкой «американской улыбке», обаяшка-Тирекс склоняется над группкой оцепеневших туристок. Физиономии у них еще те. Сразу видно — новички.

Вот только где же обещанный Дос?

Маньяк озабоченно сопит и вполголоса ругается. Похоже, что-то идет не так.

— Эй! — машет он рукой в направлении девиц. — Э-эй!

Никакой реакции. И динозавр, и туристки слишком увлечены друг другом.

— Эй!

Тирекс издает утробный рев, девицы отчаянно визжат.

Шурка вежливо покашливает:

— Я, конечно, извиняюсь… Не подскажете, это «Парк Культуры и Отдыха имени Стивена Спилберга»?

Наконец-то на нас обращают внимание.

Не девицы. Девицам по-прежнему наплевать на двух психов, путешествующих в передвижном сортире.

Царственным вниманием нас удостаивает лично крошка Тирекс. Даже удивительно, как это при его размерах ему удается так быстро двигаться! Щедро оснащенная полуметровыми зубами пасть оказывается всего в нескольких метрах от нас.

Ого! А ведь эти девицы визжали не зря! До Гейтса этот малыш, конечно, не дотягивает, но честное слово… Потихоньку отступаю назад.

М-да. Настойчивости Шурке не занимать. Вместо того чтобы дергать за спасительную цепочку, он продолжает допытываться:

— Девушки, я еще раз дико извиняюсь… Это «Парк Культуры и…

Девицы тупо пялятся на Маньяка. Тирекс вновь оглашает джунгли громоподобным ревом, делает еще один шаг, нависает над нами многотонной горой мяса и… вполголоса бормочет:

— Да Парк! Парк! Вот привязались! Не мешайте работать!

— Большое спасибо! — Шурка улыбается улыбкой примерного первоклассника, захлопывает дверцу и спускает воду.

Переглядываясь, ждем пару минут. Кабинку слегка трясет, сверху над головой клубится плотный белый туман и пару раз кто-то пытается открыть дверцу снаружи.

— Занято! — одной и той же фразой пресекает Маньяк эти попытки.

Наконец все стихает. Пора.

Выбираемся наружу.

Просторная прихожая, толстый цветастый ковер на полу.

Похоже, на этот раз Шурка вполне доволен результатом:

— Добро пожаловать в убогий приют хакеров!

Впрочем, убогостью здесь и не пахнет. Хрустальная люстра, например, настоящее произведение искусства, да и стены, обшитые моренным дубом, — это вам не ширпотреб из стандартного набора «Майкрософт-Дизайнера».

Покинув прихожую и миновав небольшой коридорчик, раздвигаем тяжелые шторы темно-красного бархата и… предстаем перед всей честной хакерской компанией.

Следует немая сцена а-ля «Ревизор». Воспользовавшись заминкой, беззастенчиво разглядываю собравшихся… Ого. Куда это я попал?

После «души прекрасных порывов» резонно было бы обнаружить, если не Северное или Южное, то по крайней мере какое-нибудь «Северо-Западное общество».

Однако.

Длинный стол с остатками отнюдь не аскетичной трапезы. Во главе стола — седовласый здоровяк с грубыми чертами лица. Направленный на меня взгляд — внимательный и ничего доброго не предвещающий.

Впрочем, и остальные физиономии словно срисованы со стенда «Их разыскивает милиция». Неужели это и есть те самые благородные «декабристы», поклявшиеся свергнуть ненавистного узурпатора Билла? Не хотел бы встретиться с ними в темном переулке. Фу-ты, о чем я думаю. Уже встретился…

Бр-р-р… По-моему, кто-то смотрит на меня весьма заинтересованно. И даже слишком. Двухметровый, весь покрытый татуировками громила в углу подмигивает и как-то таинственно улыбается.

Ну, Маньяк, ну удружил! Если это — цвет хакерского общества, уж лучше иметь дело с Гейтсом! У того хоть ориентация стандартная!

Глубина-глубина… Спокойно, дайвер, спокойно…

Незаметно, бочком подвигаюсь ближе к выходу. На всякий случай. А то и считалочку свою не успеешь договорить.

Шурка совсем не замечает моих терзаний и озаряет комнату улыбкой:

— Всем привет!

Седовласый здоровяк ухмыляется, пряча колючий взгляд в ласковом прищуре:

— Привет, привет. Давно не виделись.

Голос у него низкий, чуть глуховатый, с хрипотцой:

— Присаживайтесь, в ногах правды нет. Покалякаем о делах наших скорбных.

Он пододвигает Маньяку стул, и я замечаю, что у седовласого горб. Тьфу ты, ну есть тут хоть один нормальный человек!

Садимся.

— Это — Леонид, — представляет меня Шурка. — Он — дайвер.

Кто-то хихикает. Хакеры переглядываются. На физиономиях у них расплываются издевательские ухмылки.

Маньяк недоуменно хмурится, но продолжает:

— Все уже слыхали про «Pampers and Snikers»?

— Это про то, как тебе интерфейс начистили? — щедро намазывая бутерброд икрой, хмыкает упитанный мордоворот. — Как же, наслышаны.

— А тебе это кажется забавным, Жирдяй? — злится Шурка.

— Не-а, не очень. Подумаешь, спьяну мордой в клавиатуру упал. Со всяким бывает.

Маньяк не выдерживает и швыряет в обидчика тарелку с мелко нарезанными маринованными огурчиками. Тот пригибается, тарелка пролетает мимо, и Жирдяй, в свою очередь, готовится запустить в Маньяка блюдцем с икрой.

— Ну-ну, успокойтесь, горячие финские парни, — машет рукой седовласый.

— Это просто какая-то обструкция, — возмущается Шурка.

— Чего-чего?

— Говорю, хренотень какая-то выходит. Серьезные дела творятся, угроза для всей *глубины*! А этой обожравшейся скотине — все хиханьки да хаханьки! Честное слово, Дос, — пора его форматировать!

— Ну-ну, — грозит кулаком Жирдяй. — Я тебя сам так отформатирую, что родной БИОС не узнает!

— Хватит! — грохает кулаком по столу седовласый. — Поцапались, как два сопливых юзера. Тут надо не криком… Обмозговать надо…

— Кого ты слушаешь, Дос, — увещевающе бормочет Жирдяй, вновь принимаясь за икру. — Забыл, что ли, как он пиво в *глубине* «мышкой» закусывал? Он же ее за тарань принял и наполовину сжевал. Вместе с проводом.

— Подлая клевета! — искренне возмущается Шурка.

— Да ты же сам показывал, что от нее осталось, — хихикает Жирдяй, и в физиономию ему немедленно летит котлета.

Из всей этой дискуссии я извлекаю единственную полезную информацию. Выходит, седой горбун — это и есть прославленный Шуркин Дос. Честно говоря, я представлял его совсем другим. Скорее, уж похожим на самого Шурку. А этот… Этот…

Словно уловив мои мысли, седовласый поворачивается ко мне и широко улыбается:

— Давайте дадим слово нашему гостю. А то он уже заскучал.

С чем к нам пожаловал, дайвер Леонид?

Честное слово, от этой его «ласковой» улыбки — мороз по коже! У любого. Но не у меня, конечно. Я в *глубине* всякое повидал. Меня на такие дешевые трюки не возьмешь.

Смотрю этому Досу прямо в глаза и спокойно излагаю свой план. Ну разве что слегка заикаюсь. А еще, по-моему, колено у меня дрожит… Но это ничего, это мелочи…

Дос сидит с каменным лицом. Остальные по мере моего выступления, качают головами и начинают перешептываться.

— Это все? — спрашивает горбун, когда я замолкаю.

— Да.

Целую минуту длится гробовая тишина. Потом откуда-то из угла, из-за пианино доносится возмущенный женский голос:

— Да что вы его слушаете! Он же подосланный! Штаб квартиру Дибенко брать — нашел идиотов!

— Он знает что говорит! — заступается за меня Шурка. — Он — дайвер!

— Ха! Дайвер! — ухмыляется бдительная женщина. — Какой там из него дайвер! У него же «Виндоус-2000» на лбу написано!

— Но-но!.. — возмущается растерянный Маньяк. — Я…

— Успокойся, Шурик, сядь, — твердо говорит Дос. Седовласый поворачивается ко мне и качает головой:

— Бабу не проведешь. Баба — она сердцем чует… На лице его снова расплывается та самая, убийственно ласковая ухмылка:

— Обмануть нас хотел… Дури-илка «экстишная»!

Укоризненно цокает языком:

— Думал, мы не знаем дайверов? У вас что в «Майкрософте» — одни придурки? Или мы на придурков похожи?

— Да нет, что вы, — торопливо заверяю его. — Абсолютно никакого сходства!

Дос вздыхает:

— Череп, дружок, подойди ближе, пожалуйста. Пускай он увидит напоследок, как выглядит настоящий дайвер.

Несмотря на всю пиковость ситуации, едва сдерживаю нервный смех. Это даже становится забавным. Окидываю почтенное собрание любопытным взглядом: кого же из них поставят мне в пример?

И вдруг замечаю, что из-за стола встает… тот самый покрытый наколками двухметровый громила нестандартной ориентации.

Хорошего они мнения о дайверах!

Череп приближается вальяжной неспешной походкой, и к своему ужасу, я обнаруживаю на его волосатой груди свежую татуировку: «Не забуду Леонида!» Рядом — проткнутое стрелой

маленькое сердечко. И когда ж он, гад, успел!

Череп подмигивает, сладко улыбается, и мне становится совсем нехорошо.

Глубина-глубина!.. Нет. Не буду. Проклятый дип-склероз… Драпать, словно сопливый «чайник», — не дождетесь!

Я ведь все еще дайвер! Пускай, как и остальные, растерявший большую часть своих способностей… Но с какой стати я должен бояться нарисованных уголовных рож?! Да я им сам такого могу нарисовать, что у них глаза на лоб полезут! Меня на такие дешевые штучки не купишь!

В конце концов — чего бояться! Вирусная защита у меня Шуркиного производства — а уж он в этом деле ас! Во всяком случае, компьютер отключить успею! А если и не успею — плевать! Дайверы не сдаются!

Жирдяй отодвигает в сторону блюдо с икрой и начинает аккуратно резать колбасу, весьма выразительно поглядывая в мою сторону. Ножичек у него небольшой — симпатичный такой тесачок с лезвием почти в полметра. Как раз чтобы нарезать колбаску и огурчики.

Дос прослеживает мой взгляд и издевательски хмыкает:

— Ты не бойся — мы тебя не больно отформатируем…

Тяжко вздыхаю и вопрошаю с безнадежностью в голосе:

— Последнее слово можно?

— Как решим, братья хакеры? — скалится Дос, переглядываясь с остальными. — Пускай изольет душу?

— Пускай! — милостиво машет руками банда компьютерных головорезов.

— Мы за гуманизьм! — важно кивает Жирдяй, проглатывая толстый ломоть ветчины.

На Шуркино лицо лучше не смотреть. Для него ведь все почти всерьез.

— Я стишок прочту. Можно?

— Валяй! — хохочет братва.

— Посвящается *Вике!*

Актерская пауза, откашливаюсь, жду. Никакого эффекта. Похоже, голосовой канал связи заблокирован. Что ж, этого и следовало ожидать.

— Давай, давай не тяни! — нетерпеливо кивает Жирдяй. — Люблю искусство!

Ладно уж, будет тебе искусство!

— Стихотворение называется «Глубина, глубина — а пошла бы ты на…!»

Боковым зрением замечаю, как вздрагивает Шурка. Похоже, до него дошло. Остальные ничего не подозревают. Дос

внушительно произносит:

— Жизненное название. Актуальное. Продолжай.

Продолжение последует. Только вот понравится оно тебе или нет — это вопрос.

Я стащил шлем и клацнул пару раз «мышкой» по иконке в правом нижнем углу экрана.

Тем временем мой двойник в логове Доса декламировал с вдохновенным выражением на нарисованной физиономии:

— …Хакеры в *глубине* — если не мы, то кто же?

Мы берем, что плохо лежит и что хорошо — тоже…

Аудитория слушала с немым восторгом. Волшебная сила подлинного искусства способна проникнуть даже в загрубелую хакерскую душу.

Я с удовольствием смотрел на их благодушно-уголовные рожи. Расслабились. Это хорошо. Уверены в своей многоступенчатой защите.

Начиная от стойки бармена в забегаловке «Над убитым винтом» и вплоть до тяжелых портьер перед входом в эту комнату, меня сканировали. Теперь уверены, что я — «чист». Никаких вирусов, никаких сюрпризов…

И это правда — когда я входил, сюрпризов не было. Но теперь — будут!

…Да будь я и негром преклонных годов,
И то бы корпел, не ленился!
Я «Linux» бы выучил — лишь для того,
Чтоб Гейтс-обормот разорился!

Шквал аплодисментов! Честное слово, даже не ожидал такого успеха!

deep.

Ввод…

В это мгновение будто снежный вихрь проносится над комнатой, застилая все матово-белой пеленой. Изумленные вопли хакерской братвы.

— Ленечка, Леня, отзовись! Ленечка, я ведь тебя на куски порву… — леденяще мягким тоном бормочет Дос, наверное, пытаясь своими длинными «клешнями» нащупать меня в белесой тьме. Он, вероятно, думает, что я хочу смыться под шумок. Фиг вам! Не собираюсь пропускать самое интересное!

Белесая мгла тает. Дос снова видит меня, ухмыляется и почти ласково тянется здоровенными ручищами к моему горлу.

А я покатываюсь со смеху:

— Ты забыл!.. забыл!..

Ухмылка все еще не сходит с его лица, но в глазах застыло недоумение:

— Чего забыл?

— Забыл спросить: молилась ли ты на ночь, Дездемона!

Дос смотрит на свои руки, и физиономия его вытягивается:

— Ой…

Горбатый компьютерный мокрушник сейчас черен, как истинный мавр! Впрочем, и остальные не лучше. Только мы с Маньяком не утратили первозданный облик.

На этот раз всеобщее оцепенение длится недолго. Сохраняя зловещее молчание, темнокожие хакеры выбираются из-за стола. Начинаю потихоньку пятиться к выходу.

— Ребята, ребята! Вы нас неправильно поняли! Мы за дружбу народов!

— Ты меня сделал черным, а я тебя сделаю синим! — свирепо бормочет Жирдяй. Хорошо хоть не голубым.

Белки глаз яростно сверкают на негритянских физиономиях. Ой, что щас будет!..

— Племя каннибалов за завтраком, — доносится откуда-то сзади ехидный комментарий. — А тебя, Шурка, оставили на сладкое?

— Падла! — радостно орет Маньяк, и поскольку он не бьет новоприбывшего в челюсть, а кидается обниматься, я догадываюсь, что это отнюдь не оскорбление.

— Ну что, рецидивисты-любители! Стоит вас оставить на пять минут — тут же устраиваете какую-нибудь хренотень! — кряжистый бородатый мужик в майке и семейных трусах по колено ставит авоську с бутылочным «Жигулевским» на пол. Чешет густую рыжеватую шерсть на груди, сдвигает на затылок шапку-ушанку и окидывает притихшую аудиторию веселым взглядом сквозь круглые стеклышки очков а-ля Пьер Безухов:

— Ну и какого хрена вы заделались неграми? Детей пугать?

Возмущенные вопли.

Падла иронично косится на Маньяка:

— Твоя работа?

Шурка пожимает плечами и невинно вздыхает:

— Вирус-то совсем пустяковый.

Падла задумчиво пощипывает разбойничью бороду:

— А что? Мне даже нравится. Пускай так и остаются.

Хакерская братва неистовствует. Горбатый мокрушник Дос в сердцах выпрямляется, приобретая вдруг безупречную гвардейскую осанку и начисто теряя весь свой уголовный шарм:

— Да вы че, блин, офонарели? Вы знаете, сколько времени я угрохал на это тело?! Это ж, блин, произведение искусства!

Раритет!

— Верю, — охотно соглашается Падла. — Но, ты знаешь, без этого последнего штриха, мне всегда казалось, что чего-то не хватает. Зато теперь… — Бородатый хакер внушительно кивает головой.

— Правда? — совсем по-детски изумляется Дос.

— Да он же издевается над нами! — вопит негроидный Жирдяй, подпрыгивая с качалкой колбасы наперевес.

— А ты вообще молчи! А то определим тебя в африканский район Диптауна — работать статуей Патриса Лумумбы! У вас с ним фамильное сходство!

Падла поворачивается и окидывает меня задумчивым взглядом.

— Вижу новые лица…

— Это Леонид, дайвер, — объясняет Маньяк.

Со стороны бородача не следует никаких издевательских комментариев, что само по себе уже приятно.

— Шурик, может, объяснишь, из-за чего сыр-бор? — мягко говорит Падла, присаживаясь и выкладывая на стол из авоськи бутылки «Жигулевского». — А вы расслабьтесь, расслабьтесь, ребята… — машет он рукой, и почерневшие, как головешки, хакеры угрюмо разбредаются по своим местам.

Маньяк ровным, почти академическим тоном излагает историю наших злоключений.

На этот раз никто не пытается встревать с ехидными замечаниями.

А Падла, открыв бутылку пива, вдруг замирает и до самого конца Шуркиного рассказа так и не делает ни глотка.

— М-да, — вздыхает он, лишь спустя минуту после того, как воцаряется тишина. В один могучий глоток осушает пол-литра «Жигулевского» и окидывает темнокожую аудиторию суровым взглядом вождя зулусов:

— До всех дошло?

— Что дошло? — робко интересуется Дос.

— Идем на Дибенко. Прямо сейчас!

Немая сцена.

— Падла, ты же вроде только одну бутылку выпил? — невинно вопрошает Жирдяй. — Или какая-то она там по счету, с утра?

— Сударь, в вашем вопросе мне почудился оскорбительный намек, — с угрожающе вежливой интонацией замечает бородач, откупоривая следующую бутылку.

— Что вы, сударь, — мотает головой Жирдяй. — У меня и в мыслях ничего подобного не было! Но, может, уважаемый Падла

милостиво соизволит объяснить причину… какого это хрена мы должны лезть в самое пекло!!! Да еще и на полный желудок!

— Причину, говоришь? — вздыхает бородач и с такой зловещей ухмылкой лезет под стол, что, кажется, Падла извлечет оттуда по меньшей мере базуку. Впрочем, к счастью, он достает из авоськи всего лишь свернутый трубочкой лист. Вскидывает над головой, резким движением разворачивает:

— Вот вам и причина!

Хакеры потрясенно молчат.

— Ух-ты, — бормочет наконец Дос. — А здорово тебя расписали, прямо-таки художественно…

На огромном листе, напоминающем рекламные плакаты звезд шоу-бизнеса, красуется квадратная физиономия Падлы — метр на метр, не меньше. Сходство с оригиналом полное, правда, нет шапки-ушанки. Зато есть два роскошных «фингала», под левым и правым глазом, для симметрии, наверное.

— Падла, ты теперь светофором можешь работать, — хихикает Жирдяй. — Моргнул левым — стойте, моргнул правым — идите.

— Я тебе так подмигну, что ты не стоять, а лежать будешь. И на зеленый, и на красный, — хмурится Падла. — Такая каша заваривается, а ему бы все зубоскалить.

Маньяк, которому совсем не до смеха, спрашивает коротко:

— Где и как?

— Да, представь себе, буквально на ровном месте, — тяжело вздыхает бородач.

— Наверное, два раза поскользнулся на одной и той же банановой кожуре, — вставляет Жирдяй и быстро пятится на безопасное расстояние под тяжелым взглядом Падлы.

— В общем, вы же знаете, я с детства любознательный, — продолжает вождь хакеров. — Ну и приспичило мне посетить библиотеку Конгресса США. Секретный отдел. Захотелось, так сказать, освежить в памяти переписку Маркса с Левински, Клинтона с Каутским… То есть, наоборот, конечно.

— Левински с Каутским? — невинно интересуется Жирдяй, предусмотрительно заняв позицию по ту сторону обеденного стола.

Демонстративно игнорируя толстяка, Падла пожимает плечами:

— В общем, я ведь туда не первый раз наведываюсь. Можно сказать, постоянный читатель. Конечно, в облике какого-нибудь тамошнего конгрессмена. Один раз, правда, настолько обнаглел, что заявился в собственном теле. Подаю девице при входе документ — фотография, печать, электронный код, все в лучшем

виде: сенатор Падла от штата Южная Мудозвония.

— Так и было написано? — изумляется Дос.

— Слово в слово, — небрежно кивает бородач. — И никаких проблем. Там ведь у них на входе программы, а не люди. А программу, как и женщину… — он мечтательно вздыхает, — всегда можно уговорить.

Падла весело подмигивает хакерским особям женского пола и те краснеют даже через негритянскую черноту. А Череп почему-то смущенно шмыгает носом и смотрит куда-то в пол.

— Послушайте, а разве есть такой штат, Мудозвония? — вдруг спохватывается в углу какой-то простодушный до безобразия молодой человек.

— Конечно, есть, — не моргнув глазом, кивает Падла. — Это самый главный штат. Многие выдающиеся люди — именно оттуда. Жирдяй, например.

Толстяк высокомерно кривится, а молодой человек вполне искренне восторгается:

— Жирдяйчик! А я и не знал, что ты американец!

Среди негритянско-хакерской братвы царит веселое оживление.

Падла разводит руками, оглядываясь на нас с Маньяком: дескать, извините, мы — люди простые. Спустя минуту он все же призывает аудиторию к вниманию:

— Не будем отвлекаться! Дело действительно серьезное!

В очередной раз промочив горло «Жигулевским», Падла продолжает рассказ:

— В общем, в этот раз я не выпендривался и не морочил голову электронике. Все было чин-чином: Уильям Джефферсон Клинтон, экс-президент США. Эта девица на входе даже честь мне отдала. Пустяк, а приятно. — Бородач улыбается чуть смущенно. — Красивые женщины — моя слабость…

— Постой, постой… Девица отдала честь… И стала женщиной? — искренне удивляется Дос. — Так ты что ее, прямо на входе?…

— Извращенец, — хмурится Падла. — Может, ты и ходишь в библиотеку для *этого,* но я лично хожу в библиотеку читать!

Он отодвигает очередную пустую пивную бутылку и, очевидно, переходя к самой неприятной части своего повествования, осушает в один глоток налитый до краев стакан водки. С хрустом закусывает малосольным огурчиком, окидывает притихшую аудиторию меланхоличным взглядом:

— Все было как по маслу. Нашел я то, что искал. Небольшой такой документик из секретного архива Конгресса. По поводу отношений Трумэна с Даллесом. Кто-то там из них был

трансвестит. Сейчас не вспомню кто… Может быть, оба… Мелочевка, конечно. Весь навар — двадцать тонн «гринов». Так сказать, хакеру на дискеты…

Падла вдруг сдирает с себя линялую выцветшую майку и утирает ею вспотевший лоб. Я замечаю на его волосатом животе старую татуировку: «Не забуду ЕС-140».

— Я, наверное, слегка расслабился, когда до файла добрался… В общем, привык уже, что в этой конторе у меня проколов не бывает. Ну и…

Бородач мнется, тоскливо глядя на полупустую бутылку «Столичной», но не пьет. Вздыхает сокрушенно:

— В общем, как раз когда я уже начал прикидывать в уме, на что потрачу честно заработанные «баксы», кто-то весьма и весьма чувствительно заехал мне в ухо. Аж зазвенело… Поворачиваюсь, естественно, в праведном гневе — какой это сякой паршивец покусился на благородную персону экс-президента… и получаю встречный «апперкот» в левый глаз. Потом, без всякого перерыва на выяснение отношений — в правый… Так что на пару секунд я почти утратил возможность соображать. Трясу как конь головой, в глазах темно, кулаками машу вслепую, а этот гад честно пытается сделать из меня котлету. Я даже слегка запаниковал от неожиданности… Первый раз со мной такое. В общем, еле ноги унес. Пулей выскочил из библиотеки, чтоб голосовой канал сработал, и сразу команду на «выход»… Стащил шлем, посмотрел на себя в зеркало и чуть не упал… Ну, вы сами видели. Результат, как говорится, на лице.

Минуту длится тишина. Судя по озабоченным физиономиям хакеров, они лихорадочно обдумывают услышанное.

— Слушай, Падла, — восклицает наконец Жирдяй. — А ты, часом, не на Монику нарвался?!

— Нет, — возражает одна из девушек. — Скорее уж это была Хиллари, у Хиллари рука тяжелее…

— Ты-то откуда знаешь? — удивляется Маньяк.

— Мне женское чутье подсказывает.

Сраженный этим аргументом, Шурка только пожимает плечами.

Падла качает головой:

— Ну что вы, ребята… Я, конечно, так и не разглядел этого гада. Но что рука была *не женская* — это уж, поверьте, я хорошо прочувствовал.

— Не скажите, — возражает Жирдяй. — С девушками тоже необходима осторожность. Это они только с виду кажутся слабыми, а на самом деле — ой-ой-ой!

— Да ну? — иронично хмыкает Дос.

— Вот тебе и ну, — вздыхает толстяк. — Был со мной недавно случай… Гулял я по Диптауну и в одном безлюдном, но живописном месте случайно встретил девушку. Юную, хрупкую, прекрасную… В общем, с первого взгляда почувствовал в ней родственную душу и решил познакомиться. Подхожу к этому нежному созданию, с волнением ловлю ее задумчивый и кроткий взор…

Жирдяй замолкает, видимо от избытка чувств, наливает себе стопку водки и опрокидывает в один глоток.

— Ну и что же было дальше? — нетерпеливо пристает Дос.

Толстяк вздыхает:

— Я всего лишь попытался привлечь ее внимание простым и естественным вопросом…

— И что же ты спросил?

— Подошел к этому прелестному созданию и вежливо поинтересовался: «Простите, девушка, у вас костюм с секс-стимулятором или без?» И этот кроткий ангел, это небесное существо… так заехало мне коленом… Как бы это мягче выразиться… пониже пояса.

Жирдяй стонет и заливает пожар души, прикладываясь к горлышку «Столичной».

Девицы хихикают.

— Ничего смешного, — сокрушенно вздыхает толстяк. — Было очень больно. И не только физически, но и нравственно. Я был оскорблен в лучших чувствах.

— Кто ж так знакомится, — качает головой юная хакерша. — Я бы на ее месте…

— За что! За что вся эта гнетущая бездна недоверия! — воздевает Жирдяй руки к потолку. — Что я такого спросил? Подумаешь, поинтересовался насчет секс-стимулятора… Да ведь если костюм без стимулятора, то и знакомиться незачем!

Девушка швыряет в толстяка пирожное, Жирдяй уворачивается, и пирожное расплющивается о мускулистый торс Маньяка. Хакерши прыскают, Шурка стряхивает крем и грозит им пальцем.

— Друзья! — внушительным басом перекрывает шум Падла. — Время не терпит. И сегодня я наконец бросаю клич. На Дибенко!!!

— На Дибенко!!! — радостным боевым хором отзывается хакерская братва. — Давно пора! На Дибенко!!!

— Минуточку, — вмешивается Жирдяй. — По-моему, вы кое-что забыли… Патрис Лумумба, конечно, выдающийся человек, но, как говорится, свое тело ближе к рубашке…

— Ах да, — спохватывается Падла. — Шурик, надо бы

вернуть их в первобытное состояние…

— Это что, в каменный век, что ли? — смеется Маньяк.

— Оставь при себе свой доисторический юмор, — хмурится Жирдяй. — А то ведь мы, неандертальцы, народ горячий!

— Молчи, синантроп несчастный, иначе передумаю! — Шурка трет лоб, вспоминая. Я-то знаю в чем дело. На этот случай он не предусмотрел антивируса. Программа-метаморфикатор реагирует только на кодовое словосочетание. А кодовую фразу Шурик, как обычно, забыл. И мне не сказал.

Дос пожимает плечами:

— Ребята, а может, не будем торопиться? Недельку-другую перекантуемся… Может, даже и привыкнем…

— Ага, пристрастимся к рэпу и отправимся в гастроли по Диптауну, — кивает Жирдяй. — Вот и оставайся этим, как его… негром преклонных годов. А мы уж как-нибудь…

— Тихо! — перебивает его Маньяк. — Вспомнил!

Впрочем, нет никакой гарантии, что он вспомнил именно ту фразу и что с темнокожей компанией в результате не произойдут еще какие-нибудь не особо приятные метаморфозы. Помнится, последнее время Шурик слишком уж активно интересовался земноводными…

— Хакеры бывают разные-е!

— Черные! Белые! Красные-е! — не слишком музыкально поет Маньяк.

Ничего не происходит.

— Наверное, все дело в интонации, — предполагает Шурка и собирается вновь порадовать нас своими вокальными данными. Да так и остается с приоткрытым ртом…

Дело в том, что хакерская компания действительно теряет негритянский окрас, но зато стремительно приобретает яркую расцветку перезрелых помидор.

— Упс-с. — Падла отчаянно кусает губы, пытаясь не расхохотаться, и хлопает Доса по плечу. — Приветствую тебя, о вождь краснорожих!

Маньяк смущенно покашливает:

— Бывает… Программка сыроватая.

— Бездарь, — злится Жирдяй. — Признайся, «Виндоус-2000» — тоже твоя работа?

— Сами виноваты, — огрызается Шурка. — Не надо было нарываться. Устроили здесь, понимаешь, какой-то притон… Прямо не хакеры, а банда «Черная мышка»!

— Не черная, а красная, — поправляет Падла. — Зато как стильно смотрятся! Послушайте, а ведь мы запросто можем продать эту идею боди-дизайнерам! Последний писк виртуальной

моды! Да половина Диптауна уже через неделю будет щеголять всеми цветами радуги! Шурик, ты озолотишься на своей программке! Только сначала, конечно, надо малость потренироваться на ребятах… Набить руку, так сказать…

— Ага, он набьет руку, а мы ему набьем морду! — свирепеет помидорный Жирдяй. — Пускай на собаках тренируется!

— Собаки не умеют так богато выражать свои впечатления, — веселится Падла. — «Если встретишь хакера — береги его! Он ведь с красным знаменем — цвета одного!»

Я чувствую, что мне пора вмешаться, иначе эта дружная компания будет до самого вечера выяснять отношения:

— Ребята, *глубина* в опасности. Остальное может подождать.

— Правда, — спохватывается бородач. — Чей-то мы отвлеклись…

— Дело слишком серьезное… — начинает Падла вполне внушительным тоном, но тут взгляд его снова невзначай падает на ярко-пунцовую физиономию Жирдяя и…

— Надо выработать план действий, — торопливо вмешиваюсь, пока бородача снова не повело в сторону от темы.

— А какой тут особый план? — встревает Дос. — Идем на Дибенко! Правильно я говорю?

— На Дибенко! — весело подхватывают остальные. Чувствуется, что для них эта малосимпатичная фигура — следующий главный раздражитель после Гейтса и, наверное, Церетели.

На всякий случай уточняю:

— Кстати, а кто знает, где находится штаб-квартира Дибенко?

Гробовое молчание в ответ. Приехали, что называется!

Хакеры смущенно переглядываются. Они как-то упустили эту маленькую деталь.

— Я знаю! — вдруг доносится чей-то уверенный басовитый голос.

Кто это там?… Поворачиваюсь и не верю своим глазам, точнее, не хочу верить — двухметровый громила нестандартной ориентации и теперь еще более устрашающего, по причине помидорной окраски, вида встает из-за стола и повторяет:

— Я знаю!

Череп! Скорее уж я бы предпочел кого-нибудь вроде Сусанина в качестве проводника…

— Интересно, откуда такая осведомленность? — с подозрением прищуривается Жирдяй.

— Откуда, откуда… — бормочет громила. — Свежие газеты надо читать!

Череп извлекает из кармана и разворачивает последний номер «Вестника Диптауна», передает Падле.

Бородач недоуменно смотрит на страницу, начинает вполголоса читать:

— *«Вчера группа последователей Александра Тюрина посетила салон „Невинные Забавы“. Жертв и разрушений нет».*

— Да нет, ниже, — морщится Череп. — Там подчеркнуто!

Падла озабоченно поправляет очки:

— *«Избавление от иллюзий и рациональный подход к жизненным проблемам — всего за один сеанс. Дмитрий Дибенко принимает ежедневно с трех до пяти на десятом уровне „Лабиринта Мудрости“. Хакеров просьба не беспокоиться».*

Дос кривится:

— Совсем обнаглел, гад…

— Ага, — кивает Жирдяй. — Скоро пришлет телеграмму *«Грузите компьютеры бочками»*…

— Безнаказанность всегда вдохновляет, — пожимает плечами Падла. — Это я по собственному опыту знаю.

Маньяк кашляет, старательно пряча улыбку. Я недоуменно морщусь — плохо, когда все окружающие знают больше тебя:

— Послушайте, а что это за «Лабиринт Мудрости?» Что-то я ни разу о нем не слыхал.

— Думаешь, мы слыхали? Наверняка вещица покруче «Лабиринта Смерти», — вздыхает Дос. — Зря, что ли, этот гад там обосновался…

— Ребята, а ведь это сильно смахивает на ловушку, — встревоженно замечает одна из девушек.

Жирдяй смеется:

— Конечно, ловушка… Можно сказать, натуральная западня. Не в домино же он собирается там с нами резаться.

— Выхода у нас все равно нет, — кивает Падла. — Дибенко первый бросил вызов. А примем мы его или нет — уже не имеет значения. Если, конечно, мы навсегда не откажемся от *глубины*…

- Лучше умереть сидя, чем жить на четвереньках! — патетически восклицает Жирдяй, намазывая бутерброд толстым слоем икры. — Поменьше трагизьма, маэстро…

Маньяк иронически ухмыляется:

— Посмотрим, что ты запоешь, когда тебя хорошенько приложат «фэйсом» об «тэйбл»!

— *«Смейся Дибенко над убитым „винтом“!* — фальшиво выводит толстяк надтреснутым басом и откусывает здоровенный кусок бутерброда.

— Я кое-что слыхал о «Лабиринте Мудрости», — снова подает голос Череп. — Ничего конкретного, но в общем… силой там

ничего не сделаешь… Я бы не советовал туда лезть всей оравой… Да и вообще, лучше пока отложить это дело. До прояснения обстановки.

— Обстановка более чем ясная, — отрезает Падла. — А всей бандой соваться действительно не стоит. Будем действовать умом. Пойдут несколько человек. Самые опытные.

В комнате вдруг становится тихо, и бородач окидывает собравшихся серьезным пристальным взглядом:

— Кроме меня — Маньяк… Дос…

Толстяк тянет руку, подпрыгивая из-за стола, да так и зависает в двух метрах над полом. Шурка морщится:

— Жирдяйчик, оставь для ламеров эти дешевые эффекты.

— Если действовать умом — без меня не обойтись!

— Ага, нашелся… гигант мысли, отец русского хакерства.

— Отец не отец, — пожимает плечами Жирдяй, — но девушки обычно бывают довольны…

Хакерши прыскают. А Падла кивает, иронически щурясь:

— Ладно, Жирдяй тоже. Тупая физическая сила и плоский юмор тоже на что-нибудь сгодятся…

Толстяк стилем баттерфляй проплывает в воздухе над столом, делает сальто-мортале и пытается приземлиться прямиком на макушку Падле. Бородач небрежным движением отмахивается, и Жирдяй, кувыркаясь в воздухе словно воздушный шарик, стремительно отлетает в дальний угол.

— Ну и еще, — продолжает Падла, как ни в чем не бывало, — в составе группы должны быть дайверы. Думаю, Леонид и… Череп.

Этого еще не хватало!

— Я — против, — качает головой краснорожий громила, но я не успеваю обрадоваться, потому что он уточняет: — Против Леонида!

Ну знаете ли — это уже нахальство!

Маньяк хмурится, опережая мои возмущенные реплики:

— И чем же тебя не устраивает Леонид?

— Отнюдь, — с противной улыбкой качает головой Череп. — Леонид меня полностью устраивает… — Громила подмигивает в мою сторону, и я начинаю по-настоящему закипать. — Вот только брать его на дело не стоит!

— Это еще почему?! — встреваю я наконец в этот идиотский разговор.

— Да потому что у тебя дип-склероз!

И откуда этот гад все знает… Усмехаюсь как можно более непринужденно и лихорадочно придумываю убедительную отповедь. Но Шурка опять меня опережает:

— Леониду доверяю, как самому себе! А вот на счет тебя…

Тут, к моей досаде, за двухметрового громилу, в свою очередь, заступается Дос:

— Череп — наш мужик! Пускай кому-то не нравится, как он выглядит — это дело вкуса. А о вкусах не спорят! Имидж… — Рецидивист запинается. — Имидж…

— Ничто! Жажда — все! — подсказывает Жирдяй, опрокидывая в рот стопку водки.

— Вот именно!

Следует словесная перепалка в хакерской компании. Дискуссию обрывает Падла:

— Пойдут оба — Леонид и Череп. В деле и будет ясно, кто чего стоит.

Некоторые из хакеров обступают его, отчаянно пытаясь протолкнуть свои кандидатуры, но бородач непреклонен:

— Это вам не в «Master of Orion» резаться!

Перед эти железным аргументом они сникают.

— Провожать нас не надо. Незачем привлекать внимание.

Ударная группа под руководством Падлы покидает комнату и краснорожая братия вопит вслед:

— С «винтом» или на «винте»! Отформатируйте этих гадов до бессознательного состояния!

— «Linux» — чемпион! — на прощание вскидывает кулак Жирдяй. — Сделаем из Дибенко иконку для «Винды»!

— «Linux» — чемпион! — восторженно скандирует хакерская братва. На этой оптимистической ноте и расстаемся.

Едва тяжелые бархатные портьеры смыкаются за нашей спиной, Жирдяй начинает беспокоиться:

— Ребята, работа предстоит умственная, а у меня с утра маковой росинки…

— Ты издеваешься? — кривится Дос. — Да ты же с самого утра только и делал, что жрал!

— Ага, посадить бы тебя на виртуальный харч…

— Ладно, — вмешивается Маньяк и смотрит на часы. — Когда там этот гад принимает, с трех до пяти? Еще успеем.

Падла пожимает плечами, но возражений не высказывает. Договариваемся встретиться через час на одной из центральных площадей Диптауна.

— Оревуар, — кивает Череп и растворяется в воздухе. Все-таки хорошо быть дайвером.

Хакеры расходятся по одному. Первым уходит Жирдяй. Напоследок он вдруг оборачивается и смущенно кашляет:

— Ребята, я на полной мели, и холодильник — пустой… Деньжат не подкинете?

— Ну ты даешь, — качает головой Падла. — Чего ж ты раньше молчал?

Откуда-то из-за отворота ушанки бородач извлекает кредитку, протягивает толстяку.

— Спасибо, — неловко улыбается Жирдяй. — Я послезавтра верну…

— Сочтемся, когда разбогатеешь.

Когда дверь за ним захлопывается, Дос недоуменно бормочет:

— Чего это с Жирдяйчиком? Мы ж на прошлой неделе вместе на дело ходили. По две «штуки» на брата Скромно, но неужто он спустил все до копейки?

Падла вздыхает, разводя руками:

— Единственное, в чем мы можем быть уверены: он — неплохой парень. А остальное — *глубина* его знает… В конце концов внутри всякий человек — загадка. Это тебе любой патологоанатом подтвердит…

— Может, он просаживает деньги в «Невинных Забавах»?

— Вряд ли. Для Жирдяя там все слишком невинно…

— До встречи… — машу им рукой, не дожидаясь окончания этой философской дискуссии.

Глубина-глубина, отвали, родная…

Маньяк еще в шлеме перед своим ноутбуком. Ну что ж, а мы пока озаботимся обедом. Самое время перекусить. Жирдяй — молодец, что напомнил…

— *Вика,* отдыхай…

Компьютер послушно отключился. Я собрался заглянуть в холодильник и тут только осознал, что совместными усилиями мы с Шуркой уже успели его опустошить. М-да. Придется выходить.

Я накинул куртку, схватил сумку и отправился в магазин.

Примерно спустя двадцать минут «затарился» разнообразной закуской и пивом. Не забыл и два кило картошки. На этот раз не нарисованной, а вполне даже натуральной. Пускай Вика убедится вечером, какой у нее хозяйственный муж…

Весело насвистывая, отправился домой. А что? Реальность тоже в чем-то неплохая штука. По крайней мере можно гулять по улицам без всякого риска подхватить компьютерный вирус…

Из подворотни наперерез возникла сгорбленная старушечья фигура, закутанная до самых глаз в вылинялый серый платок:

— Сынок, можно тебя на минутку…

— «Аксес денаед», бабуля, — лениво ответил я по привычке, проходя мимо. И тут только спохватился, что это Москва, а не Диптаун, и старуха в платке — уж точно не экстравагантная миллионерша. Проклятый дип-склероз! Некрасиво вышло. Я

чертыхнулся вполголоса и, обернувшись, полез в карман:

— Держите, бабуля, — протянул ей мятую пятерку.

— Спасибо, сынок. — Старушка низко поклонилась, так что я не увидел ее глаз. — А это тебе.

И она быстро сунула мне аккуратно сложенный лист бумаги. Забавно. Надеюсь, это не приглашение в Церковь «тюринцев». Ходят слухи, что недавно они ввели Черную Мессу…

Я развернул. Отпечатано на «лазернике»:

«Леонид! Не ходи в „Лабиринт“!»

— Бабуля, и что это значит?… — оглядываюсь по сторонам. Сгорбленной фигуры и след простыл. Повезло мне, бойкая попалась старушонка…

Настроение слегка упало. Хваленая хакерская защита! С таким же успехом можно было обклеить город объявлениями: «Молодой, но подающий надежды дайвер бросает вызов коварному злодею Ди-бенко».

Дома меня тоже ждал сюрприз. Едва я переступил порог, Маньяк прочел стишок:

— Кто стучится в дверь ко мне с пулеметом на ремне?…

— Это он, это он — терминатор-почтальон… — отозвался я в тон Шурке.

— Молодец, догадливый, — криво усмехнулся Маньяк. — Вам телеграмма, господин дайвер. Срочная-экстра.

Интересно, кто же это расщедрился на бизнес-тариф? Разворачиваем, читаем…

Леня воскл Не ходи в Лабиринт тчк Не забывай что у тебя дип-склероз тчк Купи картошки тчк Целую Вика.

Что за чертовщина! Сначала старушка на улице, теперь уже и Вика обо всем знает… Какая же это стерва настучала?…

Звонок в дверь. Настойчивый.

— Кто?

— Вам телеграмма!

Это уже становится однообразным… Я распахнул дверь и, извинившись, почти вырвал листок из рук почтальонши. Опять «срочная-экстра». Прочел и отдал Маньяку. А сам торопливо открыл бутылку пива и с наслаждением сделал огромный глоток.

— *«Леонид!* — вслух читал Шурка. — *Не слушай бабу тчк Имей свою голову на плечах тчк Целую Дибенко».*

— Я его, гада, так поцелую, что он меня на всю жизнь запомнит!

— Странно, странно, — забормотал Маньяк. — Как же он тебя вычислил?

— По размеру галош, — буркнул я со злостью. — Не важно как… Важно зачем он об этом сообщил? Пытается, гад, взять на

испуг! Думает, мы все отменим и забьемся в щели, как тараканы! Нет уж, дудки! Сегодня или никогда!

— Леня, — с подозрением посмотрел на меня Маньяк. — А у тебя что, действительно дип-склероз?…

— Вранье, — отмахнулся я небрежно. — Происки врагов…

— Да? — с какой-то странной интонацией проговорил Шурка. — А тогда какого хрена ты разгуливал по улице в виртуальном комбинезоне?

Блин, про комбинезон я совсем забыл! Теперь понятно, почему прохожие как-то странно на меня смотрели… Хорошо хоть шлем снял!

Я пожал плечами:

— Так теплее.

— Понятно, — кивнул Маньяк, отводя глаза.

Эх, Вика, Вика, кто тебя за язык тянул!..

После обеда предстоящие перспективы не казались нам с Шуркой такими уж мрачными. Дибенко своей наглостью сам нарвался на неприятность. Одно дело — вылавливать нас по одиночке, исподтишка. Теперь мы — вместе, и в запасе у нас найдется пара-другая трюков…

В качестве аутотренинга перед предстоящей экспедицией я вымыл посуду и аккуратно выложил тарелочки в тарелкосушителе. Вечером Вика будет приятно удивлена.

Пора! Мы с Маньяком заняли боевые посты, натянули шлемы и…

— Леня! Тебе письма! — немедленно отозвался оживший компьютер.

Я заглянул в почтовый ящик и обнаружил там точные копии обеих телеграмм: *«Не пей из лужицы — козленочком станешь!» «Пей, если ты мужик!»* Какая всеобщая трогательная забота о моей персоне… Только ведь я не Иванушка, и уж тем более не Иванушка-дурачок. Я сам пишу свои сказки! И сегодня, думаю, у меня должна получиться вполне назидательная история… Надеюсь, что со счастливым концом!

deep.

Ввод…

Когда мы с Шуркой появляемся на площади Диггеров, Падла уже там — в неизменной ушанке и семейных трусах по колено. Правда, расцветка трусов изменилась: вместо веселенького узора — строгий уставной черный цвет. Чувствуется, что человек серьезно относится к предстоящей операции.

Весело киваем друг другу и я не удерживаюсь, наконец, задаю вопрос, который давно вертится у меня на языке:

— И не жарко тебе в ушанке?

— Не-а, — добродушно качает головой бородач. — Наоборот, прохладно. Она у меня с «кулером».

Я переглядываюсь с Маньяком. Шурка кусает губы, чтобы не рассмеяться.

В этот момент Падла отвлекается и машет рукой:

— О! А вот и остальные подгребают!

Пока бородач шагает навстречу новоприбывшим, Маньяк толкает меня локтем и шепчет:

— Да не удивляйся ты! Он и в реальности точно так же ходит!

— В ушанке и трусах?

— Зачем в ушанке. В одних трусах. Ушанка — это просто имидж. Ну и потом, вместо карманов, удобно… Вообще он любит, чтобы одежда не отвлекала.

— Понятное дело, — киваю я. — Хорошо хоть трусы его не отвлекают…

Жирдяй, Дос и Череп появляются в своей прежней краснокожей ипостаси.

— Что, неужели понравилось? — радуется Маньяк.

— Мы дали торжественный обет не менять цвета, пока не разделаемся с врагом, — изрекает Дос с такой мрачной решимостью, что Шурка невольно пятится назад.

— Не бойся, Шурик, мы имеем в виду Дибенко, — невинно вздыхает Жирдяй.

Маньяк иронически хмыкает, но чтобы он не слишком расслаблялся, толстяк ласково поясняет:

— Ты в нашем списке под номером два…

И только Череп невозмутимо серьезен. Я ловлю на себе его пристальный взгляд, но на этот раз он просто отводит глаза, без всех этих идиотских подмигиваний и хихиканья. Ох, не нравится мне эта серьезность! Из всей нашей группы Череп один имеет хотя бы смутное представление о «Лабиринте Мудрости». И похоже, то, что ему известно, не особенно его радует… Не знаю, может, он и неплохой парень. А все эти дурацкие ужимки — такой же нарочитый имидж, как и ушанка Падлы? Не знаю…

Я рассказываю про телеграмму Дибенко и замечаю, как тают улыбки на лицах Падлы и Жирдяя. Дос озабоченно сопит, а Маньяк вздыхает и ковыряет носком Зукиного тапка стыки гранитных плит, которыми покрыта площадь Диггеров. Про первую телеграмму я упомянул вскользь, и Шурка не пытается меня дополнять. Конечно, о чем-то он догадывается. Но тему дип-склероза не поднимает. И я чертовски благодарен ему за это…

— Ну что ж, — подводит итог Падла, — планов наших это не меняет. Наоборот, дорога каждая минута. Как говорят старые

«думеры», пуля — не воробей, вылетит — не поймаешь. Вперед, мои орлы и!.. — Бородач запинается, разводя руками. — Даже и не знаю, Жирдяй, к какой орнитологической категории тебя отнести…

— Упс-с, — издает Дос нечленораздельный шипящий звук, когда спустя минут десять мы оказываемся на окраине Диптауна перед вывеской «Лабиринт Мудрости».

Да уж. Можно было ожидать чего угодно, но только не этого… Когда мы добирались, воображение рисовало мне что-то вроде гигантской арки, упирающейся в небеса. За аркой — обязательно — клубящийся, будто оживший туман. И где-то вдали, сквозь языки тумана — проблески молний. Чей-то тоскливый, леденящий душу вой…

— Однако. — Падла озадаченно сдвигает на затылок ушанку.

Реальность оказалось куда смелее самых рискованных фантазий. Поляна посреди дремучего леса. Посреди поляны — некое ветхое сооружение, более всего подходящее под расхожий термин «избушка на курьих ножках». Гордая, хотя слегка покосившаяся вывеска аршинными буквами:

«ЛАБИРИНТ МУДРОСТИ».

Приблизившись к избушке, мы обнаруживаем на вывеске добавление мелким шрифтом: «Рекомендовано Министерством Высшего и Среднего Образования Российской Федерации».

— Ну знаете ли, — бормочет Жирдяй.

И только Маньяк не теряется:

— Избушка, избушка! Стань к лесу задом, ко мне передом!

— И где ты видишь у нее зад? — меланхолично замечает Жирдяй.

Однако магическая фраза все-таки оказывается действенной. Сооружение начинает двигаться с жутким треском и скрипом, и мы торопливо отскакиваем назад, поскольку «куриные ножки» заплетаются словно от злостного перепоя и вся конструкция грозит рухнуть на головы докучливых посетителей.

Впрочем, все заканчивается благополучно. Перед нами — небольшое крылечко, нависающее над землей, и запертая дверь.

— Ну и что дальше? — иронически щурится Дос.

Впрочем, долго ждать не приходится. Низкая дверца распахивается и на пороге… Нет, увы, не Дибенко. Впрочем, кого еще можно было обнаружить в этакой избушке. Уж не Билла Гейтса, конечно…

— Ох, чую, чую русским духом запахло!

— Шолом, бабушка, — вежливо здоровается Жирдяй.

Старая карга замолкает, видимо, слегка потрясенная таким приветствием. Наконец вновь обретает дар речи:

— С чем пожаловали, добры молодцы? Хотите познать Мудрость великую?

— Это уж точно, бабуля, — кивает Падла.

— Тогда ждут вас испытания тяжкие, испытания суровые…

— Короче, Склифосовский! — нетерпеливо перебивает Жирдяй. Яга бросает на него свирепый взгляд и наверняка колеблется, сразу обратить наглеца в камень или все же приготовить его в собственном соку, чтобы добро не пропадало.

— Ступайте за мной, добрые молодцы, — цедит ведьма сквозь зубы.

Поднимаемся на покрытое зеленым мхом крыльцо, входим внутрь. Слабый свет, пробивающийся сквозь затянутое паутиной пыльное окошко, не разгоняет сумрак. Вдоль стен — полки с непонятным, должно быть, колдовским инвентарем. Маньяк спотыкается и опрокидывает ступу, торопливо извиняется. Он косится на главную деталь внутреннего интерьера — печку с огромным зевом. Ту самую… М-да, что-то мрачновато здесь…

И только на Жирдяя здешняя обстановка никак не действует:

— Бог ты мой, какая халтура! — искренне удивляется он, разводя руками. — Какая халтура! Честно говоря, я был о Дибенко лучшего мнения!

Толстяк хозяйски прохаживается по комнате, щупает магический инвентарь и презрительно морщится:

— Китч! Дешевка!

Яга наблюдает за ним, мрачно насупившись, и вдруг говорит спокойно так, почти ласково:

— Знаешь, что, добрый молодец… А полезай-ка ты в печь!

Жирдяй хихикает:

— И это все, на что хватает фантазии у дибенковских программистов?

Он наклоняется и пытается заглянуть под длинную ведьмину юбку:

— А нога действительно костяная?

Истину он не успевает определить, потому что Яга вдруг топает этой самой ногой и в печке вспыхивает жаркое пламя.

— Полезай в печь! — сурово повторяет ведьма, тыкая в Жирдяя крючковатым пальцем.

Толстяк пятится, иронически пожимая плечами:

— Виноват, не умею. Покажите как… тогда и я с удовольствием…

— Не умеешь — научим, не хочешь — заставим, — бормочет Яга и щелкает пальцами.

Жирдяй ухмыляется, но уже через мгновение его ухмылка тает:

— Ой…

Неведомая сила приподнимает толстяка над полом и неудержимо тащит прямиком в огнедышащий зев печки.

— Э-э! А как же мудрость? Я еще слишком молод!

— Умного учить — только портить, — зловеще улыбается Яга, снова щелкает пальцами, и Жирдяй с воплем влетает в раскаленное нутро печки. Дос успевает схватить его за ноги, но не удерживает и сам проваливается следом, прямиком в гудящее пламя…

— Ну, добры молодцы, кто следующий? — ухмыляется ведьма, окидывая нас пронзительным взглядом.

В горле у меня пересыхает. То ли от жара печки, то ли еще от чего… Вот, значит, как он решил с нами разобраться. Дешево и сердито… Я вспоминаю, что всего полчаса назад собирался посчитаться с Дибенко за эту дурацкую телеграмму… Господи, какие же мы наивные дураки. Пикнуть не успели, а уже нет двоих… Главное правило, когда имеешь дело с шулером, — не садись играть…

— В чем заминка? — щурится Яга. — Не можете решить кто? Тогда полезай ты! — и она тыкает в мою сторону черным, обгрызенным ногтем.

Глубина-глубина… Нет! Нельзя бросать товарищей… Я слабо улыбаюсь ведьме и пытаюсь незаметно извлечь пистолет, заряженный новейшими Шуркиными вирусами. Вообще-то крайне сомнительно, что здесь он будет действовать… Я с надеждой оглядываюсь на своих спутников: должны же быть у них еще какие-нибудь «домашние заготовки»…

Маньяк озабоченно хмурится и что-то шепчет себе под нос, физиономия Черепа напоминает неподвижную маску и только Падла удивительно спокоен и даже не смотрит на Ягу. Я прослеживаю его взгляд и замечаю на колченогом столике пухлый том. Что это? Сборник заклинаний? «Сто рецептов блюд из Иванушек»? Я присматриваюсь и вдруг, несмотря на сумрак, разбираю буквы на корешке книги: «Кудрявцев. Демидович. Краткий курс высшей математики».

Яга недоуменно оглядывается: куда таращатся все эти туповатые молодцы? Замечает том на столе, спохватывается и торопливо прячет книгу в сундук. Виновато улыбается:

— Извините. Контрольная на носу… Жаловаться будете?

Падла машет рукой:

— Да ну, какие проблемы, бабуля.

— Какая я тебе бабуля! Я на третьем курсе. А здесь… подрабатываю…

Тьфу ты! Хорошо, что не успел извлечь пистолет — посмешище было бы на всю *глубину!*

- Кстати, что за тема контрольной?

— Кратные интегралы.

Бородач улыбается:

— Тогда рекомендую «Бугрова. Никольского». Толково изложено.

— Спасибо, — смущенно опускает глаза ведьма.

— Ты давно здесь? — вмешивается Маньяк в разговор. — Дибенко не встречала?

— Ага, вы бы еще про Билла Гейтса спросили, — смеется Яга. — Мы всего неделю назад открылись. И за целую неделю — вы вторая группа посетителей.

— Да, — вздыхает Маньяк. — Глухомань.

— Классный прикид, — говорю я ведьме. Хочется, знаете ли, сказать хоть что-то приятное человеку, которого еще минуту назад собирался застрелить.

— Спасибо, — расцветает Яга. — Я тоже принимала участие в разработке дизайна. Вообще-то весь «Лабиринт» — бюджетный проект Московского университета… Извините, если слишком уж невзрачно. Мы старались… Но сами знаете, какое сейчас бюджетное финансирование…

— Да нет, что ты… Смотрится вполне, — кивает Маньяк. — А то, что этот толстый здесь болтал… не обращай внимания. Кстати, как он там — надеюсь, сгорел в геенне огненной?

— Он уже внутри.

Падла заговорщически подмигивает:

— Нам бы попасть на десятый уровень… Без проволочек… Один наш… близкий друг назначил встречу. Боимся опоздать.

— Извините, — разводит руками Яга. — Как там сказано… — Она морщит лоб. — Только мудрость и храброе сердце помогут одолеть вам все испытания! Другого пути я не знаю. А если бы и знала — не сказала. — Яга виновато улыбается. — Вы же понимаете…

— Понимаем, — тяжело вздыхает Падла. — Ладно уж… Отправляй добрых молодцев…

— Чур, я первый! — машу рукой и не успеваю опомниться, как неведомая сила зашвыривает меня в огнедышащую печку. Жарища… Еще немного и будет у старой ведьмы новое блюдо — дайвер-фри…

Вдруг становится прохладно. Бесследно растворяются языки

пламени. Я лежу на травке, и кто-то огромный нависает надо мной, застилая солнце… Я поворачиваю голову.

— Ну и где вы там застряли? — вопрошает Жирдяй, уперев руки в бока.

Поднимаюсь, настороженно окидывая взглядом обстановку.

Абсолютно ничего угрожающего. Мы с толстяком стоим на берегу реки, густо поросшем всевозможными полевыми цветами. Птички поют на разные голоса. Метрах в десяти — опушка хвойного леса. Оттуда возвращается с разведки Дос. Губы его перепачканы черникой. Да, это явно не «Лабиринт Смерти». Ну и слава богу!

Единственная неприятная подробность выясняется, когда я хлопаю по карману штанов — пистолет исчез бесследно. Что, впрочем, и следовало ожидать.

Спустя пару секунд из ничего возникают по очереди Маньяк, Падла и Череп. Вся компания опять в сборе. Бородач немедленно пускает в ход свои полководческие таланты:

— Рассуждая логически, то, что мы оказались на берегу, — не случайно. Чтобы выйти на следующий уровень — надо переправиться через реку.

Оглядываемся по сторонам. Никаких лодок. А до противоположного берега — никак не меньше полкилометра.

Жирдяй склоняется над речной гладью, пробует водичку рукой. Радостно кивает нам:

— Теплая…

А уже в следующую секунду с диким воплем он отдергивает руку — практически на каждом жирдяйском пальце болтается по небольшой, но чрезвычайно зубастой рыбешке.

— Вот гады! — искренне возмущается Дос, помогая толстяку избавиться от неожиданного улова. — Откуда взяться пираньям в среднерусской полосе?! Это ж надо иметь такую извращенную фантазию!

— Да уж, — глубокомысленно кивает Падла. — Вплавь переправляться явно не стоит. Редкий хакер долетит до середины Днепра. А если и долетит — тут ему и будет полный абзац…

— Что делать-то? — мрачно вопрошает Жирдяй.

Дос напрягает эрудицию:

— Ну, индейцы Амазонки, например, сначала кидают в реку… кого-нибудь. И пока пираньи перекусывают — спокойно переправляются на другой берег.

— Ну и *кого* ты предлагаешь кинуть в воду? — с подозрением таращится на него Жирдяй.

— Ничего я не предлагаю, — смущенно отворачивается рецидивист.

— Смотрите! — вдруг машет рукой Череп. Мы поворачиваем головы в указанном направлении и не верим глазам. Несколько явно человекообразных существ на водной глади. Плывут в нашу сторону.

— Не сюда! — орет Жирдяй и бежит вдоль берега. Наверное, надеется отвести их от того места, где он уже успел «прикормить» пираний.

— Быстрее, быстрее! — отчаянно размахивает он руками. От группы отделяется один из пловцов и спокойно движется в сторону Жирдяя. Остальные как ни в чем не бывало приближаются к нам.

В ожидании кровавой развязки, беспомощно стоим на берегу. Это что же, Министерство образования рекомендует такие милые сценки для закрепления пройденного по биологии?

Пловцы уже совсем рядом. Теперь, впрочем, видно, что это явно особи женского пола. И довольно симпатичные. Странно, но пираньи по-прежнему никак себя не проявляют.

— Здравствуйте, незнакомцы! — приятным грудным голосом обращается к нам одна из зеленово-лосых девиц. — Идите к нам!

Ну уж, не дождетесь!

— Здравствуйте, девочки, — быстро кивает Дос. — Может, лучше поговорим на берегу? По-моему, санэпидстанция не советует здесь купаться.

Девицы не возражают и выбираются из воды, включая ту, которая откликнулась на страстные призывы Жирдяя. Насколько можно оценить фигуры зеленоволосых пловчих через полупрозрачные длинные одеяния — все они просто неотразимы для мужского взгляда.

Падла смущенно покашливает:

— С кем имеем честь?

— Мы — русалки, — улыбается одна из пяти девиц.

— Тьфу ты, ну конечно же! — хлопает себя по лбу бородач.

Сияющий Жирдяй возвращается к нам вместе со своей «зеленовлаской». Впрочем, и всем остальным, включая Черепа, одиночество не грозит.

— Вы, должно быть, искатели мудрости? — вопрошает старшая русалка.

— А как вы догадались? — восхищается Падла, пытаясь поцеловать тонкую женскую ручку.

— Вам исполнилось шестнадцать лет? — вдруг ни с того ни с сего уточняет девица.

— Конечно, исполнилось! — выпаливает Дос с такой поспешностью, что в мою душу начинают закрадываться смутные сомнения. Рецидивист замечает наши пристальные взгляды и

краснокожесть его приобретает пугающе яркий оттенок.

Но русалок, похоже, ответ устраивает. Как по команде, они быстро касаются каких-то там завязочек и их просторные одеяния немедленно падают на траву…

Некоторое время мы все стоим с приоткрытыми ртами. Наконец Жирдяй проглатывает комок в горле и выдавливает:

— Знаете, ребята… Ну его к черту, этого Дибенко. Мне и здесь хорошо.

Пару минут длится тишина. Каждый чувствует, что слова толстяка имеют под собой более чем веские основания. В конце концов Дибенко может и подождать. Полчасика. Или часик. Ничего с ним не сделается.

И вдруг робкий, неуверенный голос Черепа нарушает молчание:

— Нам ведь надо успеть на десятый уровень…

Да, с ориентацией у этого парня явно что-то не в порядке!

— Чтобы познать Мудрость, вы должны переправиться на другой берег, — немедленно отзывается одна из русалок. — Вам нельзя терять времени, ибо путь предстоит долгий.

Мы свирепо оглядываемся на Черепа — и кто его, балбеса, за язык тянул!

— А как же пираньи? — с некоторой надеждой спрашивает Падла.

— Вместе с нами вам ничего не грозит, — весело успокаивает его старшая русалка — и бултых с разбега в воду! А за ней — и остальные.

Жирдяй собирается было броситься следом, но русалка томно вздыхает:

— Вам будет тяжело и неудобно плыть в одежде… Лучше оставить ее на берегу.

— Ясно! — радостно восклицает толстяк, немедленно начиная стаскивать с себя штаны. Раздеваемся. И только Череп опять проявляет странность. Несколько секунд он мнется в нерешительности, потом отправляется за кусты.

Стащив с себя все, Жирдяй уже готов сигануть в реку, но снова его останавливают жестом:

— Мы не сможем защитить вас от хищных рыб, если не будем уверены, что вы достойны познать Мудрость!

— Да-а?! — испуганно бормочет толстяк, покачиваясь на самом краешке берега. — И как это понимать?

Он торопливо пятится назад.

— Расскажите стихотворение. Или исполните небольшую песенку, — добродушно поясняет старшая русалка.

— А, ну это мы мигом! — сияет Дос и выпаливает

скороговоркой:

Дети в подвале играли в «Duke Nuken» —
Зверски застрелен был дворник Гадюкин.

Русалки переглядываются в некоторой растерянности. Их предводительница морщит лоб:

— И кто автор этого… произведения?

— Э-э… Маяковский, — пытается соврать краснокожий рецидивист.

Русалки, все как одна, качают головой.

Мы перешептываемся и тут выясняется, что никто из нас не в состоянии вспомнить целиком ни одного стихотворения. А те, что приходят на ум, почему-то носят откровенно нецензурный характер.

— Я могу сюжет фильма «Матрица» пересказать, — снова проявляет инициативу Дос.

— Это как? — хмурится Падла.

Раз, два, три, четыре, пять —
Вышел хакер погулять!
Антивирус выбегает,
Прямо в хакера стреляет!
Пиф-паф! Наконец,
Будет хакеру…

— Не надо! — Бородач торопливо закрывает Досу рот ладонью и с опаской оглядывается на русалок: еще обидятся и уплывут. М-да, ситуация принимает тупиковый характер…

— Наша Маша горько плачет, уронила в речку мячик, — вдруг высовывается из-за кустов голова Черепа. — Тише, Машенька, не плачь — мама купит новый мяч!

— Гениально! — аплодирует Падла.

— Конгениально! — вопит Жирдяй.

«Зеленовласки» гостеприимно улыбаются и манят нас в воду:

— Вы достойны нашей помощи!

Переправа через реку длится намного меньше, чем хотелось бы. Каждого из нас буксирует, нежно обняв за плечи, персональная русалка. Черт возьми, более приятного транспортного средства, наверное, не существует в природе!

Оказавшись у другого берега, Жирдяй долго не хочет вылезать из реки и заявляет, что всю жизнь мечтал стать водяным. Русалки хихикают и напрасно пытаются вытолкнуть

толстяка на берег. В конце концов они объясняют, что больше не смогут защитить его от пираний. Это помогает. Жирдяй пулей вылетает из воды.

Русалки прощально машут нам руками.

— Девочки! Вы не с химфака? — кричит им вслед Падла. Чувствуется, что с химфаком у бородача связаны какие-то волнующие воспоминания. Русалки только смеются и, послав нам по воздушному поцелую, скрываются в глубине реки.

— Слушайте, ребята, а здесь действительно хорошо, — восторгается Жирдяй, разгуливая по травке в полном неглиже. Свою одежду мы оставили на противоположном берегу, а на этом — почему-то нет никаких признаков гардероба. С непривычки испытываешь некий дискомфорт. Только Падле все нипочем — он как был, так и остался — в трусах и ушанке. Несмотря на все увещевания русалок.

А куда это, интересно, Череп подевался? Как он из воды вылезал, я не видел — он со своей русалкой взял правее, где деревья вплотную подступают к берегу.

Трещат сухие ветки под чьими-то шагами и именно с той стороны появляется… нет не Череп. Низенький старичок в полосатом колпаке, бархатном синем камзоле и красных штанах. На ногах у благообразного персонажа белые чулки и башмаки с серебряными пряжками. Старичок поглаживает длинную седую бороду и весело кивает:

— Здравствуйте, почтенные путешественники!

Да это ж типичный гном! Хотя, пожалуй, и крупноватой для гнома комплекции.

— Вижу, вы слегка поиздержались в дороге. — Старичок тонко и довольно противно хихикает и бросает нам под ноги сверток. Одежда. Неказистые полотняные штаны и длинные рубахи. Ничего, вполне терпимо. Обряжаемся и становимся похожими то ли на героев финского народного эпоса, то ли на пациентов старинной психбольницы. И только Падла отказывается что-либо менять в устоявшемся имидже. Такой здоровый консерватизм мне все больше и больше по душе. Ей-богу, по завершении нашего похода сделаю себе что-нибудь в аналогичном ключе. Думаю, например, трусы в горошек и шляпа-сомбреро составили бы незабываемый ансамбль.

Из-за кустов появляется Череп уже одетый в полотняные обновки.

— Чего это ты от коллектива отрываешься? — иронически щурится Дос.

Громила смущенно разводит руками:

— Еще не привык к этому телу…

Старичок нетерпеливо треплет кончик своей бороды и властно заявляет:

— Следуйте за мной, почтенные. Я укажу вам дорогу к подлинной Мудрости.

Никто и не возражает. Топаем за гномом по лесной тропинке. Щебечут птички, обстановка идиллическая. Направо и налево от тропинки что-то белеет в высокой траве… Наверняка грибы. Наклоняюсь. Гм-гм. Отнюдь не грибы. Человеческие скелеты. Местами — целые, местами — во фрагментарном виде.

— Дедушка, — вежливо интересуюсь, как бы невзначай. — А что это у вас… по лесу косточки людские разбросаны?

Гном недовольно морщится и разводит руками:

— А что вы хотите, почтенные? То Змей Горыныч налетит, то Кощей пожалует… Намусорят, нагадят… Не успеваешь убирать.

Весьма оптимистическое начало.

Тропинка приводит нас на просторную поляну и дальше круто взбирается по склону высокого холма, на вершине которого стоят массивные дубовые врата. Тропинка упирается в створки ворот и больше никуда не ведет. Понятное дело — переход на следующий уровень.

У подножия холма — компьютер, чтобы записаться на текущем уровне, а также… несколько грубо сколоченных парт и школьная доска. Торопливо отметившись в компьютере, Жирдяй карабкается на холм и напрасно ломится во врата, запертые на огромный висячий замок.

— Э-э, уважаемые, не так быстро! — качает головой ехидный старичок и показывает на здоровенный золотой ключ, болтающийся у него на поясе. — Сначала вы должны доказать, что достойны пройти этой дорогой!

— Что, опять поэзию декламировать? — морщится Жирдяй. — Ладно, давай только побыстрее, дедуля. Я как раз вспомнил подходящий стишок: мама мыла Раму, Рама мыл маму…

— Погодите, молодой человек, — останавливает его гном. — Присаживайтесь. — Он гостеприимно указывает нам на некрашеные, потемневшие от времени парты.

Делать нечего. Садимся.

Старичок задумчиво возводит глаза в безоблачно-васильковое небо:

— Ну для начала, думаю… Небольшой диктант. На правописание «жи» и «щи» и деепричастные обороты.

Мы переглядываемся с Маньяком, и я тихонько шепчу:

— Да, в «Лабиринте Смерти», пожалуй, было полегче.

Гном выделяет каждому вполне современную тетрадку,

шариковую ручку и начинает диктовать.

— «Живо, сударь, живо! — сердито прошипела принцесса Орхидея на камер-флигель-раш-пиль-адъютанта, отмахиваясь веером от жирных морлоков. — Выбрасывайте на помойку этого противного Гегеля и садитесь переписывать Тойнби! Унтер-генералиссимус фон Беспалофф ждать не любит!»

Толстяк скорбно вздыхает:

— И откуда такие тексты берутся…

— А откуда берутся невежественные молодые люди? — сурово парирует старичок. — Все тексты взяты из романа «Аксельбант адъютанта моего». Между прочим, данная книга рекомендована в качестве пособия по орфографии для студентов философских факультетов.

Дос, сидящий с Черепом за одной партой, пытается списывать. Только это бесполезно. Я заглянул в Шуркину тетрадь и понимаю, что всем нам гном одновременно диктует разные куски текста. Как видно, чудеса виртуальности выходят боком школьникам и студентам.

Наконец, диктант окончен. Старичок подходит к Черепу, сидящему впереди, берет тетрадку. Хмыкает. Что-то правит.

— Ну что ж… Твердая четверка.

Заглядывает в тетрадь Доса и хмурится:

— Молодой человек, не «мурлоки», а «морлоки»! И не «хероография», а «хореография»! Разве я так диктовал? Я лично имел в виду «искусство танца». А что, интересно, вы имели в виду? Три с минусом!

Доходит очередь до Жирдяя. Гном смотрит в его тетрадь и на пару минут замирает с приоткрытым ртом, очевидно, на время утратив дар речи.

— Ну знаете ли… — наконец выдавливает он из себя. — Вы не то что Мудрости недостойны… Вы недостойны даже «единицы»!

Толстяк мрачнеет, выбирается из-за парты, сурово нависает над опасливо отступающим гномом:

— Нуты, Макаренко! Сам отдашь ключ?… Или как?

— Жирдяйчик! Не горячись! — напрасно пытается успокоить его Падла. — Интеллигентные люди всегда могут договориться.

Толстяк отмахивается:

— Вы что не видите? Он же смеется над нами!

— Это утвержденная учебная программа, — напрасно оправдывается гном. — Правда, она рассчитана на людей, освоивших русский язык хотя бы в объеме «Букваря»…

— Да что вы знаете о моей жизни! — трагически восклицает Жирдяй. — Да, может, я грамматику учил по винвордовским

«хелпам»! И в то время, когда вы в своих университетах наслаждались чтением романов, у меня не хватало денег даже на новый порнографический диск!

Дос сочувственно вздыхает. Падла скорбно возводит очи к небу. Старичок, не зная, что и сказать, разводит руками. А толстяк смахивает скупую мужскую слезу и, улучив момент, ловко сдергивает золотой ключ с прикрепленного к гномьему поясу кольца.

Старичок, потрясенный такой наглостью, аж подпрыгивает на месте:

— Только достойные пройдут через Врата!

— Да ну, — усмехается Жирдяй, поигрывая ключом. — А как же насчет недостойных?

— А недостойных ждет переэкзаменовка, — вдруг как-то нехорошо усмехается гном. — Только проводить ее уже буду не я!

Толстяк пренебрежительно хмыкает, очевидно, собираясь сказать очередную гадость про умственные способности создателей «Лабиринта», да так и замирает с приоткрытым ртом.

Черная тень затмевает солнце. Мы поднимаем головы. Какая-то большая птица, редко взмахивая широченными крыльями, стремительно снижается над нашей поляной. Я всматриваюсь, и брови мои недоуменно ползут вверх. Странная какая-то птица — с длинным змеиным хвостом… И тремя головами!

Маньяк соображает быстрее остальных:

— Бегом к воротам! Я попробую его задержать! — Шурка хватается за толстенное бревно, исполнявшее до этого функции скамейки, с некоторым усилием, но все же поднимает. Вот когда пригодились терминаторские бицепсы!

— Мама дорогая, — растерянно бормочет Жирдяй, все еще запрокинув голову в небо. — Я и не думал, что он такой огромный…

Падла хорошим пинком выводит толстяка из ступора. Карабкаемся вверх по склону с такой стремительностью, какой, наверное, позавидовали бы и горные козлы.

— Остановитесь, несчастные! — раскатисто грохочет над нами в три громадные луженые глотки, будто в три тепловозных гудка. — Остановитесь и познайте великое таинство орфографии!

— Да пошел ты… — не слишком уверенно бормочет Жирдяй на ходу. До заветных Врат уже совсем близко…

Наше счастье, что трехглавое страшилище — слишком громадное, чтобы приземлиться на крутом склоне, прямиком на наши головы.

Вот они, Врата! Толстяк торопливо сует ключ в замок, пыхтит, стонет:

— Не подходит! Не тот ключ!

От огромных крыльев поднимается ураган и нас едва не сдувает вниз. Вздрагивает земля. Я оглядываюсь. Чудище таки село, тормозя всеми четырьмя лапами. Сзади на земле остались глубокие борозды. И вот уже оно тянется от подножия холма длинными змеиными шеями в нашу сторону.

— Остановитесь, убогие! — будто горячим ветром обдает мне лицо. — Иначе так и останетесь невеждами! Мертвыми невеждами!

Хохот, будто отголосок недалекой артиллерийской канонады. А ведь он, пожалуй, сейчас нас испепелит! Как и положено образцовому Змею Горынычу.

— Э-эй! — горланит снизу Маньяк. — Кто тут принимает зачет по русскому языку?

Все три головы недоуменно захлопывают пасти и смотрят себе под ноги — откуда раздается этот комариный писк?

— Могу поспорить, — не унимается Шурка, — ты не знаешь того, чему собираешься учить других!

Чудище приподнимает лапу размером этак с шестисотый «мерседес» и пытается расплющить назойливую двуногую букашку. Не тут-то было. Маньяк ловко отскакивает, да еще и успевает крепко приложить Змея бревном по передним лапам. Чудище трясет конечностями, совсем как выбравшаяся из лужи кошка, и шипит будто трещина в магистральном газопроводе.

— Я сам могу принимать у тебя зачет по «великому и могучему»! — весело кричит Шурка. — Ты ведь даже и не догадываешься, *насколько* он великий и могучий!

— Ты дорого заплатишь за дерзость, если не докажешь свои слова подлинным знанием! — грохочет Змей, поворачивая все три головы в его сторону.

— Могу доказать прямо сейчас! — бревном отмахивается Маньяк и в доказательство немедленно приводит пару «могучих» выражений. На чудище нападает столбняк.

Тем временем Падла вырывает ключ из трясущихся жирдяйских рук и принимается орудовать с замком. Спустя несколько секунд массивное ушко замка поддается.

— А ты говорил; «не подходит», — сердито выговаривает бородач толстяку, распахивая створки Врат. Впереди — белесая непрозрачная пелена. Один только шаг — и никакая трехглавая пакость нас не достанет…

— Постойте, а как же Маньяк? — вдруг останавливается Череп.

— Мы должны идти вперед, — жестко обрывает его Падла и подталкивает к Вратам.

Перед тем как белая мгла поглотит звуки, мы еще разбираем продолжение творческого диспута между Шуркой и Змеем. Высоколитературные обороты щедро перемежаются нецензурными и Маньяк весело приговаривает:

— Эх ты, чудище бестолковое! И чему ж тебя в твоих университетах учили? Если русский народ говорит — …, значит, действительно — …! Как же это по-другому скажешь?!

После прохлады реки и продуваемого ветерком хвойного леса — контраст разительный. Вот уже час (по крайней мере по моему субъективному времени) мы движемся едва заметной караванной тропой через выжженную каменистую пустыню. Обливаясь потом, я с завистью то и дело поднимаю глаза на ушанку шагающего впереди Падлы — головной убор с «кулером» всем бы нам не повредил.

Микроклимат явно оставляет желать лучшего… У-ух…

В памяти начинают всплывать те счастливые дни, когда у нас отключали горячую воду (горячую! бр-р-р!) и простым поворотом вентиля можно было обрушить на себя мощную струю благословенной, обжигающе ледяной влаги. Тогда я, дурак, этого не ценил. Вместо того чтобы спокойно наслаждаться неожиданным счастьем, звонил в жэк, ругался, скандалил… Ну разве не идиот?

Жаль, Маньяка нет с нами. Он бы что-нибудь придумал. Например, ударил посохом в землю и оттуда хлынула бы родниковая водичка… Нет, лучше пиво! Пускай обыкновенное «Жигулевское» — но непременно ледяное!

Минут десять мы прождали Шурку — и без толку. Сгинул бедняга в пасти помешанного на орфографии чудища. Увы, в Эру Виртуальности даже филология стала опасным занятием… Бедный, бедный Шурик… Ты был хорошим товарищем. Спи спокойно, дорогой друг! На обратном пути зайдем поплакать на твою виртуальную могилку…

Тьфу ты, по-моему, я перегрелся на солнце! Этак еще пару километров по пустыне и дип-скле-роз окончательно меня скрутит…

Кляня себя за малодушие, шепчу:

— Глубина-глубина, жарковато тут у вас…

Я стащил нагревшийся виртуальный шлем и немедленно обнаружил «безвременно сгинувшего» Маньяка. Шурка увлеченно что-то набирал на клавиатуре своего ноутбука. Его шлем и сенсорные перчатки валялись рядом на диване, а на столе перед ним стояла здоровенная хрустальная кружка, наполненная до самых краев янтарным пивом.

И этого человека я оплакивал всего минуту назад! Мы там

изнываем от жажды, обливаемся потом, а он спокойно нежится в прохладе московской квартиры, пьет пиво из подаренной мне Викой чешской кружки и совсем не торопится нам на помощь!

В благородном гневе я выхватил кружку из-под Шуркиной руки и в два глотка осушил пол-литра холодного пива… Господи, благодать!

Отправился в ванную, умылся ледяной водой. Вернувшись в комнату, обнаружил Маньяка, склонившегося перед экраном моего компьютера.

— По-моему, вы нашли оазис! — радостно объявил он, оборачиваясь. — Сейчас начнется самое интересное!

— Да ну… — проговорил я без особого энтузиазма. Опять возвращаться в раскаленное пекло… Я взял шлем и хмуро посмотрел на Шурку:

— А сам ты, я вижу, туда не собираешься?

Маньяк улыбнулся и заговорщически подмигнул:

— Я работаю, Леня, работаю! Когда будет готово — вы это поймете! Даю слово!

Я пожал плечами.

— Кстати… Как там вышло с переэкзаменовкой?

Шурка хихикает:

— Встреча прошла в непринужденной и дружеской обстановке! Обычно Змей работает у них на «автопилоте». Но в результате общения со мной его слегка зациклило… Пришлось им срочно подключать троих кандидатов филологических наук — по одному на каждую голову. Все неплохие в общем-то люди. Хотя слегка от жизни оторваны. Я пообещал регулярно проводить с ними семинары по «живому великорусскому». И между прочим, один из них даже собирается вставить меня в качестве раздела в свою будущую диссертацию!

— Про новые дибенковские «закидоны» они, конечно, ничего не слыхали?

— Какой там Дибенко! Они «Линукса» от «Тампекса» отличить не смогут. Одно слово — филологи!

— Да уж, — кивнул я. Ох и не хочется надевать горячий шлем… — Шурка, а сколько времени мы уже идем через пустыню?

— Да минут пятнадцать, по-моему.

Вот те на! А мне-то казалось, что еще немного и мы побьем рекорд красноармейца Сухова…

Маньяк опять засел за свой ноутбук. А я напялил виртуальный шлем, словно сунул голову в духовку.

— *Вика, deep…*

И впрямь через пару минут мы достигаем оазиса. Родник,

бьющий из расселины между скалами, и небольшое озерцо с кристально прозрачной водой. У озерца — роща финиковых пальм. Обступившие оазис скалы дают некоторую защиту от горячего дыхания пустыни. Здесь можно сделать привал.

Счастливый Жирдяй с разбегу бросается в озеро и… в этот самый момент все исчезает — и родник, и озерцо, и пальмы. Остается воткнутая в землю табличка: «Это — мираж. Настоящий оазис через 150 километров».

Толстяк некоторое время по инерции еще загребает руками и ногами каменистую выжженную почву. Потом кое-как встает, потому что лежать слишком горячо, и разражается самыми ужасными проклятиями, какие я когда-нибудь слышал от хакера.

Следующий километр мы преодолеваем в похоронном настроении. Жирдяй плетется сзади и время от времени кротким голосом просит его пристрелить.

— Смотрите! — вдруг указывает Череп.

Еще одна табличка! Подходим ближе и читаем: «Это была шутка. До оазиса — 100 м».

Воспрянув духом, почти рысью преодолеваем эти сто метров и впереди всех мчится ликующий Жирдяй. Впрочем, я его не осуждаю. Он ведь не может, как я, выйти из *глубины* и хлопнуть поллитра пивка.

На этот раз оазис вполне даже реальный. Словно стая молодых гиппопотамов, мы плюхаемся в озерцо, плещемся и брызгаемся, наслаждаясь прохладой. Пьем обжигающе ледяную родниковую воду.

Вдоволь наплескавшись, размещаемся на привал в тени пальм.

— Странно все это, — замечает Падла, в задумчивости подбирая с земли засохший финик.

— Что странно? — спрашивает Дос, ковыряя веточкой землю.

— Да весь этот наш переход через пустыню. Так ведь не бывает в игре. В настоящей игре всегда что-то должно происходить. А мы уже столько времени топаем — и ничего. Ни драконов, ни эльфов, ни гоблинов… Завалящего хоббита в этой глухомани не встретишь… В «Лабиринте Смерти» мы бы успели навалить по дороге горы монстров. Да и нас самих раза по три уже пристрелили бы. Это как пить дать!

— Да, — криво ухмыляется Жирдяй. — А здесь мы просто будем медленно загибаться от жажды, пока не сработает таймер…

Дос кивает:

— Голосовой канал связи блокирован, я проверял.

Падла качает головой:

— Здесь что-то не то! Возможны два варианта. Первый. Все

из-за того, что мы отобрали ключ у гнома. Нарушилась нормальная процедура перехода на следующий уровень, программный сбой. В результате нас зашвырнуло неведомо куда. Например, на незавершенный уровень, куда обычным посетителям путь закрыт.

— А второй вариант?

— Нас ждали. Сами знаете кто. И хорошо подготовились к встрече.

— Ясно, — хмуро кивает Дос. — Когда мы дойдем до полной кондиции, наш «друг» вступит в игру.

Словно в ответ на его слова, из-за ближайшей каменистой гряды в облаке пыли показывается караван. Не меньше двух десятков навьюченных ослов в сопровождении по крайней мере сотни пеших воинов.

Жирдяй слегка нервничает. Это не простодушных гномов облапошивать. Численный перевес явно не на нашей стороне.

— Может, свалим, пока не поздно?

— Уже поздно, — вздыхает Падла. — Нас заметили. Да и зачем? Надо же наконец понять, где мы находимся.

Караван приближается. Головной отряд воинов отделяется от него и ускоренным маршем движется в сторону оазиса. Встаем и, не выказывая ни малейших признаков агрессивности, дожидаемся гостей.

— Где-то я их видел, — морщит лоб Жирдяй, всматриваясь в смуглые фигуры воинов. — О! Вспомнил где! В Древнем Египте!

— И давно ты оттуда? — иронически щурится Дос.

— По-моему, мы как раз где-то поблизости, — замечает Череп. — Например, в районе Ливийской или Синайской пустыни…

— Тихо! — командует Падла.

Гладко выбритый человек в полосатом головном платке важно шагает впереди воинов. На груди у незнакомца на массивной золотой цепи, которой позавидовал бы любой новый русский, болтается круглый знак с профилем неизвестного божества.

— Хвала Амону, путники, — с легким высокомерием в голосе произносит египтянин.

— Хвала, — отзывается за всех Падла, который догадался, что это приветствие.

— При чем здесь ОМОН? — шепотом недоумевает Дос. — И за что, интересно, мы должны его хвалить?

Череп толкает рецидивиста локтем в бок. Незнакомец пристально рассматривает нас:

— Люди Техену не появлялись здесь?

— Не-а, — качает головой бородач. Если бы еще знать, что это за Техену такое.

— Я — Синухет, слуга Царя Верхнего и Нижнего Египта, — с гордостью объявляет египтянин. — А вы кто такие?

Небольшая заминка. Пока все размышляют, что бы такое соврать дотошному Синухету, Дос выпаливает:

— Мы здесь с дружеским визитом. По приглашению Тутанхамона.

Брови слуги царя изумленно лезут вверх:

— Кто такой Тутанхамон?

Надо же, какой необразованный попался древний египтянин!

Мы переглядываемся.

— А вы, часом, не подлые азиаты? — с угрожающей интонацией вопрошает Синухет, слегка приподнимая руку. По этому знаку воины из его свиты немедленно натягивают тетивы луков, готовясь без промедления нашпиговать нашу подозрительную компанию десятком-другим стрел.

— Да нет, что вы! — торопливо успокаивает его Падла. — Ну какие мы азиаты! Мы тут все, как один, коренные египтяне.

— В таком случае дай ответ: каково тронное имя его величества Аменемхета, Царя Верхнего и Нижнего Египта, да продлит Амон его дни?

Опять переэкзаменовка. Что называется, из огня да в полымя! Едва-едва унесли ноги от Филологии, как тут же вляпались в Историю!

Что ж, наверное, не слишком это приятно, когда в тебя в упор всаживают стрелы… Ничего, в жизни все надо попробовать.

— Сехотепибре, чья божественная плоть соединилась с тем, кто ее сотворил! — почти выкрикивает Череп в тот момент, когда Синухет уже готов отдать команду лучникам. Ух ты, наш громила продолжает меня удивлять!

Слуга царя бледнеет:

— Как ты осмелился!.. Владыка Египта — жив, да продлит Амон его дни!

— Увы, Небо похитило его, — разводит руками Череп. — А мы посланы, чтобы предупредить тебя, достопочтенный. Старший сын царя, Сенусерт, уже возвращается в столицу.

— О боги! — стонет египтянин, обессиленно опускаясь на камень.

— Да не расстраивайтесь вы так, уважаемый, — успокаивает его Падла. — Сделают мумию из вашего любимого фараона. И все как-нибудь наладится.

— Да из меня из самого сделают мумию! — хныкает Синухет. — Опять в столице начнутся крутые разборки. Конечно

же, Ментухетеп забил «стрелку» Сенусерту. Да-а, теперь уж придется ответить за «базар»… Думаете, он забыл все его «наезды»? Гераклеопольская братва шутить не любит.

— А если еще и «люберецкие» пожалуют… — сочувственно качает головой Дос.

— Кто такие «люберецкие»? — вздрагивает египтянин. — Это из Восточной Дельты?

— Ну да… Приблизительно оттуда.

— А Сенусерт-то наш, конкретный кидалово, — стонет Синухет, обхватив голову руками. — Сдаст он меня им, клянусь Амоном сдаст!

— Знаете что, уважаемый, — задумчиво вздыхает Череп. — Я бы на вашем месте дернул бы отсюда на Восток, скажем, куда-нибудь в страну Ретену…

— А почему бы не сразу на Камчатку? — тихонько бормочет Дос и, перехватив свирепый взгляд Падлы, торопливо отворачивается, пряча ухмылку.

К счастью, египтянин не обращает внимания на его слова. Лицо Синухета светлеет:

— В Ретену, конечно, в Ретену! Заныкаться в какую-нибудь тамошнюю дыру, пока не уляжется заваруха! Это мысль!

Слуга царя вскакивает и быстро начинает отдавать распоряжения.

Караванщики торопливо наполняют бурдюки водой. Один, вместе с ослом в придачу, оставляют в наше распоряжение. И скоро, несмотря на кислые физиономии солдат, караван покидает оазис.

На прощание Синухет машет рукой:

— Да хранит вас Амон, в натуре!

Жирдяй, стоявший в сторонке во время всей беседы, вдруг вопит со слезой в голосе:

— Береги себя, братан! — и лезет обниматься к египтянину. Слегка потрясенному Синухету едва удается его от себя оторвать.

Слуга царя поспешно догоняет караван. И когда вместе с последним воином древнеегипетский вельможа скрывается за скалой, я замечаю:

— Ну и лексикон у него, однако…

— Я же говорил — незаконченный уровень, — кивает Падла. — Вот программисты и упражняются кто во что горазд. Посетителей-то сюда все равно не пускают…

— А может, стоило пойти вместе с караваном? Надо же отсюда как-то выбираться.

— Да ну, — морщится Дос. — Мы и так еле сбагрили этого Синухета… Уж больно он любит вопросы задавать…

— Кстати, — оборачиваюсь к Черепу. — Откуда такая богатая эрудиция?

— Никакой эрудиции, — пожимает плечами громила. — Пока вы тут пудрили ему мозги, вышел из *глубины* и полистал занятную книжонку. «История Древнего Египта» называется.

— Вот чего я в толк не возьму, — удивляется Дос. — Почему он про Тутанхамона не врубился?

— Да потому что жил почти на семьсот лет раньше, — улыбается Череп.

Таки не зря Министерство образования рекомендовало «Лабиринт». Образовательный уровень нашей банды растет прямо на глазах!

— Ребята, — вдруг вмешивается Жирдяй. — Может, нам не стоит продолжать привал? Или, выражаясь конкретнее, давайте отсюда рвать когти, пока не поздно!

— Что это с ним? — удивляется Падла.

Вместо ответа толстяк извлекает из-под полотняной рубахи… золотую цепь Синухета! Когда ж он, гад, успел!

Бородач хмурится:

— Жирдяйчик, ты позоришь славное имя хакера. Наш друг Леонид подумает, что хакеры — это которые тырят кошельки по трамваям!

— Не надо высоких слов, — отмахивается толстяк. — С этим знаком нам проще будет продолжать путешествие по Египту. Главное, оказаться далеко отсюда, когда Синухет хватится побрякушки.

— Действительно, — хихикает Дос. — Еще заподозрит нас в чем-нибудь нехорошем. А мы ведь — ни сном и ни духом. Жирдяйчик, признайся, где ты приобрел такую квалификацию — на одесском Привозе или на харьковском Благбазе?

— Это было совсем нетрудно, — пожимает плечами толстяк. — Золото — мягкий металл. Я приметил, что одно из звеньев слегка разошлось, ну и… Небольшая ловкость рук… Смотрите, щас я это звено аккуратно подогну на место… Ой!

Все остальные удивлены не меньше Жирдяя. Золотая ладунка с изображением божества вдруг начинает светиться зеленоватым сиянием, постепенно сияние охватывает всю цепь. Толстяк испуганно роняет ее на землю. И на клочке почвы, опоясанном упавшей цепью, начинает клубиться то ли дым, то ли туман.

— Проход! — торжествующе выкрикивает Падла. — Ребята, это же проход!

Дос потрясение присвистывает и без слов хлопает Жирдяя по плечу. Тот разводит руками, мол, сам не знаю как вышло.

Бородач аккуратно расправляет цепь на земле.

— Скорее, — нервничает толстяк. — Пока я вас уговаривал, Синухет наверняка спохватился.

— Прыгай! — указывает Падла на туманную проплешину.

— Что опять я первый? — недовольно бурчит Жирдяй.

— Не тяни! Сам говорил — нет времени!

Толстяк больше не спорит, шагает на кусок земли, опоясанный цепью, проваливается по пояс в белесую дымку… и застревает!

Дос хихикает, но сейчас явно не до смеха: откуда-то из-за дальней скалистой гряды доносится цветистая брань. Похоже, Синухет собирается устроить нам разборки по-древнеегипетски!

— Выдохни! — шипит Падла на Жирдяя.

— Я и так все время выдыхаю и вдыхаю! — злится толстяк.

— Я тебе говорю, выдохни и не вдыхай!

Из-за гряды показывается десятка два вооруженных луками египтян. И не тратя лишних слов, выпускают в нас два десятка стрел. Вовремя падаем на землю. Парочка стрел вонзается в ствол пальмы совсем рядом с моей головой.

Пока лучники приближаются осторожными перебежками, чтобы занять более выгодную позицию для обстрела, совместными усилиями нам кое-как все-таки удается протолкнуть Жирдяя. Следом уходит в дымку Череп, потом Дос. Когда наступает моя очередь, из-за ближайшей скалы выглядывает смуглая голова в бронзовом шлеме. Я запускаю в нее камнем и голова исчезает. Сейчас подберутся остальные и…

— Лезь! — командует Падла.

— После тебя! Я — дайвер! Я умею ловить стрелы!

— Некогда! — морщится бородач и толкает меня в белесый туман. Руки теряют опору, проваливаюсь вниз головой в мутную пустоту…

Когда пелена рассеивается, я падаю на траву. Сочную, зеленую траву. Слава богу, с пустыней покончено!

Спустя несколько секунд рядом вываливается из ничего Падла. Из ушанки у него торчат две стрелы. Но сам бородач, похоже, цел и невредим.

— Сувенирчики, — подмигивает Падла, снимая ушанку с обритой головы и выдергивая стрелы.

— Слава богу, наконец-то мы снова в тихом и приятном месте, — бормочет Жирдяй, лениво развалившись на травке. — Вот только русалок мне очень и очень не хватает…

— Да ну, — кривится Дос. — А не хочешь ли кое-что взамен русалок! — и он указывает куда-то рукой.

Я поворачиваю голову… Надо же, как нам повезло! Тихое и спокойное место… Вдоль пологого склона впадины, на дне

которой мы сейчас находимся, выстраивается целая армия. Древнеримская, насколько я могу судить по доспехам.

Жирдяй подскакивает:

— Делаем ноги!

— Куда? — спрашивает Дос, кивая на противоположный склон впадины. Действительно, особо торопиться не стоит, потому что здесь тоже выстраивается в боевые порядки войско. Не знаю чье, но во всяком случае, их ничуть не меньше, чем римлян.

Итак, веселенький расклад. Две изготовившиеся к сражению армии — и посредине мы. Так сказать, пикничок посреди столбовой дороги Истории…

Единственный свободный путь — вдоль фронтов враждебных сторон. Это не меньше километра топать под прицелом и у тех, и других. Даже если успеем до начала битвы, у меня смутное подозрение, что и тем и другим не слишком понравится, что какие-то ротозеи разгуливают перед боевыми порядками. Значит, придется бегать наперегонки со стрелами… Мне-то что, я — дайвер, а вот остальным…

Падла хмурится, нервно поправляя очки:

— Видимо, придется идти сдаваться. Они вот-вот двинут легкую пехоту и тогда выбраться из мясорубки будет намного труднее.

— К тем… или к этим?

— Лучше к римлянам. Про них я хоть что-то знаю, — бормочет Череп.

— Пошли, — не тратя времени, командует бородач. Встаем и, стараясь не делать резких движений, под пристальными взглядами римских лучников приближаемся к первым шеренгам боевого построения легионов.

— Стоять! — свирепо ревет какой-то коренастый центурион. — Вы что, латинского языка не понимаете?! Я сказал, стоять, придурки! Или мои ребята сделают из вас гусей на вертеле!

— Да стоим, стоим, — цедит сквозь зубы Жирдяй. — Надо же, оказывается, в Древнем Риме тоже были прапорщики…

— Вы кто такие?

— Простые римские крестьяне, — бесхитростно улыбается Падла. — Волею богов, застигнутые в районе боевых действий.

— И чем же вы занимались в такое время? — с подозрением таращится на нас центурион.

— Чем, чем… — шепчет бородач. — Откуда я знаю чем? — Он с надеждой оглядывается на Черепа. Но тот безмолвен.

— Стеклотару собирали, — выпаливает Дос. Уж лучше бы он молчал!

Римлянин хмурится и рука его выразительно постукивает по рукоятке висящего на перевязи меча.

— А сдается мне, что вы — пунические лазутчики!

Падла ненатурально смеется:

— Ну что вы… Как можно. Вы не проводите нас к начальству?

— Сперва, если вы действительно римские граждане, отвечайте: через сколько лет после освобождения Рима доблестный Камилл разбил при Аниене подлые галльские банды?

Опять старая шарманка! И какие они тут все недоверчивые. В конце концов, что странного, если измученные гнетом рабовладельцев крестьяне решили немного поискать стеклотары… в чистом поле.

Все наши взгляды устремлены на Черепа. Он как раз делает странные движения руками, будто листает книгу. Похоже, вышел из *глубины* и пытается найти ответ в учебниках. Только это у него не очень получается.

— Нет здесь никакой Аниены! — тихонько шепчет он Падле.;

Пауза явно затягивается. Центурион лениво почесывает подбородок и берется за рукоять гладиуса. В какой-то книжке я читал, что сталь у римлян была не очень и, скажем, против приличных средневековых панцирей римские мечи были бы просто бесполезны. Хотя, конечно, рубить безоружного можно даже таким дрянным мечом из дрянной стали…

Эх, доспехи рыцаря сейчас бы нам пригодились. И чего я до сих пор не завел их в своем виртуальном гардеробе? Вернусь, обязательно заведу. А пока не отказался бы и от рессоры трактора «Беларусь»… Что делать-то?

— А вы не подскажете, какой сейчас год до нашей эры? — вдруг выпаливает Череп.

Обалдевший центурион хлопает глазами.

Громила пожимает плечами: дескать, дальнейшие разговоры все равно бесполезны. Пока римлянин не вышел из ступора, мы торопливо спускаемся вниз по склону.

Проблему мы не решили — так, слегка оттянули развязку. На пару минут. Или даже меньше.

— Бар-ра! — раскатисто проносится боевой клич над римскими легионами. С враждебной стороны тоже что-то кричат. Будто две волны начинают двигаться навстречу друг другу. Легкая пехота идет в атаку.

Падаем на землю. Летят стрелы. Пока только над головами.

— Справа приближается отряд, сударь, — мрачно бормочет Жирдяй.

— Сколько человек, сударь? — хмуро отзывается Дос.

— Тысяч пять. И слева тоже не меньше…

— А сколько у нас шпаг? — вопрошает Дос.

— Ноль. И мушкетов — тоже ноль. И даже ни одного пулемета системы «Максим».

— Это хорошо, сударь, — вздыхает Дос. — Значит, умрем героями.

Падла поправляет очки. Выглядит он не особо подавленным. Скорее — озабоченным. Значит, в запасе что-то есть, что-то должно быть. Чего он тянет? Самое время пускать в ход это секретное оружие. Самое время. Иначе будет поздно.

Стрелы свистят все ближе.

Глубина-глубина, отдохни без меня…

Картинка неплохо прорисована. Стрелы — как настоящие. Почти. Настоящую я бы вряд ли поймал. И даже пробовать не стал бы. А эти… Раз. Два. И три.

Пока что успеваю. Пока что в нас в общем-то особо и не целятся… Вс-с, вс-с, вс-с — просвистело рядом — надо же и звук совсем натуральный! Эти мимо. Одну — ловко отбил ногой. Хоп, хоп, хоп! Пару штук, вытанцовывая над товарищами, я поймал. Последняя — намертво пригвоздила штанину Доса к земле. В одиночку уже не справляюсь.

Череп подключился — и вовремя. Перехватил стрелу, готовую вонзиться в мое плечо. Чертов дип-склероз, раньше я бы и сам все это проделал одной левой! О, кажется, ситуация осложнилась. Тот мордатый центурион что-то закричал, указывая своим лучникам в нашу сторону.

Интересно, надолго нас хватит? Эх, мне бы сейчас хотя бы десятую долю прежних способностей! Я бы им устроил гибель Помпеи!

Проклятие, новая неприятность! С противоположной стороны тоже начали метить в нашу группу. С кем они, гады, воюют — с римлянами или с нами?! Что-то прокричали. Кажется, спрашивают: сколько веков назад был основан Кар-Хадашт. Ну а если человек слыхом не слыхивал про этот ихний Кар-Хадашт — так что убивать его за это?!

Похоже, комедия близится к концу. Какой смысл пытаться отбивать и ловить стрелы, если сейчас по сотне лучников с каждой стороны возьмут нас на прицел?

— *Вика, deep…* — было бы нечестно бросать товарищей в такую минуту.

— Спартак все равно чемпион, рабовладельцы проклятые! — орет Дос. Кажется, он уже созрел для того, чтобы встать во весь рост и рвануть рубаху на груди.

Финита…

Оглушительный грохот, вспышка света сзади. Оборачиваюсь.

Шагах в пяти от нас — нечто совершенно несуразное и начисто выпадающее из эпохи античности. Туалетная кабинка, поперек дверцы которой масляной краской неряшливо выведено: «Не работает!» В следующую секунду дверца распахивается и наружу выглядывает сияющий Маньяк:

— Карета подана, господа!

Едва начавшееся сражение захлебывается и замирает. И римляне, и их враги стоят как вкопанные и таращатся на неслыханное явление. Возникшее в громе и молнии сооружение — не иначе, как колесница богов! Воспользовавшись этой заминкой, вскакиваем с травы и во всю прыть мчимся в сторону гостеприимно открытой кабинки.

Втискиваемся внутрь. Падла нещадно утрамбовывает нас до состояния килек в томате и, наконец, входит последним.

И уже в тот самый момент, когда дверца готова закрыться за ним, знакомый центурион орет что-то воинственное и угрожающе машет мечом… Надо же, какое неуважительное отношение к посланцам самого Юпитера. Наверное, он — атеист.

Десятка три лучников повинуются зловредному римскому «прапорщику» и целая туча стрел с омерзительным свистом мчится в нашу сторону…

Только и Падла не робкого десятка. Перед тем как захлопнуть дверь, бородач напоследок скручивает здоровенный кукиш и в двух словах высказывает свое мнение о центурионе в частности и о римской цивилизации в целом. За считанные мгновения он успевает обогатить античность сразу несколькими свежими понятиями.

Долей секунды спустя стрелы барабанят по уже закрытой дверце, а Маньяк, стоящий на «толчке», дергает за цепочку. Хлипкая на вид кабинка выдерживает обстрел, вода с шумом проносится из бачка вниз — и прощай Древний Рим!

— Скажу не кривя душой, — весело щурится Падла. — Шурик, сегодня ты вовремя!

— Я всегда вовремя! — горделиво ухмыляется Маньяк.

— Куда сейчас? — спрашиваю я.

— Как это куда? Ты разве забыл — нас приглашали в гости!

Кабинка начинает трястись мелкой дрожью словно в лихорадке. Что-то громыхает по стенкам. Но Шурка невозмутимо спокоен. Нас начинает раскачивать и довольно сильно, словно на палубе утлого катерка в шторм. Продолжается это минут пять, не меньше.

— Ребята, я, конечно, извиняюсь, но, по-моему, у меня сейчас начнется морская болезнь, — шепчет бледнеющий до нежно-розового оттенка Жирдяй.

— Не вздумай! — показывает ему кулак Маньяк.

К счастью, болтанка почти стихает, но сероватая мгла над нашими головами по-прежнему не проясняется. Сколько еще торчать в этой пропахшей хлоркой кабинке? Шурка снова перегнул с реализмом. Это у него просто какая-то профессиональная болезнь — перетаскивать в *глубину* предметы целиком, во всей их неприглядной правдоподобности.

Чего стоило обложить стены кабинки, скажем, нежно-розовым, приятным кафелем? А сантехнические аксессуары сделать безупречно отполированными, сверкающими никелем и фаянсом? Ведь это было бы намного проще, чем старательно прорисовать ржавчину на сливном бачке, трещины в унитазе, да еще и не забыть добавить процарапанные рукой какого-то восторженного юноши нецензурные надписи и рисунки на стенках и дверце! И именно благодаря всему этому чертовому реализму, услужливое подсознание шибает в нос испарениями хлорки и еще кое-чем, а не, скажем, приятным фиалковым ароматом.

— Приехали! — торжественно объявляет Шурка.

Ну наконец. Я поднимаю голову — и впрямь над нами осеннее золото листвы, а не мутная пустота.

Падла распахивает дверцу, и мы радостно вываливаемся наружу посреди пронизанного солнцем сентябрьского леса. Особенно радостен Жирдяй. Физиономия его из бледно-розовой снова становится привычного помидорно-красного оттенка.

Разгребая ногами опавшие листья, бродим вокруг кабинки, наслаждаясь безмятежностью окружающего мира. Наконец-то никто не лезет с дурацкими вопросами и не пытается огнем и мечом привить нам вкус к самообразованию.

Неужели это и есть тот самый зловещий десятый уровень, где обосновался коварный Дима Дибенко? Даже не верится.

— Шурка, как же тебе это удалось?

— А что вы думаете, я просто так с вами прохлаждался? Да я же прощупал их вдоль и поперек! Я даже кусок этого Змея Горыныча на анализ взял!

— Ух ты! Большой кусок?

— Ну если, точнее, не самого Змея… а так сказать, продукт его виртуальной жизнедеятельности. Килограммов на двадцать. С их стороны большая неосторожность, разбрасывать *это* где ни попадя… Конечно, сначала я слегка расстроился, когда по колено провалился, но потом понял, как мне повезло!

— Да уж, — кивает Дос, на всякий случай глядя под ноги.

Череп вдруг настороженно замирает и делает нам знак не шуметь. Прислушивается. И замечает:

— А ведь это не лес. Скорее парк. Парк посреди большого города.

И впрямь откуда-то издалека доносятся неясные звуки, совершенно посторонние для девственной природы. Вроде бы автомобильные гудки… музыка.

— Я схожу на разведку, — вызывается Жирдяй, которому, наверное, неловко за недавнюю слабость.

— Погоди, я с тобой, — догоняет его Дос.

Толстяк и рецидивист скрываются за кустами. Ждем. В течение минут десяти ничего не происходит. Падла начинает обсуждать с Маньяком особенности работы «Клозета-2000». Череп откровенно скучает. Я сажусь, прислонившись спиной к стволу дуба.

Отчаянный вопль подбрасывает меня на ноги. Маньяк и Падла с окаменевшими лицами замерли у кабинки. Они тоже узнали голос Жирдяя.

Секунду спустя сквозь заросли боярышника напрямик проламывается толстяк, следом — Дос. Гремят выстрелы. Совсем рядом с нами пули сбивают веточки, царапают стволы деревьев. Скоро показываются и преследователи. Более странной компании я в жизни не видывал!

Две симпатичные медсестры-близняшки с одинаково свирепым блеском в глазах и окровавленными скальпелями в руках. Два хлипких пенсионера с граблями наперевес — похожие друг на друга как две ксерокопии старой газеты. Два неряшливо одетых, упитанных молодых человека — оба небритые, оба с идентичными запойными физиономиями и пустыми пивными бутылками в руках. Ну и наконец, двое мальчишек с одинаковыми невинными лицами и здоровенными пистолетами в тонких детских ручках: ба-бах! Бах! Патронов им явно не жалко.

Жирдяй пригибается, петляет, как заяц, и орет на ходу:

— Да отвяжитесь, придурки! Никакой я не Посланец Переедания! Просто люблю поесть!

Дос катится по земле, сцепившись с каким-то полковником, выскочившим из-за кустов наперерез. Полковник хрипло ругается и обзывает краснокожего Доса «перекрасившимся москалем». Воспользовавшись тем, что все внимание преследователей сосредоточено на толстяке, бросаюсь рецидивисту на выручку.

В этот момент один из запойных близнецов метает пустую бутылку в Жирдяя и промахивается. В результате бутылка оказывается у меня под рукой, и я немедленно использую против полковника тот самый прием, который Штирлиц когда-то с блеском применил против Холтова. У меня это получается не столь блестяще, или же головы украинских полковников намного

крепче, чем у хлипких гестаповцев… Все же вдвоем с Досом нам кое-как удается одолеть противника.

Тем временем Жирдяй прячется в кабинку, а Падла, Маньяк и Череп грудью встают на его защиту. У воинственных близняшек, похоже, кончились патроны.

— Отдайте нам Посланника! — доносится злой детский голосок.

— Какого еще посланника? — удивляется Падла.

— С дороги! — свирепо цедит хрупкая медсестра, поигрывая скальпелем. Вторая пытается обойти бородача справа. Старички угрожающе надвигаются, явно собираясь «причесать» Маньяка и Черепа граблями. И только запойные молодые люди лениво стоят в сторонке, прислонясь плечами к дереву и поплевывая себе под ноги.

— Я понял! — вдруг шепчет Дос, с безмятежно счастливым выражением на уголовной физиономии. Чему это он, интересно, радуется? Ситуация-то аховая.

— Эй вы! — орет рецидивист. — В мире существуют намного более страшные вещи, чем Переедание!

Пенсионеры опускают грабли и оборачиваются. Оглядывается и одна из медсестер. И только упорные мальчишки не спускают глаз с кабинки. Надо же, какие целеустремленные стервецы!

— Ты пытаешься заговаривать нам зубы? — хищно усмехается медсестра, слегка подравнивая маникюр скальпелем. Поднимает пристальные глаза на Доса и мягко добавляет: — Зря ты за него заступаешься. Переедание — это плохо. Это очень плохо. Но мы не желаем ему зла. Мы всем желаем только добра. Мы просто сделаем ему ма-а-аленькую, — показывает она тонкими пальчиками, — и совсем безобидную операцию. Лоботомию.

Несмотря на сентябрьскую прохладу, меня почему-то прошибает пот. А краснорожему рецидивисту хоть бы что. Дос широко улыбается и спокойно так говорит:

— Ты, куколка, наверное, не понимаешь, с кем имеешь дело… *Я — Посланник Полового Воздержания!*

Тут уж вся банда близнецов поворачивается в его сторону и в глазах у них — нескрываемый ужас. Даже у мальчишек и старичков. А уж запойные молодые люди — те вообще приобретают сероватый оттенок.

— Хва… тайте его, — синхронно роняя скальпели из дрожащих рук, шепчут медсестры, ставшие одного цвета со своими халатами.

Хватайте! Как же! Дос не из тех, кому понравилась бы лоботомия. Рецидивиста уже и след простыл, и вся банда

близнецов, позабыв про Жирдяя, мчится в погоню.

Я бросаюсь было за ними — надо же Доса выручать! Но кто-то крепко ловит меня за рукав. Оглядываюсь — Череп. Смотрит с каким-то странным просительным выражением:

— Леонид! Не надо…

— Он прав, — кивает Падла. — Дос справится. Он еще и не из таких переделок выбирался. А нам необходимо срочно менять дислокацию. Пока Дибенко не стянул сюда основные силы.

Жирдяй выглядывает из кабинки:

— Они убрались?

— А ты как, уже успел в штаны наложить? — криво усмехаюсь.

Толстяк хмурится и отводит взгляд.

— Ладно тебе, — машет мне рукой Маньяк. — Не доставай человека. Подумаешь, нервы не выдержали. С кем не бывает.

— Нервы надо лечить, — замечаю я. — Лоботомией…

— Посмотрел бы я на тебя, на моем месте, — морщится Жирдяй. — Хорошо тебе болтать. Ты ведь дайвер! Ты в любую секунду можешь удрать! А нам… после того, что случилось с Падлой и Маньяком… Мы ведь, может, и жизнью рискуем!

Я вдруг замечаю кровь на рукаве толстяка — медсестра успела-таки разок его полоснуть. Череп отрывает кусок рубахи и перевязывает ему рану. А я вздыхаю и отворачиваюсь. Жирдяй прав. Я действительно дайвер. Дайвер с дип-склерозом… Вовремя удрать — это, пожалуй, единственное, что у меня еще иногда получается…

Бородач бесцеремонно заталкивает всех в кабинку. Дверца захлопывается, и Шурка, наш отважный пилот, дергает за цепочку слива, словно заправский машинист паровоза за рукоятку гудка. С шумом и свистом вода проносится в несуществующую канализацию… Падла распахивает дверцу — и нет больше осеннего леса.

Низкое, затянутое тучами небо. Бурное море, катящее раз за разом темные валы на скалистый берег. Ледяной, пронизывающий до костей ветер.

Дрожа от холода, выбираемся из кабинки.

Падла смеется, глядя на меня и Жирдяя:

— Что, в пустыне было приятнее?

Интересно, почему ему не холодно? Он ведь вообще в одних трусах, словно фанатичный последователь Порфирия Иванова.

— Никаких признаков Дибенко, — вздыхает Маньяк, ежась на ветру. — Честно говоря, немного странно, что он до сих пор не засек «Клозет-2000».

— Не накаркай. Кабинка нам еще пригодится, — замечает

Падла. — Идем на разведку. Череп и Жирдяй — вдоль берега на… не знаю, что это, но пускай будет север, мы с Леонидом — вон там попробуем пройти. Шурик остается сторожить наш «лимузин».

— Но… — пытается возразить Маньяк.

— И никаких «но», — по-командирски сурово отрезает бородач.

Обхватив плечи руками, ковыляю вслед за Падлой. Однако не успеваем отойти и на двадцать шагов, как душераздирающий вопль Шурки заставляет нас обернуться и броситься на выручку.

— Стой, гад, стой! — отчаянно орет Маньяк, пытаясь настигнуть незнакомца, с обезьяньей ловкостью карабкающегося на практически отвесный утес. Куда там! Взобраться следом Шурке явно не под силу. Да и нам тоже.

— Что случилось? — встревоженно вопрошаем в один голос.

На бедного Маньяка жалко смотреть.

— Цепочку от сливного бачка упер! Гад! — объясняет он, едва не плача.

— Ну и подумаешь, — утешает его Падла. — Обычная вещь…

Шурка кривится раздраженно:

— Без цепочки — *оно* не работает! Понимаешь?! Это необходимый элемент!

Мы запрокидываем головы и смотрим вверх, туда, где на плоской макушке утеса сидит, свесив ноги, наглый незнакомец.

— Придурок! Верни цепочку! — орет Маньяк. — Верни, я все прощу!

— Я не придурок! Я — Ильмар-вор! — горделиво заявляет похититель сантехники.

— А, тогда понятно, — кивает подоспевший Жирдяй. — Тогда нам еще повезло, что он не упер и бачок в придачу!

— Может, договоримся? — спрашивает Падла, рассматривая человека на утесе. — На кой хрен тебе сдалась эта ржавая железка?

Ильмар-вор ухмыляется:

— Можем и договориться. Цепочка — в обмен на Слово!

— Какое еще слово?

— Известно какое, самое главное!

— …! — орет, запрокинув голову, Маньяк.

— Это и есть Слово? — с искренним удивлением смотрит вниз Ильмар.

— Это самое мягкое слово, какое я смог для тебя подобрать! — свирепо машет кулаком Шурик.

— Нет, пожалуй, я передумал, — вздыхает вор, вешая цепочку на шею, на манер ожерелья. — Я оставлю ее себе. С таким

прикидом меня на «ура» примут в лучших домах Парижа и Рима!

Из низких облаков выныривает планер. Оттуда бросают конец веревки и в следующую секунду Ильмар-вор, вцепившись в веревку, уносится в туманную даль с нашей цепочкой на шее. На прощание он посылает воздушный поцелуй:

— Спасибо за Слово! Обязательно испробую его в Версале!

— Ничего не скажешь, изящно сработано, — вздыхает Падла, провожая планер взглядом. — Выбора не остается. Идем пешком.

В слегка удрученном настроении карабкаемся к проходу между скалами. Оказавшись наверху, оцениваем обстановку. По ту сторону каменной прибрежной гряды начинается дремучий лес, которому во все стороны не видно конца и края. Впрочем, разглядеть получше мешает туманная дымка, скрывающая от нас горизонт.

После недолгих колебаний спускаемся вниз, в лесную чащу. Хорошо уже то, что здесь заметно теплее и нет пронизывающего ветра. Плохо, что нет ни малейшего намека на дорогу или какие-нибудь ориентиры.

Минут пять молча топаем, продираясь через заросли молодого ельника, наконец у Жирдяя не выдерживают нервы и он хрипло орет:

— Дима! Дибенко! Ау-у!

Падла хмыкает, но не пытается препятствовать.

— Дима! Друг! Покажись! — не унимается толстяк.

Кто-то сзади кладет руку на мое плечо… Я вздрагиваю и резко оборачиваюсь. Тьфу-ты! Конечно, это не Дибенко. Череп указывает куда-то в сторону:

— Дорога!

Радостно проламываемся в этом направлении.

Дорога — это, пожалуй, сильно сказано. Скорее — тропа. И все же это лучше, чем ничего.

Ободренные, мы ускоренным маршем движемся вперед, пока не упираемся в здоровенный камень, поставленный в том месте, где тропа разделяется на три ответвления. Падла смахивает зеленоватый мох с поверхности камня и вслух читает проступившую надпись:

— *«Налево пойдешь — вечный покой найдешь, направо пойдешь — совесть потеряешь, прямо пойдешь — тоже плохо кончишь».*

Бородач в задумчивости сдвигает ушанку на лоб, почесывает бритый затылок:

— Какое, однако, богатство выбора.

— Типичный сказочный алгоритм, — констатирует Маньяк. — Чем дальше, тем страшнее…

— Знаете, — вздыхает Жирдяй, — мне кажется, стоит

повернуть направо…

Шурка хихикает и замечает, что кое-кто не боится потерять то, чего отродясь не имел. Толстяк хмурится и советует отправить Маньяка на разведку левой тропинкой.

Падла пожимает плечами. В конце концов приходим к компромиссу и идем прямо. Метров через двести обнаруживаем рядом с тропинкой прикрепленный к сосновому стволу, чуть выгоревший на солнце плакат

«ВЕРНОЙ ДОРОГОЙ ИДЕТЕ, ТОВАРИЩИ!».

Хрипло выругавшись, Жирдяй пытается сорвать фанерный стенд. При этом раздается странный треск, сыплются искры, а самого толстяка колотит дрожь. В конце концов он падает на землю с оторванным плакатом, намертво зажатым в скрюченных пальцах.

— Жирдяйчик, ты как? — озабоченно склоняется над ним Падла.

— Нормально… — выдавливает из себя толстяк и свирепо таращится на фанерный стенд. Дело в том, что под оторванным плакатом оказывается второй:

«СОБЛЮДАЙТЕ ПРАВИЛА ЭЛЕКТРОБЕЗОПАСНОСТИ!»

Раздосадованный Жирдяй швыряет в надпись камнем, промахивается и, ни на кого не оглядываясь, уходит по тропинке далеко вперед. Маньяк нагоняет его, пытаясь дружески ободрить, однако во всех Шуркиных увещеваниях содержится опасно большая доля иронии. В результате толстяк кратко, но выразительно дает понять Маньяку, какое безрадостное и мрачное будущее ждет того, если он немедленно не отвяжется.

Тут уж, в свою очередь, обижается Шурик. Он заявляет, что не желает иметь ничего общего с этим «жирным обормотом». Разворачивается и шагает назад, очевидно, собираясь вернуться к развилке дорог.

Наше боевое содружество оказывается под угрозой раскола.

В конце концов, напомнив о цели похода и вовсю напирая на благородные душевные качества обоих хакеров, Падле удается помирить эту парочку. Маньяк берет назад «жирного обормота», толстяк — «ушастого ламера», и, мрачно насупившись, они пожимают друг другу руки.

Вероятно, все эти приключения не прошли даром для их нервов. Впрочем, неизвестно еще как бы я сам реагировал, если бы не знал, что в любой момент могу пропеть свой спасительный стишок…

Жирдяй плетется рядом с Падлой и уныло бормочет:

— Знаете, ребята… А может, зря это все?

Бородач хлопает его по плечу:

— Не раскисать! Хакеры не отступают!

— Ага, — кисло улыбается Маньяк. — Они просто драпают при первом же «шухере»!

Следующие несколько минут проходят без приключений. Потом тропинка вдруг превращается в дорогу, лес — в лесопосадку, и Падла отчаянно орет:

— Воздух!!!

Повинуясь безотчетному инстинкту, падаем в придорожную канаву. Здоровенные серебристые диски проносятся так низко, что обдают нас горячим ветром и поднимают пыль на дороге. А уже через пару секунд, срезав, точно бритвой, верхушки сосен, они скрываются в облаках.

— Типичные летающие тарелки, — бормочет Падла, отряхиваясь.

— Совершенно неоригинально, — кивает Маньяк и вдруг обнаруживает рядом в канаве чей-то сожженный до состояния головешки труп. Он встревоженно оглядывается, но подозрения оказываются беспочвенными — Жирдяй целехонький и невредимый уже стоит рядом. Как мне кажется, во взгляде Шурика мелькает легкое разочарование.

— Очевидно, нам туда! — машет рукой бородач.

В просторной долине раскинулся большой город. Обычный город, причем не какой-то абстрактно интернациональный, а, судя по архитектуре, типично российский, если, конечно, не считать странных голубоватых вспышек там и тут, дыма пожарищ и кое-где зависших над домами летающих тарелок.

— Похоже, мы успели вовремя! Как раз к очередному вторжению инопланетных монстров! — замечает Жирдяй.

Бодро шагаем вперед. Нам ли, старым заслуженным дум ерам, бояться каких-то занюханных монстров. Это не диктанты писать. Наконец-то чувствуем себя в родной стихии! Сейчас разживемся оружием и откроем сезон охоты!

— Спасайтесь! — Бледный как мел гражданин в запыленном дорогом костюме выскакивает из-за угла дома и стремительно проносится мимо. В последний момент Падле едва удается поймать его за полу пиджака:

— Я, извиняюсь, мы сами не местные…

Мужчина трясется в истерике и добиться подробностей не получается. Идем дальше. Улицы пустынны. По мере приближения к центру города растет масштаб разрушений, только носят они почему-то странно выборочный характер. Тут и там валяются искореженные куски рекламных стендов, дымятся сожженные иномарки, асфальт засыпан осколками разбитых витрин. Но чуть в сторонке от пылающих «мерседесов» — вполне

невредимый «Запорожец». А рядом с разгромленным зданием когда-то роскошного супермаркета «Shop № 1» — целехонькая булочная. В общем-то не пострадали и жилые дома. Несколько раз я замечал в окнах отдельных боязливо-любопытных граждан. Правда, они тут же торопились скрыться за плотно задернутыми шторами.

Начинают попадаться обгорелые тела. Хотя трупов намного меньше, чем можно было бы ожидать. Практически все покойники — крепкие мужчины в синей или пятнистой униформе или в том, что от нее осталось. Рядом валяется оружие, к сожалению, разбитое или оплавленное до неузнаваемости. Пару раз встречаются дохлые бультерьеры и ротвейлеры.

Поскольку улицы покрыты битым стеклом, по предложению Жирдяя разуваем несколько сравнительно хорошо сохранившихся трупов и, обувшись в высокие омоновские ботинки, чувствуем себя намного комфортнее. Пройдя еще пару кварталов, в почерневшем от копоти бронетранспортере наконец-то обнаруживаем вполне исправные пулемет, базуку, несколько автоматов. Приятная тяжесть оружия в руках добавляет нам уверенности.

Снова навстречу выскакивает толпа перепуганных гражданских субъектов:

— Они идут! Идут! Спасайтесь!

Еще чего! Пускай сами инопланетные твари спасаются. Дайверы вступают в игру! Я оглядываюсь на Черепа — лицо его хладнокровно спокойно. Сейчас мы с ним на пару покажем класс!

Пробираемся через развалины дома. Судя по изувеченной вывеске и полуобгорелым меховым манто, раньше здесь был дорогой французский бутик «Коко Шанель». Зато теперь это удобная огневая позиция. Перед нами — просторная площадь. По ту сторону — большое двухэтажное здание ресторана «Макдоналдс».

Какие-то коричневые приземистые монстры громят ресторан, вышибают стекла, вышвыривают мебель. То и дело мелькают вспышки бластеров, порывы ветра доносят запах горелой пластмассы. Будто хлопок огромных ладоней — небольшой взрыв. Крышу здания раскалывает и традиционная здоровенная буква «М» бесформенным искореженным куском падает на асфальт. На втором этаже «Макдоналдса» взметаются в небо длинные языки пламени.

Тем временем высокое зеленое чудище отдает приказ коричневым лопоухим уродам, и вот уже целый отряд их, покинув уничтоженный ресторан, уверенно шагает через скверик в сторону павильончика «Пицца-Хат». Похоже, пиццерию ждет та же

судьба. Впрочем, сначала им придется немного пообщаться с нами…

Вражеский отряд все ближе… Затаив дыхание, замираем с оружием в руках. Разрушенная стена дома идеально скрывает нас от противника. Еще немного и сейчас они будут перед нами как на ладони, прямо посреди площади. Падла сурово оглядывается и шепчет:

— Только по моей команде!

По пути монстры слегка задерживаются — лишь для того, чтобы пальнуть из бластеров по рекламному стенду «Мальборо». Похоже, чудища испытывают особую неприязнь к рекламе. Ну же, ну… Мой палец нетерпеливо дрожит на спусковом крючке.

Они снова движутся в сторону пиццерии. Странная походка вразвалочку, не слишком торопятся — наверное, нисколько не сомневаются в своем превосходстве.

Все ближе и ближе… Уже можно получше разглядеть монстров. Ну и уроды! Здоровенные уши, торчащие по бокам головы, плоские морды, короткие округлые туловища… Мама дорогая! Да ведь это же!.. Это же!..

Я потрясенно поворачиваю голову. Глаза Падлы округлились, он тоже разглядел. Немилосердно треплет бороду, но команды не отдает. Маньяк даже привстал от изумления. Жирдяй приоткрыл рот. Череп тихонько смеется. Надеюсь, это не истерика…

В этот момент короткая очередь раскалывает воздух. И Шурка испуганно смотрит на автомат в собственных руках. Он ведь не хотел… Само получилось, непроизвольно сжался занемевший на курке палец. А спуск оказался неожиданно мягким. Плохо иметь дело с незнакомым оружием…

Вражеский отряд останавливается. Они не бросаются врассыпную и не стреляют, они просто смотрят в нашу сторону. Двадцать пар внимательных карих глаз. Двадцать Чебурашек с бластерами наперевес.

Шурка все еще торчит над стеной с автоматом. Пытается что-то сказать, но язык у него заплетается от волнения. А Чебурашки смотрят на оружие в его руках и поднимают короткие стволы бластеров…

— Нет! — тонкий крик разносится над площадью. Девчушка лет семи выскакивает откуда-то и, умоляюще вскинув ладони, встает между нами и вражеским отрядом:

— Нет! Не надо!

Этого только не хватало. Сейчас от нее один пепел останется.

Падла отчаянно машет рукой:

— Беги, беги, дурочка! — На плече у него уже взведенная в боевое состояние базука. Наши противники стоят достаточно

плотно, может быть, и одного выстрела хватит… Вот только и девчонку заденет осколками.

А она упрямо остается на месте. И Чебурашки почему-то не стреляют.

Высокая зеленая фигура приближается со стороны пылающего «Макдоналдса». Я уже знаю, кто это…

Он заметно постарел. Как-то потускнел весь от головы до самого кончика хвоста. Старый пиджачок поизносился… Но все та же гармонь у него под мышкой и та же спокойная мудрость в глазах.

— В чем дело? — с детства знакомый, почти родной голос.

— Да вот, опять эти нехорошие дяди с оружием, — поясняет один из Чебурашек, должно быть, командир.

Крокодил Гена пристально смотрит на нас, садится на клумбу и вдруг разворачивает потертую гармонь.

Голос у него усталый и немного печальный и такой же хриплый, как и у старой гармони:

Пусть ползут неуклюже
«бэтээры» по лужам,
И бензин — по асфальту рекой…

— Нет-нет! Совсем не так! — протестующе машет рукой девочка, присаживаясь рядом.

— А ты знаешь как? — мягко улыбается крокодил и гладит ее зеленоватой лапой по голове. Она кивает. Гена снова наигрывает мелодию.

— Пусть бегут неуклюже пешеходы по лужам!

— чисто и звонко разносится над площадью. Чебурашки опускают бластеры, весело переглядываются. Некоторые начинают тихонько подпевать…

Длинная пулеметная очередь обрывает песню. Крупнокалиберные пули взламывают асфальт, рвут, разбрасывают маленькие коричневые тела. Оказывается, у Чебурашек тоже красная кровь… Крокодил падает на землю, увлекая за собой девочку и прикрывая ее неуклюжим длинным телом.

Выкативший из переулка бронетранспортер продолжает поливать свинцом площадь. Пока взрыв не опрокидывает его набок. Я оборачиваюсь. Падла перезаряжает базуку. Несколько пуль крошат кирпич совсем рядом с его плечом. Еще взрыв. Бронетранспортер пылает.

Мы перепрыгиваем через остатки стены, Череп помогает подняться крокодилу — тот ранен. Девочка — невредима. Вместе с уцелевшими чебурашками переносим в укрытие их товарищей.

— Спасибо, — слабо говорит крокодил, поднимая голову. Взгляд его отстранение спокойный. Даже слишком спокойный. Несмотря на перевязку, сделанную Черепом, он успел потерять много крови. Девочка всхлипывает, прижавшись к его потрепанному пиджаку.

— Что здесь происходит? — спрашивает Падла.

— Пытаемся очистить город, — чуть улыбается крокодил.

— А что, нельзя было обойтись без стрельбы?

— Мы пробовали, пробовали… — разводит лапками чебурашка-командир. — Только ничего не получилось.

— Там! — подняв заплаканное лицо, машет рукой девчушка. — За три квартала отсюда! Они решили строить бензоколонку на месте детской площадки.

— Что ж тут поделаешь, — пожимает плечами Жирдяй. — Примета времени. На детях не заработаешь столько, сколько на бензине…

— Вот взрослые и не смогли ничего сделать! — продолжает девочка. — И тогда мы позвали Гену.

— Я должен был помочь, — вздыхает крокодил. — Я совершенно не переношу детских слез.

— Мы пришли к тем нехорошим дядям и попытались уговорить их, — кивает Чебурашка. — Только они нас не послушались… Пообещали сделать из Гены чемодан. А из меня — коврик для ног.

Пушистая мультзвезда обиженно шмыгает носом.

— Они первые начали стрелять, — поясняет крокодил. — У нас просто не оставалось другого выхода.

— И тогда мы с Геной решили очистить город. Мы позвали других Чебурашек, — говорит лопоухий герой и печально вздыхает. — Только мы совсем не умеем воевать.

— Ну, я бы так не сказал… — неуверенно замечает Падла.

— У вас это получается намного лучше, — улыбается крокодил. — Поможете нам?

— Мы бы с удовольствием… — вздыхает бородач.

— С огромным удовольствием! — весело встревает Жирдяй.

Падла морщится и заканчивает фразу:

— …Только у нас совсем нет времени. Разве что на обратном пути. А вам надо в больницу. Мы сможем перенести вас…

— Зачем? — едва улыбается Гена. — Разве не помните?

Он тянется к гармошке. Пробитые пулями меха шипят и хрипят, но мелодия все же различима. Вот только петь у

крокодила не хватает сил. Он виновато улыбается:

— Помогите…

И неожиданно Маньяк подхватывает мелодию дрожащим, слегка неуверенным голосом:

Прилетит вдруг волшебник
в голубом вертолете
И бесплатно покажет кино!

— С днем рожденья поздравит и, наверно, оставит…

— старательно подпевают Падла с Жирдя-ем. Я просто не узнаю нашего циничного толстяка!

— Мне в подарок пятьсот эскимо!

— подтягиваем и мы с Черепом.

— Смотрите! — вдруг кричит громила, запрокинув голову. Голубовато светящийся диск быстро снижается над развалинами. Крокодил подмигивает нам.

Диафрагмой раскрывается отверстие в нижней части диска и вниз выглядывает… отнюдь не добрый волшебник. Всего-навсего зловредная старуха Шапокляк:

— Ну че старый хрыч? Опять расписали тебя к едрене фене?

— Не ругайся! — укоризненно бормочет Гена. — Здесь дети!

Старуха бурчит что-то недовольно, скрывается внутри. В следующий момент неведомая сила приподнимает крокодила, раненых и мертвых чебурашек над землей, плавно увлекает в отверстие на диске.

— До свидания! — улыбается Гена на прощание. Девочка подпрыгивает и машет рукой.

Диафрагма сдвигается. Тарелка взмывает в небо.

— Да уж, — вздыхает Жирдяй. — Это вам не «Лабиринт Смерти»… Ну, пойдем, что ли…

Девчушка, которая все еще стоит рядом, лукаво щурится:

— А я знаю куда вам надо! — слезы ее уже высохли.

— Да ну? — недоверчиво рассматривает ее Падла.

— Вы ищете одного человека.

— Это точно, — радостно кивает Маньяк.

— Я проведу вас к нему!

— Почему бы и нет, — соглашается Падла. — Только одну мелочь, напоследок…

Он вскидывает базуку и вдребезги разносит павильончик «Пицца-Хат». Не дожидаясь особого приглашения, Жирдяй из своего пулемета крошит в щепки здоровенный рекламный стенд «Джонсон и Джонсон». А мы вместе с Маньяком длинными очередями поливаем витрину магазина «Бош». Немецкий магазин замечательно пылает, наверное, горючего материала там предостаточно.

Покидаем площадь с чувством исполненного долга. В городе то там, то здесь продолжается перестрелка. Должно быть, защитники «Макдоналдсов» неплохо вооружены и намерены, не считаясь с жертвами, сохранить в городе пиццерии, боулинги, паркинги и прочие замечательные достижения цивилизации.

По дороге мы пополняем боеприпасы, уничтожаем еще пару бэтээров и один танк, а также превращаем в развалины *«Магазин элитной сантехники — УНИТАЗ-ХОЛЛ».* Честное слово, давно у меня не было так легко на душе!

До окраины города нас провожает сводный отряд Чебурашек и коротышек под командованием Буратино. В качестве замполита у него подвизался Незнайка. По любому поводу они скандалят и коротышка обзывает Буратино «поленом», а тот, в свою очередь, честит замполита не иначе как «недомерком». Незнайка говорит, что лично Шпунтик утвердил его на эту должность, а Буратино категорически заявляет, что не признает никакого начальства, кроме папы Карло. В общем, с единоначалием у них плоховато, хотя и сражаются все геройски.

— Эх, порядок бы тут у них навести! — вздыхает Падла. Взгляд его мечтательно сверкает. Пожалуй, и вправду бородач вполне смог бы сойти здесь за Наполеона… по сравнению с папой Карлой, конечно.

Вот и край города. Впереди снова показался лес. Похоже, именно туда направляется наша малолетняя проводница.

— Далеко еще?

— Не-а, не очень.

Чебурашки и коротышки машут нам на прощание лапками и руками, а Буратино отдает честь, приложив ладонь к полосатому холщовому колпаку.

— Мы еще вернемся! — кричит Жирдяй и салютует в воздух длинной очередью. Патроны бы поберег, балбес…

Грунтовая дорога снова ныряет в лесную чащу. А метров через пятьсот мы сворачиваем на едва заметную тропинку. Похоже, посетители у Дибенко бывают не слишком часто. А может, они пользуются другой дорогой? Хотя, что гадать, *глубина* — мир магии и волшебства. И чтобы морочить нам голову, у нашего «друга» в запасе — сотни способов.

Минут пять спустя мы вдруг обнаруживаем, что идем не по лесу, а по огромному фруктовому саду. Яблоки, груши и апельсины с мандаринами растут здесь вперемежку. С удовольствием на ходу подкрепляемся фруктами. А чуть позже обнаруживаем и хлебное дерево, причем не одноименное экзотическое порождение тропиков, а самое что ни на есть натуральное дерево из мультфильма про двоечника Перестукина. Жирдяй немедленно карабкается наверх и швыряет вниз десяток булочек с корицей и десяток пирожков. Пробуем. Вполне даже съедобно.

— У меня с повидлом, — выговаривает с полным ртом Маньяк.

— А у меня с земляникой, — замечает Череп, откусывая пирожок.

— У кого с земляникой? — озабоченно вопрошает спрыгнувший вниз Жирдяй. — Дайте попробовать!

— Ну хватит, — машет рукой Падла, уплетая уже третью булочку. — Мы сюда не жрать пришли. Далеко еще, девочка?

Только нашей проводницы и след простыл.

Бородач немедленно пресекает пиршество. С оружием на изготовку пробираемся вперед. И всего в нескольких десятках метров сад заканчивается.

Перед нами просторный, заросший земляникой луг. За лугом — озеро с кристально чистой водой и стаей лебедей, неторопливо проплывающих по ровной глади. По ту сторону озера — сосновый лес и вдали заснеженные вершины гор. Только все эти живописные подробности на заднем плане нас мало волнуют. Потому что на этом берегу, в беседке посреди рощи, сидит человек. Тот самый.

Он с аппетитом обедает, потом, должно быть, почувствовав наши пристальные взгляды, поднимает глаза от тарелки, ехидно улыбается и приветственно машет рукой.

— Здравствуй, Дима! — радостно вопит Падла, нажимая гашетку базуки. Не испытывая ни малейших сомнений, мы почти синхронно давим на спусковые крючки. Думаю, местное оружие ему сильно не повредит, но, может, хотя бы мелкие неприятности доставит?

Легкий хлопок и здоровенный нежно-розовый мыльный пузырь вылетает из ствола базуки. Пуф-пуф-пуф! Целые гирлянды разноцветных пузырей более мелкого калибра кружатся над нашими головами. Жирдяй в сердцах швыряет на землю пулемет.

— Очень мило, — кивает Дибенко. — Что будет следующим номером — стишок или песенка?

Падла зловеще ухмыляется и вдруг срывает с головы ушанку.

— О-о! — радостно аплодирует Дима. — Я люблю фокусы! Попробую угадать: сейчас достанете оттуда кролика?

Не говоря ни слова, бородач швыряет шапку вверх. Она взлетает выше деревьев и вдруг зависает в воздухе прямо над беседкой Дибенко.

— Занятно, — щурится враг хакерского рода, встает и выглядывает из беседки. В этот самый момент прямо из ушанки в него бьет ослепительная молния. Вот оно, секретное оружие Падлы! То самое, которое он мудро берег для этой последней и решительной схватки!

Дибенко неподвижно цепенеет в той позе, в которой его застала молния. Вероятно, супервирус Падлы взял под свой контроль его компьютер. Если все пройдет успешно, мы получим доступ ко всей информации на дибенковском «винте». А значит, поймем, что же угрожает *глубине*.

Бородач, с видом рыбака, подцепившего даже не щуку, а по крайней мере матерую двухметровую барракуду, приближается к беседке. В глазах у него одновременно и радость, и опаска. Должно быть, ему самому не верится, что все прошло так гладко.

Падла осторожно тянет руку к фигуре Дибенко. Сейчас попытается подключиться к его каналу. А я вдруг замечаю, что зрачки Дибенко едва заметно двигаются. Показалось? Нет — и палец на левой руке! Да ведь он притворяется!

— Падла, назад! — ору что было мочи. Бородач отскакивает, и в этот самый миг фигура Дибенко вспыхивает откуда-то изнутри красноватым пламенем.

— Дай я тебя обниму, дорогой друг! — хохочет Дима и тянется, тянется, пытаясь поймать Падлу испепеляюще жгучими ладонями. Бородач отступает, спотыкается и, падая на спину, вскидывает руку в сторону парящей в воздухе ушанки. Снова с оглушительным грохотом молния бьет в Дибенко. На целый метр дымится вокруг него земля. Но он только весело смеется:

— Говорят, легкая ионизация полезна для здоровья!

— А как насчет легкой заморозки? — кричит Маньяк, и белое сияние охватывает кончики Шуркиных пальцев. Уже через миг морозное облако срывается с его ладоней, окутывая Дибенко плотной пеленой ледяных кристалликов. Молодец Шурик! Через свой «Клозет» таки протащил в «Лабиринт» убойную программку!

Белым инеем покрывается земляника на лугу, темнеет, безжизненно никнет листва на ближайшей березе. На целых две секунды кажется, что теперь уж с Дибенко покончено. Только развеивается морозное облако, лопается ледяная скорлупа, и снова перед нами его ехидная, осточертелая физиономия:

— Здорово! Это вроде контрастного душа! Обожаю

закаливание!

Падла, уже успевший подскочить с земли, хватается за очки, моргает — и прямо из круглых стеклышек с ревом вылетают огненные шары. Оглушительные взрывы. Стена пламени на время скрывает от нас корчащуюся, опрокинутую навзничь фигуру Дибенко. Потом доносится его хриплый голос:

— Да будет тьма!

И в ту же секунду чернильно-густая темнота гасит краски и звуки. Только крохотные светляки бесшумно пролетают рядом — это продолжает работать мощное оружие Падлы.

— Да будет свет! — яростно орет Маньяк. И тьма покорно тает, мир вновь возвращается во всей полноте. Правда, это далеко не тот мир, что был вначале: дымится выгоревший луг, весь изрытый, будто артиллерийскими воронками; почернелые разбросанные головешки — все что осталось от рощи и беседки, в грязно-мутной кипящей воде озерца вверх лапами плавают обмасленные лебеди, а в сосновом бору на противоположном берегу бушует пожар. Плотные клубы дыма все гуще застилают бездонно-синее небо.

— Славно погуляли, — замечает Жирдяй.

Падла снимает и с жалостью рассматривает свои оплавленные очки. Бесценная его ушанка валяется рядом почти неузнаваемым черным комком. Из всего снаряжения у него остались нетронутыми только черные трусы по колено.

— Ничего не скажешь. Это было круто, — вдруг доносится откуда-то из-под земли противный голос. А через секунду из воронки выбирается на свет божий Дима Дибенко. Закопченный, в обгорелых лохмотьях вместо одежды, но, несмотря ни на что, все еще полный энергии и сарказма.

Падла выбрасывает очки и с сомнением щупает резинку трусов. Неужели и там у него — оружие? Представляю, что щас будет! Зрелище не для слабонервных!

Но уже в последний момент бородач вдруг останавливается. Он раздраженно косится куда-то в сторону. Я поворачиваю голову и обнаруживаю девчушку, нашу проводницу. Надо же, для своего возвращения она выбрала самое неподходящее время!

— Девочка, иди погуляй куда-нибудь! — бормочет Падла. — У нас тут мужской разговор!

Но упрямый ребенок торчит на месте, потрясенно озирая дикую картину разрушений. Да, хакерские схватки — не для неустойчивой детской психики. Маньяк подходит, смущенно покашливая, и мягко берет ее за руку:

— Пойдем, милая, вон там растут замечательные пирожки!

В следующую секунду происходит необъяснимое. Несколько

молниеносных движений, легких, почти неуловимых касаний и Шурка корчится на земле, намертво прижатый тонкой ножкой в оранжевом сандалике. Изловчившись, Маньяк пытается подняться, но маленький детский кулачок в один удар вновь укладывает его на горелую траву.

— Это была она… — потрясенно бормочет Маньяк, уже не пытаясь освободиться. — В «Pampers and Snikers» — это была она!

Падла, неуверенно улыбаясь, осторожно подступает к девочке. Ближе, ближе… Чересчур близко. Вроде бы совсем безобидное мелькание розового кулачка, и массивный бородач валится рядом с Шуркой.

— У-уй, — стонет Падла, потирая челюсть. — Я узнаю эту руку!

Холод пробегает у нас по спинам. Выходит, Дибенко, или кто бы там он ни был — не более чем разменная фигура? А настоящий противник еще только начинает игру! Тогда когда и Маньяк, и Падла практически израсходовали боеприпасы!

— Ну что ты, милая, — вкрадчиво начинает Жирдяй, — будь хорошей девочкой…

Взгляд ребенка не обещает ему ничего хорошего, и, отбросив вежливость, толстяк свирепо бормочет:

— Получай, стерва!

Жирдяй выплевывает что-то. В первую секунду, мне кажется — обыкновенную вишневую косточку. Темная точка повисает в воздухе, и вдруг ни с того ни с сего начинается настоящий ураган. И в центре этого урагана, куда с ревом и свистом всасывается воздух, щепки и горелые листья, оказывается именно та штучка, которую я принял вначале за вишневую косточку. Падая ничком и вцепившись пальцами в почернелые остатки травы, осознаю, насколько поспешил с выводами. Скорее уж, Жирдяй сварганил портативную черную дыру. И по-моему, он здорово погорячился!

Пытаюсь ползти в сторону сада и чувствую, что ноги начинают отрываться от земли. Кто-то протягивает мне руку. Череп! Он успел зацепиться за яблоню. Хватаю его ладонь и оказываюсь подвешенным в воздухе. Подтягиваюсь, мертвой хваткой обнимаю толстую ветку. При этом неодолимая сила срывает с меня не зашнурованные омоновские ботинки. Оглядываюсь и успеваю заметить, как ботинки скрываются в чудовищной воронке вслед за Жирдяем. Вода из озера, камни, куски земли, не говоря уже о яблоках и апельсинах, — все это бешено вращается и бесследно исчезает в черной ненасытной утробе. Пространство вокруг искажается и сад встает вертикальной вздыбленной стеной, из которой то и дело

вырываются, уносятся в ничто целые деревья…

Чувствую, и наша яблоня продержится недолго. Комья земли бьют меня по лицу, с хрустом выламываются наружу корни… Жирдяй, Жирдяй, что ж ты наделал!

Ураган нарастает, сквозь него едва разбираю крик Черепа. Треск! Конец нашему дереву! Падаем в жадно гудящую дыру. Вот и все!

Глубина-глубина!.. Не успеваю договорить свой стишок, как вдруг раздается чей-то громовой голос, начисто перекрывающий оглушительный рев урагана:

— Ну хватит, пожалуй!

В следующую секунду я оказываюсь на земле. Рядом на зеленой (зеленой!) травке лежат и сидят, недоуменно хлопая глазами, остальные члены нашей лихой команды — не хватает только Доса. Все остальное — сад, роща, беседка и даже озеро с проплывающими лебедями — приняло первоначальный благостный вид. Дима Дибенко снова сидит в беседке и обедает, как ни в чем не бывало. А перед нами, скрестив руки на груди, стоит, облаченный в просторное кимоно… На всякий случай я протираю глаза. Круглое лицо, аккуратные усы, хитроватый монгольский прищур… Нет, не может быть! Писатель!

Последнее слово я невольно выкрикиваю вслух. Он смотрит в мою сторону и с усмешкой приглаживает короткий ежик черных волос:

— Да, писатель. Хотя я лично предпочитаю называться литератором. А вот вы кто?

— Как это кто? — недоумевающе бормочет Падла. — Мы… мы честные хакеры.

— А ведете себя как заурядные хулиганы, — укоризненно замечает Писатель-Литератор. — Обижаете ребенка.

Он нежно гладит по голове доставившую нам столько неприятностей девчушку, и это прелестное создание тычет в нашу сторону тонким пальчиком:

— Они — плохие дяди! Они тут все спалили, уничтожили и загадили!

— Подумаешь, слегка намусорили, — пожимает плечами Жирдяй. — Обычные издержки виртуального поединка. А вот вам следовало бы получше воспитывать ребенка. Никакого уважения к старшим.

— И за что же вас уважать? — иронично щурится Писатель.

— Как это за что!!! — аж подпрыгивает Жирдяй. — Да мы, можно сказать — душа *глубины!*

- Да? А вот *она сама* так не считает… — и Литератор кивает на… девчушку!

Немая сцена длится не меньше минуты. Окончательно утратив логические ориентиры, мы сверлим офонаревшими взглядами юное создание. Потом наконец Падла выдавливает:

— Это как понимать?

— Да вот так и понимать, что уважать вас особенно не за что… — Писатель присаживается на травку, скрестив ноги, и задумчиво смотрит в небо. — Думаете, *она* не видит, во что вы превратили благородные идеалы хакерства?

— Ну, знаете ли… — бормочет Падла. Литератор вздыхает и, полузакрыв глаза, нараспев декламирует:

Долго грустил и сидел я, понурясь,
под сакурой милой,
Долго я спрашивал с гор проносившийся ветер:
«Разница в чем меж людьми и жильцами
свинарников тесных?»
Выпив три литра саке, понял:
разницы нет никакой.

— Весьма поучительно, — замечает Падла.

— И главное, самокритично, — негромко хихикает Маньяк.

— Тамагочи Накусика, выдающийся поэт седьмого века, — холодно объясняет Писатель. — И глядя на вас, понимаешь, что с седьмого века мало что изменилось.

Он сурово хмурится:

— Ради чего вы живете? Ради того, чтобы жрать, пить и хвастаться друг перед другом? — Литератор чуть презрительно улыбается. — И главное, было бы чем хвастаться — тем что умыкнули тыщенку-другую поганых зеленых баксов…

— А вы знаете, как они достаются, эти проклятые баксы? — с театральным надрывом в голосе начинает Жирдяй. — Сколько тяжелого труда, сколько пота…

— Сколько выпитого пива! — с ухмылкой добавляет Писатель, щелкает пальцами, и из ничего возникает доверху полная кружка. Он делает большой глоток. Жирдяй следит за ним жадным взглядом и облизывает губы.

— А гостям предложить, слабо? — укоризненно морщится толстяк.

— Прости, Жирдяйчик, — спохватывается Литератор. — Я не хотел тебя обидеть. Ты единственный из этой банды эгоистов, кто не утратил до конца высших нравственных ориентиров!

Мы обалдело переглядываемся: нам не послышалось? Это он про Жирдяя, насчет «нравственных ориентиров»? Должно быть, наш Писатель перегрелся на виртуальном солнце!

Толстяк смотрит куда-то в сторону и смущенно покашливает.

Писатель снова щелкает пальцами. Из ничего немедленно возникает стол, заставленный хрустальными кружками с пивом. А через миг Жирдяя подбрасывает в воздух и возникшее следом из пустоты удобное кресло подхватывает и доставляет его прямо к столу. В следующем кресле аналогичным манером размещается Писатель.

Мы встаем с травы и, слегка потоптавшись в нерешительности за спиной Жирдяя, хватаем кружки с пивом, которых, по счастью, куда больше, чем присутствующих персон.

— Я вас не приглашал, — сухо замечает Литератор.

— А нам по барабану, — замечает Маньяк. — Мы давно морально разложились и утратили нравственные ценности.

Шурка с удовольствием делает большой глоток. Остальным тоже особого приглашения не надо.

— Может, все-таки объясните, — говорит Падла, сдувая пену. — Какое отношение имеет *она* ко всей этой истории?

Девчушка показывает нам язык и прячется за широкой спиной Писателя, который как раз сотворил для нее бутылку лимонада.

— Как это какое? — улыбается Литератор. — Самое непосредственное! Когда я придумывал *глубину,* я с самого начала догадывался, что такая сложная система будет обладать собственным разумом. Правда, пока *она* ребенок: сами понимаете, семь лет — не возраст, даже для обычного человека.

— Погодите, а при чем здесь Дибенко? — спохватывается Жирдяй с интонацией человека, выигравшего в лотерею пятьдесят копеек.

— Практически ни при чем! — качает головой Писатель. — *Она* сама уже достаточно понимает, чтобы делать кой-какие выводы. *Она* давно наблюдает за вами и видит, на что вы бездумно растрачиваете свои таланты! Естественно, по-своему захотела направить вас на путь истинный… Надеюсь, это не было слишком болезненно?

— Да нет, не очень, — хмуро кривится Падла и показывает девчушке здоровенный кулак. — Только, по-моему, вы тоже допустили кой-какие пробелы в воспитании…

— Ну, я, конечно, не святой, — пожимает плечами Литератор. — Но не только я один *ее* воспитывал. *Она* ведь понятливый ребенок, все схватывает на лету… *Глубина* есть *глубина*… Если бы вы знали, каких трудов мне стоило слегка, так сказать, упорядочить *ее* прогулки… Ну вы сами понимаете, «Лабиринт Смерти» и прочие неприятные вещи…

— «Невинные Забавы», например, — хихикает Жирдяй.

— Ой, а где это? — радостно удивляется девчушка. — Я еще ни разу не была в этом месте!

Писатель пронзает толстяка испепеляющим взглядом и смущенно бормочет:

— Поверь, милая, там нет ничего интересного… Вот видите, она уже очень самостоятельная девочка. Пришлось срочно организовывать «Лабиринт Мудрости». Здесь не только весело, но и занимательно. И главное, никакого насилия…

— Ну да, — кивает Маньяк. — Во всяком случае, не больше, чем в ваших книгах…

Неловкая пауза. Литератор внимательно смотрит Шурке в глаза. Потом оглядывается на девчушку и грозит пальцем:

— Опять ты что-то поменяла без спросу!

Ребенок возводит невинный взгляд к небу:

— Ну я же совсем чуть-чуть… Самую малость.

Писатель тяжело вздыхает:

— Вот видите. Просто не успеваешь за всем уследить!

Жирдяй нетерпеливо постукивает пустой кружкой по столу:

— Прошу прощения, конечно. Может, я что не понимаю… Но все же, какова роль Дибенко?

Снова услыхав свою фамилию, Дима приветственно машет рукой из беседки.

Писатель слегка раздраженно оглядывается:

— Дался вам этот Дибенко!

— Но ведь это не вы, а он придумал *глубину!* — не унимается толстяк.

— Да? А кто, по-вашему, придумал Дибенко? — хмурится Писатель и щелкает пальцами в сторону беседки: — Аминь! Рассыпься прахом!

Дима Дибенко пожимает плечами и покорно рассыпается…

Не веря своим глазам, Жирдяй и Маньяк мчатся к беседке и щупают прах. А дотошный толстяк еще на всякий случай заглядывает и в дибенковскую тарелку — словно коварный Дима и там мог спрятаться.

— Кстати, чем это он обедал? — с подозрением вопрошает вечно гастрономически озабоченный Жирдяй.

— Фугу в мундире, — беззаботно отмахивается Литератор. — Можете попробовать.

— Нет уж, спасибо. — Толстяк опасливо ставит тарелку на место. — Не люблю рыбу…

А Маньяк отряхивается от дибенковского праха и обвиняюще тыкает пальцем в сторону Писателя:

— Значит, это вы стояли за всеми его пакостями!

— Ну, это не самое удачное мое творение, — уклончиво

замечает Писатель. — У него особая роль…

— Да уж, портить нервы всем честным хакерам, — вздыхает Падла.

— Не стоит преувеличивать, — улыбается Литератор. — Во всяком случае, благодаря ему, я уверен, что вы по-прежнему не утратили формы… Вы все — отличная команда!

— Погодите! — вдруг спохватывается Жирдяй. — А вам не кажется, что здесь кого-то не хватает?

Действительно! Дос! Как мы могли забыть!

— О, извините! Сейчас все исправим, — небрежно взмахивает рукой Писатель. И в ту же секунду, откуда-то сверху, почти на наши головы сваливается самоотверженный рецидивист. Он — мокрый с головы до ног, в разодранной перепачканной одежде, на плече — свежая кровоточащая ссадина. Лежа на траве, снизу вверх Дос окидывает нас полубезумным взглядом.

— Что с тобой, друг? — испуганно склоняется над ним Жирдяй и, оборачиваясь, торопливо орет с интонациями врача у постели умирающего: — Кто-нибудь, кружку пива сюда!

После двух глотков взгляд Доса приобретает некую осмысленность.

— Где ж тебя носило? — допытывается толстяк.

— Лучше не спрашивай, — слабо бормочет рецидивист. — Всякое повидал… Едва смылся от близнецов — нарвался на регрессоров. Настоящие садисты… Привязали к креслу и битый час читали стихи собственного сочинения. В конце концов сжалились и решили меня регрессировать до уровня шимпанзе. Сбежал… И сразу нарвался на Ночной Дозор. А потом и на Дневной. Сначала они спорили — относятся хакеры к Светлым или к Темным. Так и не договорились. В конце концов на совместном заседании постановили на всякий случай меня аннигилировать. Ну, чтоб никому обидно не было…

— Дос трагически вздыхает и вновь основательно прикладывается к кружке.

— Драпал так, что думал из виртуального костюма выскочу… Бросился в реку, плыву. Погони не слышно. Ну, думаю, ушел. А тут какой-то гад засел над обрывом и давай сверху из пулемета шмалять. Я ему: «Что ж ты делаешь, урод! Я ж утону, на хрен!» А этот псих: «Ничего, зато потом про тебя такие анекдоты сочинят!» В общем, вовремя вы меня вытащили…

— Не мы, а он. — Маньяк указывает на Писателя. — Специально для того, чтобы провести воспитательную беседу.

— Неправда, — качает тот головой. — Просто хотел проверить вас в деле. Ну и заодно… напомнить пару вечных истин. Например, о том, что в жизни не все сводится к тому —

заработал ты лишнюю тысячу баксов или нет. Что есть некие высшие ценности…

— Например? — небрежно спрашивает Шурка.

— Ну, например — два триллиона баксов.

Мы переглядываемся. Писатель улыбается:

— Приблизительно на такую сумму вывезено богатств из бедной России за последние десять лет. И большая часть этих денег лежит в американских, швейцарских, немецких банках. Очень хорошо лежит — по крайней мере так думают те, кто их туда положил. А *я*, например, думаю, что триллионы *эти лежат плохо.* — Он лукаво щурится, постукивая пальцем по хрустальной кружке. — И по-моему, даже *очень плохо.*

- На что это вы намекаете? — смеется Падла.

— На то, что, пока мы с вами пьем это прекрасное виртуальное пиво, огромное большинство соотечественников едва может наскрести на обычное «Жигулевское». — Лицо Писателя вдруг становится серьезным. — Да что там пиво…

Он машет рукой:

— Неужели вам надо объяснять такие вещи?

— Не надо, — уже без тени улыбки качает головой Падла. Да и всем остальным, включая Жирдяя, объяснения не нужны. Мы ведь живем не только в *глубине.* Хотя слишком часто пытаемся забыть об этом…

— Это сложно провернуть. Даже более чем сложно, — говорит Маньяк. — Разве что… если б все русские хакеры работали вместе… Да и многих из-за кордона пришлось бы подключить.

— А я и не говорил, что будет просто, — во внимательном взгляде Писателя чудится легкая ирония. — Вы — лучшие. И кто, если не вы, сможет объединить вокруг себя остальных… Подумайте сами, что стоит на кону!

Шурка вздыхает:

— Звучит здорово… Но, по-моему, это слишком. Даже для нас.

А Жирдяй легкомысленно замечает:

— Самое трудное будет — потратить два триллиона. Пивом-то мы земляков обеспечим…

— Ага, — хихикает Дос. — Цистерны по три на брата, включая покойников и младенцев.

— А вот куда деть остальное?

— Учредим Шнобелевскую премию. Самому наглому хакеру. И назовем ее «Золотой Жирдяй», — невозмутимо предлагает Маньяк.

— А вторую назовем «Пустозвон года». И вы все будете

первыми соискателями, — вставляет Падла.

— Ага, а ты членом жюри, — обижается Маньяк.

— На этот раз все слишком серьезно, — урезонивает их бородач и в задумчивости чешет затылок: — Это было бы главное дело в моей жизни… Если б вышло…

— Поверьте, вы не знаете до конца собственных сил! — качает головой Писатель и отхлебывает из кружки. — Да и потом не забывайте, сейчас сама *глубина* будет на вашей стороне! — Он оборачивается к девчушке: — Поможешь им?

— Угу, — кивает юное создание. — Только пускай они перестанут приставать к Диме…

— Перестанут, — подмигивает нам Литератор. — *Она* у нас действительно просто умница…

— Да, — кивает Жирдяй. — А если еще и чебурашек подключить… Америка бы содрогнулась.

— Ну уж, это было бы слишком сурово, — не соглашается Маньяк. — Я бы ограничился Змеем Горынычем.

Писатель смеется и откуда-то из пустоты достает тарелку с таранью. А у меня вдруг мелькает смутное подозрение. Не так он прост, этот наладчик человеческих душ. И «Лабиринт Мудрости» — совсем не такая уж безобидная программка…

— Шансы есть, — разминая здоровенную тарань, говорит Литератор с кажущейся беззаботностью. — И шансы более чем неплохие.

Крупная рыбная чешуя летит на дорогое самурайское кимоно.

— Плохо, что дайверы нынче уже не те, — вдруг напоминает Маньяк, и я торопливо отвожу глаза.

— Это верно. — Голос Писателя звучит жестко. — Только они ведь сами виноваты. Рано или поздно это должно было произойти. *Глубина* менялась. *Глубина* начинала что-то понимать… А они не изменились и ничего не поняли. Они по-прежнему жили только для себя…

Я чувствую его пристальный взгляд.

— Кому многое дано, Леонид, с того и спрос больше. Все зависит только от тебя. Если ты изменишься, способности вернутся. Конечно, не сегодня и не завтра…

— Спасибо за откровенность, — криво усмехаюсь и залпом допиваю свое пиво. Решено. С завтрашнего дня ударяюсь в полный альтруизм и начинаю собирать деньги в помощь каким-нибудь голодающим эфиопским хакерам…

В это мгновение в глазах Писателя что-то вспыхивает, словно он вдруг вспомнил необыкновенно забавную вещь:

— Кстати, по-моему, самое время сбросить маскарадные костюмы!

Он взмахивает рукой, и все мы оказывается в удобных креслах. А спустя секунду окружающий мир с хрупким звоном осыпается сотнями сверкающих осколков.

— Ну их на фиг, эти фальшивые зеркала! — весело щурится Писатель.

Я моргаю. Похоже, ничего не изменилось? Нет, я не прав. У Шурки начисто исчезли бицепсы терминатора. Правда, Падла остался неизменен с головы до пят, но вот зато на месте Жирдяя… Фу-ты, неужели это и есть его истинный облик? Тощий, чуть сутуловатый парень со смущенной улыбкой. Никаких признаков избыточного веса, никаких намеков на привычную хамоватость в физиономии… А Дос? Не верю глазам: на месте мокрушника-рецидивиста со стальным взглядом — пацан лет пятнадцати, не больше! И ловко же он водил нас за нос! Вот только странно, что все почему-то смотрят не на него, а куда-то совсем в другую сторону… Я поворачиваюсь: что же там такое, еще более невероятное, чем эта последняя метаморфоза? И от изумления у меня начисто перехватывает дух:

— Ви… Ви… Ви… ка?!

— Леня, у тебя что, не только дип-склероз, но и заикание? — насмешливо спрашивает Вика, откинувшись на спинку того самого кресла, где еще пару секунд назад с каменной рожей восседал громила Череп.

— Так это была ты?! Все это время?!

— А что ты хотел? Чтобы я отпустила тебя одного в *глубину* в таком состоянии?

Я сердито хмурюсь. Выставила меня в идиотском виде перед ребятами!

— Друзья мои, — ласково говорит Писатель, взглянув на циферблат часов. — По-моему, вам всем пора отдохнуть. Как-никак, столько времени в *глубине*…

- Погодите, мы ведь еще не обсудили детали, — спохватывается Падла.

— Не все сразу, — качает головой Литератор. — Силы вам еще понадобятся — завтра. И послезавтра. И целую вечность. — Он улыбается. — Поверьте, вечность вполне доступная и приятная штука.

В это мгновение в нем есть что-то от Будды.

— Только не забывайте о том, что *плохо лежит!*

А сейчас он чем-то неуловимо смахивает на Чингисхана.

Писатель кивает нам на прощание, а девчушка хлопает в ладоши и…

Радужный калейдоскоп перед глазами.

Я стащил шлем. На экране уже была привычная дип-заставка:

густая синь с фигуркой человека. Раньше мне казалось — он падает… Нет, все-таки летит.

Маньяк, сидевший рядом, широко зевнул и выключил ноутбук:

— А ведь уже темнеет…

И вправду за окном вечерело. На потускневшем небе загорались звезды.

Мы с Шуркой переглянулись и, не сговариваясь, отправились на кухню, сделать по глотку пива, хотя и не первосортного, но зато составляющего такой же неотъемлемый элемент реальности, как и вечерний город за окном. Мы молча пили, и с каждым холодным, горьковатым глотком расколотый мир обретал единство и гармонию. Сквозь призрачные дворцы Диптауна прорастали башни Кремля, и нарисованные бездонные ущелья вдруг просвечивали асфальтом московских улиц. Это было странное чувство. Наверное, такое же испытывают изгнанники, возвращаясь на Родину. Сколько же я был в изгнании? Года два, наверное. Как говорилось в старом фильме: это от милиции не убежишь, а от себя — запросто! Два года я был в бегах, и бедная Вика вполне могла бы оклеить город объявлениями: *«Пропал человек!»*

Что же изменилось сейчас? Мы прошли «Лабиринт». Прошли вместе, сквозь страх и боль к надежде… Правда, настоящую боль довелось испытать не мне, а Маньяку и Падле. Девчушка постаралась… Тьфу ты, что из нее будет, когда она вырастет? В *глубину* вообще не сунешься…

Только много ли может изменить один день, много ли стоит надежда? Нет, врешь Писатель, не простая это программка, далеко не простая, и девчушка твоя, виртуальное чудо семи лет от роду, только кажется наивной…

Я вздрогнул — распахнулась входная дверь. Знакомые шаги. Вика вернулась.

— Ну, мне пора, — вдруг заторопился Маньяк.

На прощание он вежливо поцеловал ей руку, а мне подмигнул загадочно:

— Только не слишком растрачивай силы, дайвер…

Дверь захлопнулась, и мы с Викой остались наедине. Разве что компьютер, третьим лишним, все еще тихонько гудел в углу встроенным вентилятором и любопытно таращился зрачком монитора. Я нажал кнопку, экран погас. Теперь мы действительно одни…

Обернувшись к Вике, я заглянул в ее глаза и вдруг понял, что все мое недавнее раздражение куда-то улетучилось. Господи, какой же я был болван! Занудный болван! Я передернул плечами

от отвращения к самому себе и вместо резких слов, каких-нибудь несколько минут назад готовых сорваться с языка, спросил со смущенной улыбкой:

— Старуха с запиской, это ведь тоже была ты?

Она кивнула, чуть насмешливо щурясь:

— Иногда ты удивительно предсказуем, Леня. Во всяком случае маршрут к ближайшему магазину у тебя не менялся года два…

— Просто я очень целеустремленный человек.

— Да уж, — сказала Вика, окидывая взглядом батарею пустых бутылок.

Я обнял ее:

— А тебе не было страшно, там в Лабиринте?

— Иногда, — вздохнула Вика, опуская глаза.

— Зачем же ты пошла, глупая? Ведь это могло быть опасно.

— А что поделаешь, если с тобой можно видеться только в *глубине*…

Я поцеловал ее в губы.

— Вика, Вика, ты — моя *глубина*…

Спустя три часа в полумраке спальни я прошептал:

— Знаешь что, милая… По-моему, мой дип-склероз проходит.

Она тихонько засмеялась.

Впереди была целая вечность.

Артем Прохоров
ОТРАЖЕНИЕ ФАЛЬШИВЫХ СЕРДЕЦ

Мы уже усвоили, что у каждой медали кроме лицевой стороны существует и оборотная. Но большинство забывает, что есть еще и ребро. Сколько я себя помню, у нас всегда идет война. Человечество слишком лакомый кусок, чтобы на него не позариться, и потому экспансия на Землю не прекращается никогда. И всякий раз этот кусок застревает у агрессора в глотке. Я знаю, в этом есть и моя заслуга. Сколько их уже было: камнеподобные монстры, фиолетовые лягушки, гуманоиды с вполне человеческим лицом, если не считать полного отсутствия глаз, они воспринимали электромагнитное излучение непосредственно кожей, полупрозрачные плазменные сфероиды, агрессивные, вооруженные с головы до кончика хвоста бурундуки… Наша задача — дать им отпор, и мы его даем. Иначе и быть не может.

Сколько я себя помню, я всегда был императором. Я всегда находился в этом полудворце-полубункере, всегда сидел на троне с хрустальными ступеньками, наблюдая за продвижениями войск, отдавая приказы и координируя направления ударов. Это моя работа, это моя жизнь и судьба. Я один из тех, кто стоит на страже человечества, последний круг обороны, последняя надежда. И каждый, от солдата и до генерала, знает: пока император с ними, Земля не падет, не согнется под натиском агрессора. Потому что император — это флаг, это святыня, это символ свободы и независимости, люди верят в своего императора. А вера — это такая сила, которую трудно сломить даже целой космической эскадрой. Но пытаются.

В этот раз все было плохо и даже хуже. Обзервы теснили нас по всему пространству от Денеба и до Волопаса, Парти давил из созвездия Весов, гигантские красные муравьеподобные Грабблы рвались прямо к Солнечной системе. Командир их флотилии как раз только что вышел на связь. Эллипсоидный экран показывал его во всей красе, трехметровое чудище с выпученными фасеточными глазами и огромными, выпирающими из стереоизображения челюстными жвалами.

— Если мы нападем на Парти сообща, мы сможем победить, — твердил я ему.

— Парти наш союзник! — категорически возражал муравей. — Мы не настолько вероломны, как человечки. Мы не предаем своих друзей.

— Но он так слаб сейчас. Силиконсы тоже ослаблены этим конфликтом. Мы должны объединить усилия! Вместе наши расы…

— Люди показали свою лживую натуру! — рявкает муравей с экрана. — Мы развеем в пыль саму память о вас!

Экран гаснет. Я охватываю лицо ладонями, что делать?

В это время происходит что-то из ряда вон выходящее. На потолке бункера появляется темное пятно, оно растет, ширится, по потолку бегут трещины. И вдруг он с грохотом проламывается, образуется рваная дыра, из которой на пол со звоном летят осколки битого стекла, бьют молнии, и через пару секунд вываливаются две полуразмытые тени. Одна из фигур держит в руках ярко пылающую, словно бы из живого фиолетового огня, плеть. Второй остается у него за спиной. Что это, вторжение из альтернативной реальности или просто игра моего уставшего от бесконечной ответственности за судьбу человечества воображения?

Но что бы это ни было, прежде всего Земля, прежде всего муравьиная флотилия, прежде всего связь с Денебом. Слезы наворачиваются на глаза. Неужели на этот раз все кончено?

— Денеб, — приказываю я. На экране возникает полковник Кристалинский. Я продолжаю: — Полковник, выводите эскадру на орбиту Сола!

Кристалинский понимает, чем это грозит:

— Но, император, наша планета беззащитна…

— Главное — сохранить родину человечества! — Мой голос тверд, но в душе я готов кричать от муки. На Денебе 3 миллиарда жителей. На Денебе заводы по производству тяжелых истребителей и перехватчиков. На Денебе моя жена с сыном.

Полковник кивает, на его лице отражается все то, что происходит у меня в душе:

— Приказ будет исполнен, император!

Иначе и быть не могло, война есть война. Император есть император. Земля превыше всего.

Одна из теней приближается ко мне. Она подносит руку к моему лицу и пытается закрыть мне ладонью глаза. Может, это сама смерть пришла за мной? Но почему тогда их двое? Второй пока остается в стороне. Ладонь пришельца полупрозрачна, сквозь нее я вижу полковника, ожидающего официального разрешения прервать связь, но его изображение становится размытым и нечетким. Он же, судя по всему, никого больше не видит, экран настроен только на меня. У Земли не может быть двух императоров.

— Помехи… связь ненадежна… — Я отстраняю незнакомца и

отключаю связь.

— Как выйти? — кричит он. — Выход!

Выхода нет. Я тоже понимаю это. Другого выхода нет. Только перебросить остатки сил от Денеба к Земле. Только бы они успели… Нужно вызвать кого-нибудь. Я жму на кнопку, с гулом открывается дверь, сейчас в нее должна вбежать охрана. Но никто не появляется. Где все? Неужели предали своего императора, бросили Землю на произвол судьбы? Крысы…

— Что с ним? — Вторая тень подходит ближе.

— Дип-психоз. — Первый оглядывается на дверь, вероятно, все-таки опасаясь стражи. Что такое дип-психоз? Кто эти существа? Что они хотят от меня? Где охрана? Что происходит?

— Мы уходим? — трусливо спрашивает второй. Сразу видно, что он всего лишь подчиненный, а тот, что стоял сейчас надо мной, вероятно, старший в этой странной команде. Но первый явно пришел за мной и, похоже, не собирается уходить.

— Вика! — кричит он и тут же продолжает: — Стандартный набор снаряжения!

Пауза. Я продолжаю смотреть на пришельца, который замирает на месте и остается недвижим минуты две или три. Затем он обворачивает плеть вокруг пояса, и та успокаивается, превращаясь из огненной змеи в обычный ремень.

— Что ты будешь делать? — Второй подходит еще ближе.

— Вытаскивать, — отвечает он и достает из левого кармана темные очки, из правого — металлическую коробочку, из коробочки — сверкающего изумрудного паука. Паук вырывается у него из пальцев, хочет укусить, пришелец сажает его на трон, и проклятое насекомое бросается на меня, как на запутавшуюся в паутине муху. Я не могу пошевелиться, не могу даже закричать, лишь вижу, как паук ныряет в левый рукав камзола и исчезает в моей одежде. Укусит или нет? Я пытаюсь встать, но не могу, силы внезапно покидают меня. Что-то вдруг словно приковывает меня к трону и мне остается только наблюдать за происходящим со стороны, как в дурном сне.

— Кто? — В зале раздается новый голос. Из дыры в потолке свешивается мерцающая белая нить, на ее конце — длинная скорчившаяся фигура. Ее контуры размыты, это даже не тень, а колышущееся облако, лишь чертами смахивающее на силуэт человека. Скорее всего он спрашивает обо мне.

— Не твое дело! — огрызается первый. Вероятно, он не хочет делиться добычей. Висящий тянется к моему мучителю, но тот резким движением останавливает его:

— Отвянь! Я — дайвер.

Но нового гостя это не пугает.

— Да хоть папа Карло, — отвечает он, и между ними завязывается невидимая борьба. Такое ощущение, что они хотят накинуть незримый аркан силового поля друг на друга, но ни у одного это не получается. Подчиненный пришельца обходит вокруг размытого и заходит ему за спину. Очевидно, хочет застать его врасплох.

— Слушай, чего привязался? — вдруг спрашивает первый. — Я работаю!

— Я тоже, — отвечает висящий. Вдруг он судорожно дергается, контуры его лица начинают перетекать из одного в другое, нос сползает на щеку, руки свешиваются до земли.

— Слушай, урод. — Первый чувствует себя победителем, вероятно, ему удалось получить контроль над телом собеседника, как он проделал это со мной, и ему доставляет удовольствие насмехаться над ним. — Тебя тоже когда-нибудь вытаскивать придется! Отвяжись! А то чайник согнется совсем!

Голова у размытого и вправду совсем свесилась набок, шея согнулась под неестественным углом, глаза выкатились. Он достает фонарик и светит мне в лицо. В этот раз я — не его жертва. Он должен признать это. Победитель вдруг резко толкает меня, и я падаю с трона. Тело начинает слушаться, но я еще очень слаб и не могу подняться. Пришелец садится на трон, неужели это все-таки вторжение? С этого места он может управлять всеми ресурсами человечества, Земле пришел конец!

— Вика, терминал!

Точно. Он вызывает терминал. Что делать? Бессилие охватывает меня. Я сажусь на пол и обхватываю голову руками. Мой мучитель бежит ко мне, хватает за шиворот, кричит:

— Снимай шлем! Гаси машину.

Ему нужен пароль доступа к Центральной. Он требует, чтобы я потушил систему, и тогда можно запустить ее заново, с личными правами настроенными на того, кто сидит на троне императора. И тогда вся Солнечная система будет подчиняться только ему.

— О боже… — шепчу я. — Я не хотел этого… Видит Бог, не хотел…

Что будет дальше с планетой, со всей империей? Что будет со мной? Но, похоже, меня не собираются убивать. Ему достаточно просто занять мое место.

— Счет за спасение я тебе пришлю, — кричит он. — Выходи отсюда, живо!

Все плывет перед глазами. Не могу стерпеть такого позора. Я подвел людей, подвел Землю. Я хватаюсь за сердце и медленно оседаю на пол.

Вокруг темнеет. Холодно. Я умираю…

Татьяна Матвеева
DEEP DAWN

Никогда не думал, что первые строчки рассказа могут быть такими трудными. Казалось бы, чего проще — рассказать о себе? Тем более если это твоя же история, которую ты знаешь лучше, чем кто-либо на этом свете… Впрочем, я уже давно сомневаюсь в этом свете, существует ли он вообще; существует ли так называемый Real World — или это все призрачный сон, морок, и на самом деле нет ничего, кроме призрачного города глубины вокруг, города, в который ежеминутно приходят люди из ниоткуда и уходят в никуда…

Но я все-таки верю, иначе было бы невозможно жить; я верю, что-то, что я считаю своими воспоминаниями, не обманывает меня, что это не шутка какого-нибудь программиста, не ошибка сервера; что все это действительно существовало…

Последний рассвет, который я помню…

Я узнавал о наступлении рассвета по узенькой солнечной полоске, которая ползла по стене за моей спиной. Я замечал ее, отворачиваясь от компьютера; потом смотрел на часы (обычно это ничего не давало, в кварцевых часах сели батарейки, а механические я всегда забывал вовремя заводить), убеждался, что они стоят, снова поворачивался к компьютеру, глядел на трей и обнаруживал, что уже действительно утро. Вот то, что я помню лучше всего; остальное было слишком давно.

Отец наконец-то сообщил мне, что уезжает. Меня несказанно обрадовало это известие; он давно уже собирался отправиться с друзьями на выходные куда-то в пригород, собирать грибы и жарить шашлыки на природе. Никогда не интересовался ни тем, ни другим; мне эта поездка отца сулила только одно — два дня (даже немногим более двух дней), когда я останусь дома в одиночестве, и никто не будет стоять над душой или оттаскивать меня от компьютера.

Хуже нет, когда тебя оттаскивают от компьютера, не важно, что ты делаешь — читаешь ли почту, рисуешь какую-нибудь картинку, ставишь новую программку или разбираешься, что там накапало из файлах, — отец же, как нарочно, всегда появлялся в неподходящее время. У него всегда находились какие-нибудь причины, по которым я должен был отойти от компьютера, а если я настаивал на своем или слишком долго, по его мнению, отвечал «Мм… да… сейчас…» на его зов, то он вваливался в мою комнату и в зависимости от настроения начинал долгие нравоучительные

лекции о вреде компьютеров или просто властно тыкал пальцем в кнопку reset. До последнего я старался не доводить…

Итак, в пятницу вечером я закрыл за ним дверь и с облегчением прислонился к ней с другой стороны. Свободен! Наконец-то. Наконец-то! Два дня чистой свободы… Да.

Я заметил желтую полоску солнечного света, повернувшись от компьютера, и понял, что уже утро. Вот так оно всегда и бывает! Ночь прошла незаметно. Я слышал, как мейлер, скрытый где-то под грудой окон, начал прозваниваться за утренней порцией почты. Игрушка, с которой я возился — мы писали ее на досуге с другом, — за эту ночь серьезно продвинулась. Я докончил несколько блоков, на которые никак не мог выкроить время в течение недели. «Вот что значит, когда тебе никто не мешает!» — подытожил я с удовлетворением и отправился к холодильнику, чтобы поискать чего-нибудь съестного. Память подсказывала мне, что я ничем не ужинал.

Есть большое разнообразие продуктов, которые в обществе нормальных людей полагается есть в горячем виде, в то время как они превосходно идут холодными. Знакомый мой Дик из Штатов говорил, что частенько завтракает полуразогретой пиццей — по его словам, он держит десяток замороженных в холодильнике и греет их в микроволновке, только ему никогда не удается запомнить, сколько именно надо разогревать их и в каком режиме. Могу себе представить; один раз отведав такую пиццу, снаружи покрытую теплым расплавленным слоем сыра, внутри же которой чувствовались холодные катышки льда, я решил больше пиццу не покупать. Есть гораздо более дешевые и более приемлемые на вкус варианты. Например, холодные макароны, оставленные ночью на сковородке, или что-нибудь из консервов.

Но мне не хотелось ни лезть за макаронами, ни открывать консервы; в то утро я ограничился тем, что просто намазал большой ломоть хлеба маслом, вылил в чашку остатки кофе и вернулся к компьютеру. Отец уехал всего лишь на два дня, и глупо было растрачивать время.

Почты почти не было. По выходным всегда так, к сожалению. Только в локалке болталась пара жалких мессаг — от босса с напоминанием о приближающейся пойнтовке и от Коляна ко мне с напоминанием, чтоб на этой приближающейся пойнтовке я отдал бы ему диск с Борландом. Да, Борланда надо будет отдать. Если я опять его не забуду.

Вот и все… Значит, в Фидо у меня неотложных дел пока нет…

Я нагнулся под стол и вытащил из-за компьютера, распутывая провод, виртуальные очки «SyrenGlass». Китайская подделка. На

настоящий шлем с костюмом, разумеется, денег у меня не было. Впрочем, по большому счету это все равно не имело большого значения — разве что погнуть пальцы перед товарищами. А надо ли? Старенькие очки, купленные с рук на Митинке — провод в одном месте обмотан изолентой, — меня вполне устраивали.

У меня оставалось еще почти два дня, но я не собирался тратить их все на пребывание в вирту альности. Тем более что была строгая договорен ность с приятелями, что хакнутый дип-аккаунт юзаем строго по очереди. Я не собирался нарушать эту договоренность.

Очки уже сидели на лбу, я получше натянул перчатки, повертев руками в воздухе. Проводки с тыльной стороны перчаток походили на вздувшиеся белые вены.

Deep-Navigator от RitLabs-ов, маленькая, популярная разве что в узких кругах ценителей программка.

Настройки… Таймер…

Таймер.

Он должен был сработать. Он никогда еще меня не подводил. Никогда. Я не понимал тех людей, которые ходили к умельцам из Митино за пятерку баксов перепаивать контакты на плате, не понимал тех, кто ковырял в hex-редакторах программные таймеры, пытаясь сбросить ограничитель. Это фанатики виртуальности. А может, они отдавали дань моде. А может, доказывали другим свою виртуальную крутость. Не знаю. Что касается меня, то… Это трудно объяснить. Однако быть за компьютером, чувствовать едва-едва сопротивление клавиш под пальцами, слышать скрип открывающегося лотка CD-ROM, подкручивать на ощупь рычажок громкости на колонках, так же на ощупь находить стоящую у монитора бутылку с пивом или чашку с остывшим за ночь кофе, видеть на экране зернистым шрифтом Terminal мерцающие зеленоватым светом строчки программного кода мне нравилось больше, чем бесцельно бродить по улицам виртуального города, над которым никогда не всходило солнце. Но глубина — это было ново. Это было интереснее, чем «старый добрый Интернет». Хороший способ развеяться и отдохнуть…

Я поставил таймер на четыре часа.

Поставил. Сохранил установки. Одна рука привычно нащупала нужную клавишу на клавиатуре. Другой я надвинул на глаза очки, еще раз дернув спутавшийся провод.

Каждый раз писать в командной строке «Deep» — занятие для эстетов. Не иначе. Зачем?

F11.

Хочется закрыть глаза…

Этот отель я нашел на самой окраине Диптауна — случайно. На самой окраине — дальше уже не было видно домов, дорога уходила куда-то вдаль, к служебным кварталам, куда не было доступа «простым смертным», и горизонт тонул в туманной дымке. Узкая, пустая каменистая дорога. Словно в насмешку, кто-то прикрепил на столбе табличку с надписью: «Information Superhighway». Ниже второй остряк приписал коряво красным маркером «Road Ahead». Под этой табличкой была другая — хорошо известный, многократно размноженный в «старом добром Интернете» гиф, изображающий собаку неизвестной породы с дискетой в зубах. Кто поместил тут эту картинку — так же непонятно, но это был знак, что тут собирались свои.

Perfect hiding place. Как раз подходящее место для входов под хакнутым дип-аккаунтом. В этом отеле давали номера на халяву, но, видимо, не всем; обычные отели и зарезервированные «точки входа» требовали платы и регистрации, или были сплошь увешаны рекламой. Здесь не было ни того ни другого. Можно было выбрать обстановку будущего номера по каталогу, заказав, какие предметы желаешь видеть внутри; каталог был довольно стандартный, но я как-то сразу смог выбрать в нем то, что меня устраивало и походило больше всего не на комнату в отеле, а на мою родную комнату с компьютером. В первый момент, когда я вошел в приготовленный для меня номер, мне даже показалось, что сработал таймер и я снова оказался дома. Но это был не дом, а Диптаунская придорожная гостиница, и тем не менее это был именно такой номер, как я хотел.

В этом отеле иногда собирались какие-то фидошные тусовки — я понял, откуда тот самый гиф с собачкой; однако я не вписался в компанию, а может, не особенно и хотел. Прибывая, я почти сразу отправлялся в центр города — туда, где меня могли ждать друзья,

Но в тот день я так никого из «своих» и не встретил. Возможно, сам виноват — забрался в Диптаун слишком рано. Часов в шесть или в семь утра, если я правильно помнил… в Городе глубины всегда был вечер; солнца не было на нарисованном небе. Так было романтичнее, а создателям города, видимо, оказалось дешевле…

Бывает так, что заберешься в Сеть, и вроде делать особо нечего, а вылезать не хочется. Бродишь лениво по знакомым сайтам, убеждаясь, что нет никаких обновлений, поглядываешь на полупустые чаты… но что-то удерживает от нажатия на disconnect, хочется задержаться здесь еще немного… ради самой Сети, ради странного ее ощущения.

С Диптауном тоже… По крайней мере так было. По крайней

мере так было: бродишь и не хочешь уходить… Зная, что можешь уйти…

На самом деле город нарисован скверно. Я знаю, когда мы глядели через плечо Петьке, первому счастливчику из нашей компании, который попробовал на себе deep, то на экране его компьютера видели только блеклую зернистую картинку и не могли поверить, что такое способно создать иллюзию реальности.

Раньше была графика так графика, игры так игры. Старые Квейк или DOOM нарисованы и то куда лучше Диптауна. А тут дизайнеры решили не стараться: подсознание юзеров все сделает за них… Халтура.

Хотя, когда ты внутри, ты всего этого не видишь. Зная, что на самом деле сидишь дома, за клавиатурой, в виртуальных очках или в шлеме, провода тянутся к компьютеру… Зная это — упираешься в пустоту. Нарисованный город вокруг кажется реальным… Совсем реальным… Из него нельзя выйти. Разве только в «точке входа»… или сработает таймер… Мне казалось, я бродил по городу уже достаточно долго. Четыре часа должно было уже пройти. Можно было, конечно, ехать в отель, к «точке входа», но проще было спокойно дождаться срабатывания таймера. В ожидании я встал около стены одного из домов, невдалеке от русских конференц-кварталов. Я уже мысленно представил себе, как сейчас сниму очки и перчатки, запущу мейлер — прозвониться за почтой, схожу на кухню и найду чего-нибудь посерьезнее перекусить… А потом снова вернусь к нашей игрушке… Да и лабораторную решить не мешало бы… Вот этим тоже займусь…

Ну же…

Я ждал. Внутреннее чутье времени слегка подводило. Мысленно отсчитывал секунды — сейчас «дип-навигатор» подаст нужный сигнал, я увижу в глазах «дип-программу наоборот» — и вернусь. Домой.

Мимо, от конференц-кварталов, прошли две девчонки. «Здесь красиво», — услышал я обрывок разговора. «Пожалуй, здесь красиво… Но я бы нарисовала это все не так…» — «О, ты тоже дизайнишь?» — «Немного. Я бы нарисовала все иначе… Город, который бы нравился мне… В нем было бы больше света». — «Значит, тебе не нравится здесь?»

Но я не услышал ответ.

Дип-программа беззвучна, но глубина навалилась вдруг на меня тысячью звуков. Гулом, который все нарастал; гулом и звоном; шумом миллионов голосов; я ждал, что перед глазами возникнет знакомый калейдоскоп из цветных осколков, но вместо него в глазах была темнота. Однако это длилось лишь несколько

мгновений; цветные всполохи наконец прорезали темноту. Звуки не исчезали: то ли шум прилива, то ли отдаленный гул колокола, то ли звон тысячи струн… но вспышки продолжались, и я ждал, что верный проводник, верный дип-навигатор, проведет меня поскорее сквозь этот гул к светящемуся островку реальности.

«Я дома, дома, — повторял я себе. — Дома, за компьютером. Сейчас сработает таймер, и я рассыплюсь для окружающих снопом тающих искр, сейчас кончится этот морок… Скорей бы попасть до мой…». Мельтешение кончилось. Кончился сразу и гул, и осколки цветов, и звон, и свет… Я смотрел на свои руки — мне казалось, от них еще рассыпаются искорки, как бывало при срабатывании таймера. Фирменный эффект ритлабсовского «Навигатора», что говорить… красивый…

Но я не был дома. Я понял это сразу: я все так же стоял на улице, прислонясь к стене дома, и над головой все так же светилось розово-фиолетовым светом вечно вечернее небо Диптауна. Таймер не сработал…

Я отнесся к этому спокойно. Волноваться? За чем? Спокойнее. Так. Первый напрашивающийся выход — добраться до точки входа и выйти из виртуальности вручную. Не хотел добираться до отеля, но, видимо, придется.

Днем (в Реальности, видимо, в Европейской части России, по крайней мере день) в отеле обычно пусто. Хозяйка сидит на диванчике у стены в зале, где обычно проходят фидошные встречи. На столике перед ней бутылка шампанского — она задумчиво отпивает из бокала.

Поворачивает голову в мою сторону. Видимо, замечая, как я смотрю на бокал, наливает из бутылки во второй и протягивает мне: «Хочешь?»

Да, пить я хотел. Не глядя протянул руку, почти залпом выпил… Холодное шампанское, приятно чувствовать холод тающих в бокале льдинок. Самовнушение — великая вещь? Дома меня ждет выдохшееся пиво и холодный кофе.

Протянув руку за бутылкой, я снова стал наливать шампанское в бокал. Но что это? Вместо искристого, шипящего пузырьками напитка в бокал лилась мутная настойка — вода с какими-то ошметками апельсиновых корок. Шутки подсознания?!

Это было шампанское, на вкус — пока я думал, что это было шампанским. А оказывается, в бутылке хозяйка держит какую-то дурацкую настойку…

Все, что я вижу и чувствую, — нереально. Иллюзия…

Иллюзии…

Ничего этого нет. И компьютер, за который я сажусь в своем гостиничном номере, не более чем виртуальный образ. На самом

деле ничего этого нет. Если я начну набирать какой-нибудь текст, то незримые команды будут нестись по проводам между сотнями диптаунских серверов, я буду думать, — что я печатаю что-то… А на самом деле я всего лишь дома. И на столе у меня — всего лишь апгрейженная «Четверка», а не роскошный «Pentium», который я велел взгромоздить в своем гостиничном номере. Иллюзии… Но этот самый иллюзорный «Pentium» свяжется с моей «Четверкой» и даст ей команду на выход. Так по крайней мере говорится во всех брошюрках «Deep user manual», раздаваемых клиентам дип-провайдеров. Ну что же…

Destination host unreachable. «Четверка» не отвечала. Это было хуже всего — значит, компьютер подвис. Вернее, подвис, небось, «Дип-навигатор», запущенный в отдельной задаче. После моих недавних экспериментов с материнской платой эти глюки пошли, что ли? Я вспомнил, что компьютер дома так и стоит без крышки — с открытым корпусом. Еще Серега заносил свой винт, так, чтоб быстрее было подключать…

Положение было паршивое, хотя и не безвыходное. Самое тяжелое, что меня могло ждать, — утром в понедельник (или в воскресенье вечером) вернувшийся из поездки отец войдет в квартиру и найдет меня «в отключке» за машиной. Душераздирающее зрелище. Гм… Душераздирающее. Я мог представить себе в подробностях, как это все будет, как отец сорвет с меня виртуальные очки и ткнет в «ресет» (интересно, что сначала — очки сорвет или «ресет» нажмет? Или вилку вырвет прямо из розетки?..). А дальше — головная боль и скандал с отцом плюс недели нравоучительных лекций мне обеспечены. Неприятная перспектива, разумеется. А если еще начнутся разборки, где я взял дип-аккуант… неприятности гарантированы. Впрочем, может быть, можно было что-то придумать.

Нужно было, чтобы кто-нибудь вывел меня из глубины раньше отца. Хотя бы кто-нибудь из друзей. Мне казалось это наиболее приемлемым выходом. Оставалось только попросить кого-нибудь, кому я мог доверять. Если приятелю придется ломать замок… Ну что же… разберемся, починим. Уж это будет не проблема — главное, выбраться из этой глубины, где я оказался нечаянным пленником.

Я вернулся в центр города. Обычно мои приятели появлялись под вечер. Я мог бы, конечно, послать кому-нибудь мессагу, но предпочел бы поговорить о своей просьбе лично. Поэтому пришлось коротать время…

Виртуальный город огромен — и одновременно мал; в нем не действуют привычные законы пространства, здание внутри может казаться куда больше, чем выглядит снаружи; когда-то мне

казалось, что весь Диптаун посмотреть невозможно жизни не хватит. Но это ошибочное мнение. Да, он постоянно пополняется. Но в то же время он во многом однообразен. Сплошные ресторанчики, кафе, магазинчики — в магазинчиках, правда, в большинстве своем толпятся американцы, им видите ли доставляет удовольствие совершать покупки таким вот виртуальным образом. Экзотика.

Музеи. Иногда интересные, иногда не очень. Картинные галереи, выставки техники, музейчик старых компьютеров… Порталы для входов на сервера игр. Офисы корпораций. Реконструкции исторических зданий. Огромный квартал для любителей древней истории — заповедник, где надо ходить в тогах и изъясняться возвышенным слогом. Строили опять же американцы. Заходил как-то — туристом. Шел по специальной тропе для туристов, тщательно обходя все их заграждения «members only». Гуляющие в тогах — ходят, на туристов не смотрят, обращаются друг к другу «Джон Цезарь» или «Мэри Клеопатра», или «Джессика Иустина» — в общем, непонятно, то ли это игра такая, то ли они взаправду…

А конференц-кварталы? Как я понял, туда собираются отнюдь не те, кто читает настоящие эхи и пишет в них нормальным фидошным совтом In Real Life. Скорее, места для скучающих туристов. Хотя приходят и настоящие фидошники — в основном, чтобы поприкалываться. Прелести текстевого общения в конференциях не заменят никакие диптаунские трехмерки…

— Таймер у меня завис, не сработал, — объяснял я Мишке, которого встретил наконец недалеко от наших конференц-кварталов. Мы присели с ним на лавочке в маленьком скверике, напоминающем старый московский дворик. Правда, картину уютного дворика несколько портило находившееся рядом огромное здание, все, казалось, состоявшее из сплошных голубовато-зеркальных окон. К зданию было сделано несколько аляповатых пристроек поменьше. Красновато-коричневая надпись «Welcome to RU.INTERNET» светилась, подрагивая, на фасаде, и отблески света плясали в зеркальных окнах. Красиво сделано, хотя и с вызовом.

Мишка тянул колу через трубочку из стаканчика и посматривал, прищурясь, на меня.

— Говоришь, ничего не будет? — еще раз переспросил он. — Ты знаешь, если дверь ломать — соседи сбегутся, и от отца твоего еще получим…

— Да ничего не будет. Замок все равно на честном слове… Послушай. Завтра воскресенье. Отец только утром в понедельник вернется. Если он меня за компом застанет… в глубине… Ну ты

сам понимаешь. Мне бы хоть выбраться… Я уже сколько здесь торчу? Часов восемь? Понимаешь… Ты же живешь рядом. Ну что тебе стоит?

— Я подумаю…

— Ты мне друг или не друг? Ты понимаешь…

Мне нужна помощь…

Я не люблю признаваться в собственной слабости, но, впрочем, это был именно такой случай. Я мог бы, конечно, поискать кого-нибудь еще из друзей. Но в случае с Мишкой это было удобнее — он жил всего в двух кварталах от меня, остальные знакомые в разных концах города, гораздо дальше. Соответственно и Мишка часто бывал у меня в доме, и соседи его все-таки знали как моего приятеля.

— Ну ладно, не сердись. Я зайду к тебе. С утра. Завтра. Ты еще продержишься?

Продержусь ли я?

Я посмотрел на пляшущие огоньки в зеркальных окнах RU.INTERNET-а. Вообще, хотя я уже, по моим подсчетам, бродил по виртуальности часов восемь, а то и девять, я не чувствовал усталости или голода. Возможно, просто от напряжения — когда волнуешься, часто забываешь и про еду, и про сон. А мое возвращение домой занимало меня, если честно, все больше и больше. Скорее всего продержусь. Прогулка в Диптаун несколько затянулась.

— Лехе мессагу кинь, чтоб под нашим с ним аккаунтом завтра в Дип не лез… А то, сам понимаешь, когда я здесь завис… Засекут. ОК?

— Само собой, — кивнул Мишка и снова отхлебнул КОЛЫ.

— Скажешь ему, я же не виноват… так получилось. Не надо было проц разгонять… или не проц, не знаю, но разберусь уж, что там заглючило… — Я опустил голову. — Мне бы только выбраться домой… Ты понимаешь. Неудобно все получилось…

— Неудобно. Ну ничего. Я зайду завтра. — Мишка отбросил в сторону опустевший стаканчик. — Жди. Мне пора. — Он растаял в воздухе. У него-то таймер был в порядке…

Впервые я не знал, что делать. Обычно бывало так, что жаждал попасть в Сеть — и мучился, когда не мог туда попасть, — а тут наоборот. Сижу в Сети — и не могу выйти. И впереди еще целый вечер, целая ночь… Сколько там времени понадобится, пока утром Мишка доберется и вытащит меня? Я старался об этом не думать.

Возвращаться в отель не хотелось. Есть почему-то тоже. Помню, я забрел наконец в какой-то кинотеатрик с коллекцией старых фильмов — можно было взять любой, на выбор.

Стереозвук, стереокартинка — смотришь, а кажется, что действие фильма разворачивается вокруг тебя. Там я и просидел в тот день до утра.

Увидеть рассвет стало уже навязчивой идеей. В Москве сейчас должно было быть утро. Я представлял, как золотистая полоска света пробивается в щель между занавесками, как маленький упрямый лучик падает прямо на монитор. А я сижу перед своей «четверкой» в кресле, с задеревеневшими руками и ногами, под виртуальными очками, небось, уже слезятся глаза… Неужели я этого так и не почувствую? Не было ни усталости, ни желания спать. Только тревога — ну где же там Мишка?..

Когда часы над площадью показали одиннадцатый час вечера в Москве, я отчаялся в том, что он придет. Либо он не смог открыть дверь, либо что-то другое помешало ему прийти. Оставалась досада, но и только. Я уже смирился с тем, что на следующее утро мне уготованы разборки с отцом. Итак, он вернется и ткнет наконец «ресет»… Что ж, скорее бы.

Чтобы набраться храбрости — пропадать — так с музыкой! — забрался в какой-то близлежащий бар. Какую-то не очень известную марку пива там давали бесплатно; и то хорошо — у меня все равно не было никакой кредитки. Впрочем, поскольку я этого пива не знал, то, наверное, потому и не почувствовал почти никакого вкуса. Пиво и пиво… Но все же стало повеселее. Я даже пытался затеять разговор с девчонками, сидевшими за соседним столиком, правда, те отвечали не особенно охотно…

Я снова вышел в прохладную ночь. Или вечер. Здесь, в общем, всегда светло, но все же никогда не заходит и не всходит солнце. Если зайдешь на сервер какой-нибудь игры — там может водить в небесах хоровод хоть десяток солнц, но здесь всегда одно и то же. И погода — вечное лето. Кто-нибудь, может, сказал бы, что это рай, но мне не казалось это похожим на рай. Я не хотел бы проводить здесь все свои дни, как те фанатики, что ломали свои таймеры и таскали дип-платы к умельцам на Митинский рынок; мне нужно было знать, что я могу вернуться. Вернуться и снова прийти, когда я захочу…

Я ждал. Как в первый день я ждал, когда сработает таймер, так в понедельник утром я ждал, когда же наконец картинка Диптауна перед глазами исчезнет и вместо светящихся огней реклам виртуального города я увижу перед собой гневное лицо отца. Я слышал по рассказам, что когда с головы срывают очки или шлем и ты вываливаешься из виртуальности в реальный мир, то это очень неприятно и даже больно; головная боль и разбитость на весь день обеспечены. Я готовился к этому. Однако отец все не приходил… И Мишка тоже не приходил…

Тогда меня охватила тоска. Я все равно ничего не мог сделать, и это бессилие меня убивало; мне казалось, что время тянется нестерпимо медленно, я старался себя успокоить, зная, что всегда так бывает. Но волнение все росло. А если отец задержался? Если он вернется только вечером? Хуже не придумать. А что я?

Я могу обратиться к кому-нибудь со знаком открытой руки — добровольным помощникам — на всякий пожарный случай. Но мне придется назвать свой реальный адрес, чтобы бригада спасателей отправилась бы ко мне домой; мне бы этого не хотелось. Да, этот вариант оставался на всякий случай… Я откладывал его. Они бы проследили мой канал — платить за незаконный вход в Дип (я боюсь, ту лоховскую фирму мы с друзьями нагрели уже на хорошую сумму…) пришлось бы моему отцу и родителям моих друзей. Подвести всех? Нет, это только на самый крайний случай. На крайний.

Остановившись у открытого терминала, я решил написать письмо Мишке.

Дип обладал множеством шлюзов в обычный Интернет; написанная в глубине мессата превращалась в обычный e-mail и падала адресату в обычный электронный ящик. Можно было изнутри зайти в какой-нибудь текстовый чат вроде IRC или включить коммуникационную программу типа неистребимой Аськи. Я залогинился в свой ящик и написал Мишке несколько строк:

«Что случилось? Ты почему так и не пришел меня растолкать? Что произошло?»

Ответная мессага свалилась буквально через несколько секунд — видимо, Мишка, сын админа в какой-то фирме, обладавший халявным Интернетом, сидел в он-лайне.

«Кто это пишет?»

«Это я, Дима. Кто же еще? На обратный адрес посмотри. Не узнал? Так почему ты не пришел, что случилось-то?»

На этот раз ответной мессаги долго не было, и я боялся, что Мишка уже вышел из Сети. Я уже плюнул и хотел пойти прочь от терминала, когда пискнула вновь пришедшая мессага.

«Перестаньте шутить».

Я торопливо набрал в командной строчке слово talk, и экран послушно разделился на две половинки. «Мишка, юниксоид долбаный, ну давай же, выходи…» — поторапливал я его. Наконец, его ник появился в чате.

«Кто бы там ни был, это не повод шутить», — снова выскочили на экране строчки.

«Я не шучу. Мишка, это ты? Я все еще болтаюсь в этом

несчастном Диптауне, после того как таймер повис. И отец все еще не вернулся. Я тут уже третий день… или четвертый… совсем времени счет потерял… Почта вторую ночь не скачана, босс прибьет… Мишка!»

Я думал, что он вышел из чата. Ненадежная связь? Но нет, он возник снова. Я оторопело всматривался в строчки, проявляющиеся на его половинке чата. *«Послушай. Кто бы ты там ни был. Димка был моим другом. Понимаешь, ты, там? Другом. Это не повод для шуток».*

«Был, а сейчас что — уже нет?» — рассерженно начал печатать я.

«После того как его не стало…»

«Что ты несешь? — Мне захотелось крикнуть, но я вспомнил, что Мишка меня не слышит, и вернулся к клавиатуре. — *Что ты не…»* — Я не успел допечатать строчку. На Мишкиной половине экрана продолжали появляться слова.

«Ты, там, нашел тему для приколов. Поверь, я никому не пожелаю такого — открыть дверь в квартиру друга и найти его мертвым. Мертвым. На полу. Паленые провода. Обгоревший компьютер… С таким не шутят, понимаешь, ты? Не шутят. Иди прикалывайся в другом месте…»

Мне было это не смешно; если Мишка избрал способ шутить, то этот способ был явно неподходящим. Говорить мне, что я умер? Чушь. Впрочем, если это не Мишка сидел там сейчас за компьютером, а его младший брат наконец-то заломал логин брата? Он все божился это сделать. Тогда это все объясняет; Олег, пожалуй, любитель таких мрачноватых шуток.

В этом ужас виртуальности, в этом беда призрачности Диптауна… и Сети вообще. Ты никогда не можешь быть уверен, что тот, с кем ты говоришь, не видя собеседника, — твой друг, а не кто-то еще. Всегда остается вероятность хакнутого пароля, подставы, розыгрыша. Отбросим банальные страшные истории про виртуальные романы, в которых прекрасная незнакомка неизменно оказывается лохматым скучающим программистом… мы с друзьями и сами сидели в чатах под разными именами, представлялись и девушками, чтобы разыграть кого-нибудь… Но сейчас… я не думал, что Мишка способен на такие забавы.

Стою на площади в растерянности. Под лиловым нарисованным небом. Смотрю на него — и кажется, что оно распадается на отдельные сверкающие пикселы, они дрожат и сливаются вновь. Дома вокруг — изящные разводы мраморных плит кажутся банальной текстурой из микрософтовского клипарта. Нет, это по-прежнему мрамор… Хотя я знаю, что это не так. Это все нарисованное. Не настоящее. Но сознание — в тисках

дип-программы — убеждает меня, что все вокруг не компьютерная сеть, не симуляция, а реальность. Эта реальность давит. Она как клетка. Я хочу вырваться отсюда… Для того чтобы когда-нибудь вернуться снова, с машины с настроенным таймером, чтоб больше не зависнуть здесь — так… Сколько я еще буду валяться дома у машины, пока меня не приведут в чувство? А если отец не вернется сегодня, если он звонит мне, чтобы сообщить, что задержится у друзей еще на пару дней, обрадовать меня, звонит и нарывается на busy — старенький Zyxel держит линию железно… А если я так умру?

Но ведь мне только что сказали, что я умер. Мишка сказал. Или не Мишка? Кто его знает, кто там под его логиком сидел сейчас в чате. Может, таки его брат. А может, кто-то в гостях был. Но я не мог умереть. Какой-то философ древний сказал: я мыслю, значит, существую, вроде бы. Хорошее выражение. А я ведь мыслю. Значит, существую… Я жив.

Человек с унылыми, почти рыбьими глазами смотрит на меня. У него повязка — знак открытой ладони. Знак помощи. «Тонет юзер и кричит — Fl! F1!» — дурацкий анекдот вспомнился… — Вы творите, сколько вы уже в виртуальности?

— Я не уверен… Я вошел в субботу утром. Я так думаю. У меня сломался таймер. Я не могу выйти из моей точки входа. Не удается связаться с моим компьютером. Программа, дип-навигатор… Думаю, она зависла.

— Хорошо.

«Чего здесь хорошего?» — про себя думаю я… Но молчу. Этот человек здесь, чтобы помочь; позволительно ему быть немного бюрократом.

— Вы должны сообщить свои координаты. Адрес… Телефон… Так. Москва. Россия? Да, Россия… Отлично. У нас есть там экстренные команды… Однако, как вы понимаете, чтобы не было хулиганства, ложных вызовов…

— А что будет, если человек умрет, когда находится в виртуальности? — спрашиваю я, это вырывается как-то само, неожиданно… — Сознание останется жить в Сети?

Помощник все так же рассеянно смотрит на меня. Его программа-переводчик, вероятно, старается донести до него смысл сказанных мной слов.

— Э… ммм… — Он мотает головой. — Приступим. Сядьте здесь. Сейчас мы отследим ваш канал, чтобы найти точку входа… там, в Москве. Это не займет много времени.

— Но я же назвал адрес…

Человек скрылся за перегородкой. Я ждал. Я слышал, что у них есть способы отследить канал. Прощай, ворованный аккаунт

от Deep-Link'а. Ну что же. Жизнь важнее. Мне бы только вернуться… Как это странно — застрять в нарисованном городе; путешествие затянулось; я хочу домой.

Водолаз, наверное, отправляется к морским глубинам только с условием, что он сможет вернуться на поверхность; участь обреченного ихтиандра его вряд ли бы устроила. Моряк пускается в плавание, зная, что корабль снова пристанет в порт — кому захочется плыть на «летучем голландце»… Уходя в дальний и опасный путь, всегда хочется знать, что можно вернуться.

Ну так мы и пускались в глубину — зная, что есть таймеры, спасатели, проводники… зная, что можно вернуться. Кто бы отправился сюда, зная, что не будет пути назад?

Человек вернулся из-за перегородки; он выглядел рассерженным. Я не успел ничего возразить, не успел опомниться — он вытолкал меня из здания и захлопнул перед моим носом дверь. Что это? Я постучал в дверь снова, но она была закрыта. Да что ж это такое! Я отошел от двери и прильнул к окну.

Мой недавний собеседник с рыбьими глазами стоял возле стола, за которым сидела секретарша, и что-то говорил ей. Я придвинулся ближе, чтобы слышать.

«И это уже не первый раз. Шутки… Да. Шуточки пошли… И в основном у русских. Этих, как его… фидошников. У них программа такая есть — Psys — так они все в оффлайне соревнуются, кто лучше ее настроит, чтобы юзеров дурачить — она с ними болтает и выдает себя за человека». — «И что же?» — «А то, что повадились таких Psys-ов пускать в Диптаун. Много ума нарисовать его не надо… Напарник мой говорил, что уже с таким столкнулся. Изображал юзера, чайника, тот за ним часами ходил, все просил пояснений «А это что? А почему?» Тот все думал, действительно чайник попался, пока не догадался посмотреть. Вот так же, как я сейчас. Нету канала, по которому он вошел в Сеть, если бы это был человек. Программа, запущенная на какой-то сервер… все…» Канала? Я снова толкнул дверь. На этот раз она открылась.

— Вы говорите, что у меня нет канала? Но как же я вошел в Сеть? Постойте. Я же вошел… Через «Диплинк»… — в отчаянии я готов был выложить все.

— Нас это не заботит. — Человек с рыбьими глазами подталкивает меня назад к двери. — Я не имею ни малейшего желания выяснять, какой сервер сейчас поддерживает ваше существование. Мы здесь, чтобы помогать людям, а не ботам.

— Вот, если хотите знать… Секретарша протягивает своему боссу листок, тот издали показывает его мне.

— Глупая шутка. Скверная шутка. Вызвать бригаду дип-

спасателей в дом, где только что умер человек. Дмитрий, именем которого вы назвались, погиб два дня назад. Мы послали запрос. Сообщают, что его убило током во время работы на компьютере. Очень, очень скверная шутка.

Снова отель. Несколько часов, не понимая сам, что делаю, пытаюсь тупо достучаться до своей «четверки». В ответ — тишина. Может быть, это неудивительно, если нет канала, связывающего меня с домом? С Real World?

У них просто приборы глючат. Я был уверен. Я уверен в этом, потому что надо же быть хоть в чем-то уверенным…

— Покидаете нас? — улыбается хозяйка, появляясь неслышно у дверей отеля. Я поворачиваюсь, смотрю на нее, смотрю на табличку с надписью «Information Superhighway», на гиф с фидошной собачкой.

— Да… Покидаю.

— Ваш номер будет ждать вас.

— Спасибо, я не думаю, что вернусь еще когда-нибудь.

Мне бы только выбраться из Диптауна… У меня нет ни малейшего желания возвращаться — ни в виртуальность вообще, ни в отель — по крайней мере сейчас. Она по-прежнему улыбается.

— Все так говорят… Я придержу ваш номер. Если что — в любое время… Логин вам известен.

— Да, конечно. Спасибо за любезность… Спасибо…

Я хочу уйти. Снова в центр… Мне кажется, что еще минута промедления здесь — и я погибну окончательно.

— Глубина освобождает, — говорит хозяйка. — Можно быть кем угодно — и здесь быть всеми, кем мы захотим. Там, в реальной жизни, можно быть другим человеком. Можно быть инвалидом. Можно лежать, прикованным к постели, а здесь снова ходить, бегать, летать. А можно и вообще не быть… Рано или поздно… Рано или поздно таких людей будет больше. Тех, кому не вернуться в настоящий мир… Для кого глубина останется единственной реальностью… Пауза.

Она словно говорит сама с собой, вовсе не обращаясь ко мне… Тогда надо идти. Я иду… Почти бегу…

Я мыслю. Значит, существую. Как заклинание. Все остальное — долгий сон, иллюзия. Просто, наверное, кто-то сговорился против меня… время… часы можно подкрутить… Откуда я знаю, что мне не врут? Мне кажется, что прошло всего несколько дней, или часов…

Вечный вечер и всполохи рекламных огней.

Мне просто нужна помощь. Вот что я знаю. Вот во что я верю. Вокруг — столица виртуального мира; люди приходят и уходят,

появляются и тают в воздухе, когда приходит время и у них срабатывает таймер. Уходят и возвращяются, пересекая границу… в Real World и обратно… Домой… в Real World…

Поможет же мне кто-нибудь? Должен помочь.

Я иду через площадь к конференц-кварталам.

— Послушай, ты не фидошник? — обращаюсь к идущему мимо невысокому пареньку. Тот улыбается.

— Ага, фидошник… А как ты узнал?

— Лицо у тебя такое. Фидошное…

— Возможно… Тебе что-то надо? Помочь?

— Да… Если не сложно… слушай. Ты сам не из Москвы? Ага… Вот что. Слушай… Напиши мессагу… в общем, чтоб передали… Передали на тринадцатый Московский узел, что пойнт номер шестьсот шестьдесят шесть…